

Международная
научная конференция
Национальная
экономическая
безопасность:
потенциал развития
и вызовы цифровой
экономики

Под редакцией
А. А. Пороховского,
С. В. Кайманакова

Экономический
факультет
МГУ
имени
М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова

Экономический факультет

Кафедра политической экономии

Международная научная конференция

НАЦИОНАЛЬНАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ И ВЫЗОВЫ

ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Сборник тезисов

Под редакцией

А.А. Пороховского, С.В. Кайманакова

Москва

2019

УДК 338
ББК 65.9 (2Рос)
М43

Составитель:
канд. экон. наук, доц. *С. В. Кайманаков*

М43 Международная научная конференция «Национальная экономическая безопасность: потенциал развития и вызовы цифровой экономики»: сборник тезисов / под ред. А. А. Пороховского, С. В. Кайманакова. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. — 128 с.

ISBN 978-5-906932-17-4

Сборник содержит тезисы участников международной научной конференции «Национальная экономическая безопасность: потенциал развития и вызовы цифровой экономики», состоявшейся 13 октября 2018 г. В тезисах в кратком изложении представлены результаты исследования ведущих специалистов России и стран СНГ общих проблем национальной экономической безопасности, ее различных видов и взаимосвязей между ними. Особое внимание уделено научно-технологической безопасности и цифровизации экономики в аспекте ее воздействия на безопасность России.

УДК 338
ББК 65.9 (2Рос)

ISBN 978-5-906932-17-4

© Экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Национальная экономическая безопасность является одной из тем научных исследований кафедры политической экономики и других кафедр экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Глобализация и цифровизация мировой экономики не только способствовала прогрессу экономического и социального развития человечества, но и создала новые проблемы перед мировым сообществом и национальными экономиками. В онлайн-пространстве оказались стертыми национальные границы и барьеры, стали доступными компьютерные системы правительств, компаний и рядовых пользователей интернета. При этом возросла конкуренция за ресурсы и рынки сбыта между основными центрами мирового хозяйства — США, КНР, ЕС. США встревожены уменьшением своего влияния на мировое развитие и стремятся любой ценой сохранить свое лидерство и защиту своих национальных интересов, которые они рассматривают в любой точке земного шара. Фактически сами США показывают пример другим странам, как обеспечивать национальную экономическую безопасность.

В XXI веке для национальных экономик возникло много новых угроз и вызовов. При этом международные институты пока не выработали механизмов регулирования мирохозяйственных процессов в новых условиях. Национальным экономикам приходится полагаться на свои возможности и ресурсы, чтобы защитить своих граждан, свое государство и свой бизнес. Поэтому обеспечение национальной экономической безопасности — это ответственность государства, для которого необходимо выработать целый комплекс мер как юридического, так и экономического свойства, чтобы практическим образом отстоять национальные экономические интересы.

Участники международной конференции обратили внимание на различные аспекты теоретического и практического решения проблем обеспечения экономической безопасности России. Как свидетельствуют

тезисы докладов и структура конференции, выступавшие предложили и обосновали свои подходы по самому широкому кругу вопросов, рассмотрение которых предполагает реализацию воспроизводственного метода анализа экономической безопасности. Было высказано пожелание регулярно проводить подобные научные конференции, поскольку изменяющиеся условия мирового развития требуют от государств адекватно реагировать на вновь возникающие вызовы и угрозы, а также поддерживать необходимый уровень национальной экономической безопасности.

Раздел 1

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. А. Пороховский

Россия, г. Москва

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

заведующий кафедрой политической экономики,

заслуженный деятель науки РФ,

д-р экон. наук, профессор

anapor@econ.msu.ru

Глобализация, неравномерность развития, цифровизация и национальная экономическая безопасность в XXI веке

Становление и развитие глобализации происходило на основе общемирового распространения основных рыночных принципов. В результате в конце XX века сформировалась мировая рыночная экономика с явным лидером — национальной экономикой США. При этом в каждой стране универсальные рыночные принципы — частная собственность, конкуренция, рынки, экономическая и социальная роль государства — реализуются со своей спецификой, учитывающей историческое и культурное наследие территорий и регионов. Однако в течение всего времени сохранил свою значимость родовой признак рыночного развития — цикличность и неравномерность, который периодически напоминает о своей силе.

Качественно новый уровень глобализация приобрела с внедрением информационно-коммуникационных технологий. Всемирная паутина Интернет тесно объединила информационное пространство, дала старт для развития новых отраслей и сфер предпринимательства и одновременно усилила конкуренцию. Возникли также новые угрозы неприкосновенности частной собственности и частной жизни, стали чаще проявляться факты злоупотребления и мошенничества как в деловой, так и повседневной жизни. Исторически глобализация сложилась таким образом, что именно США оказались ее ведущим лидером — и по внедрению либеральных

рыночных ценностей, и по обеспечению интернета. Поэтому нередко глобализацию стали именовать американизацией мировой экономики.

Известно, что в рыночной экономике никакой монополизм не может обеспечить себе вечность. Так произошло и с американским монополизмом.

Постепенно США теряли свое влияние, и их главным конкурентом становился Китай. По данным МВФ, доля США в 2006 г. в мировом ВВП, подсчитанном по паритету покупательной способности национальных валют, составила 19,7%, а КНР — 15,1%. В 2017 г. на США уже приходилось 15,3%, на КНР — 18,2%. Это обстоятельство, наряду с другими причинами, резко обострило ситуацию в мировом хозяйстве. США болезненно восприняли сокращение своего мирового влияния и усилили давление на мирохозяйственные процессы неэкономическими методами. Тем самым стал разрушаться рыночный фундамент глобализации, «правила игры» в мировой торговле, финансовой системе. Международные организации перестали выступать своеобразными международными арбитрами и координаторами. Наступила пора неопределенности на мировых рынках товаров, услуг, капитала, ресурсов.

Определенным барометром, отражающим складывающееся состояние мирового хозяйства, стала основная повестка дня Всемирного экономического форума в Давосе в 2019 г. — «Глобализация 4.0: формирование новой архитектуры в эпоху четвертой промышленной революции».

В свою очередь именно цифровизация составила ядро четвертой промышленной революции. Нет такой сферы экономики и жизни, где бы цифровизация не коснулась самых существенных их сторон. Особенно это относится к воспроизводственным аспектам как экономики, как и самой цифровизации. Важнейшими элементами становятся искусственный интеллект и интернет вещей, модифицируется роль человека и человеческого капитала. Само явление цифровой экономики трактуется и в широком, и в узком смыслах. Бюро экономического анализа США предложило включить в узкое понимание цифровой экономики такие составляющие, как капитал, труд, энергия, материалы, обеспечивающие услуги, что в англоязычной аббревиатуре означает KLEMS.

Все это по-новому ставит проблему национальной экономической безопасности. По существу, осложняется поиск оптимума между степенью открытости экономики и уровнем ее безопасности с точки зрения обеспечения национального суверенитета, но и защиты населения и национального бизнеса. Ведь занятость населения — важнейший фактор социальной устойчивости и стабильности, а этот фактор контролируется только отдельными странами самостоятельно. Это в полной мере относится и к России.

Перед экономической наукой и экономической теорией стоит задача найти решение проблемы экономической безопасности России в условиях

обострения мирохозяйственных связей. Внутренние резервы и ресурсы страны позволяют найти такое решение при сохранении активного участия национальной экономики в международном разделении труда и мировом хозяйстве.

М. Я. Корнилов
Россия, г. Москва,
РАНХиГС при Президенте РФ,
институт права и национальной безопасности,
факультет национальной безопасности,
профессор кафедры экономической безопасности,
д-р экон. наук, профессор
kornilov6547@mail.ru

Упорядочение понятийного аппарата — залог успешного развития теории экономической безопасности

Обеспечение экономической безопасности нашей страны и ее регионов прочно вошло в круг важнейших народнохозяйственных задач. Более того, представляется, что перспективы успешного решения упомянутой задачи во многом определяют будущее России, ее экономическую мощь и благосостояние народа. Однако сегодня мы, ученые, явственно ощущаем слабость научного обоснования любых мероприятий по обеспечению экономической безопасности, наблюдаем отсутствие даже единого понимания сущности такого явления, как экономическая безопасность. Но так же как теория без практики, и практика без теории слепа. Вот почему в настоящее время со всей остротой встает проблема формирования теории экономической безопасности, методологии ее изучения.

По сути, на сегодняшний день сколько-нибудь стройной теории экономической безопасности у нас нет. Как и всякую теорию, теорию экономической безопасности следует начинать с формирования соответствующего понятийного аппарата. Основы этого процесса были заложены с приятием в нашей стране в 1992 г. Закона «О безопасности». Этим законом были заложены не только правовые, но и теоретические основы обеспечения безопасности различных социальных объектов. И именно в этом законе впервые в нашей стране было канонизировано понятие «безопасность», которое в качестве родового должно было дать начало всем другим понятиям, его составляющим. Наличие родового понятия, естественно, предполагает выстраивание стройной иерархии идущих от него видовых и подвидовых понятий (рис. 1). В этой иерархии видовые и подвидовые понятия отличаются от своего прародителя только уточнением сферы приложения.

К сожалению, эти основы не превратились в прочный фундамент. С принятием в 2010 г. Федерального закона «О безопасности» закон 1992 г. утратил силу. Новый, действующий закон уже не содержит определения понятия «безопасность», но без каких-либо обоснований делает понятие «безопасность» (родовое) синонимом понятия «национальная безопасность» (видовое). Вполне возможно, что именно эта правовая коллизия развязала руки многим, желающим заняться «игрой в дефиниции». Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2015 г. появилось оригинальное определение понятия «национальная безопасность», а в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной в 2017 г., — столь же оригинальное понятие «экономическая безопасность», никак не связанное с понятием «национальная безопасность». Появились и оригинальные определения подвидовых понятий безопасности второго уровня, таких, например, как понятие «транспортная безопасность», определение которого приведено в Федеральном законе 2007 г. Получается, что иерархия понятий безопасности у нас на сегодняшний день скорее разрушена, чем создана.

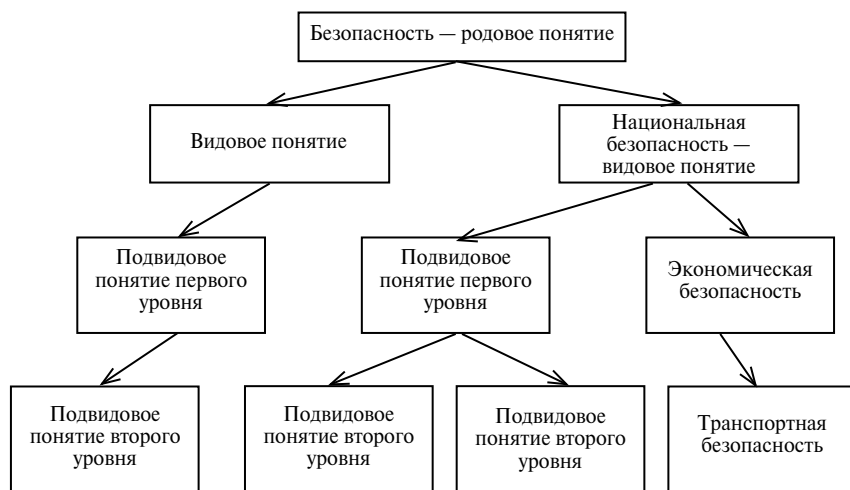

Рис. 1. Иерархия понятий безопасности

О том, почему так получилось, сейчас много говорить нет времени. Тут смешалось все: и ведомственная ограниченность, и привычка не обращать внимания на то, что наработали предшественники, и стремление продемонстрировать оригинальность мышления, и просто непонимание сущности категории «безопасность». Особенно беспокоит то, что почти сразу же после появления в 1992 г. определения понятия «безопасность» начались нападки на его ключевую составляющую «защищенность интере-

сов». Очевидно, кому-то очень не нравилось, что восприятие безопасности через защищенность интересов раскрывает глубинные, скрытые мотивы их деятельности. Вот почему из последующих видовых и подвидовых определений безопасности было убрано всякое упоминание об интересах.

Однако, даже несмотря на чью-то острую неприязнь к восприятию безопасности через защищенность интересов, интересы, то есть осознанные людьми потребности в чем-то или в ком-то, были, есть и будут единственным мотивом, единственной движущей силой человеческой деятельности. Как отмечали основатели теории интересов К. Гельвеций и Г. Гегель, любая деятельность человека есть по своей сути реализация какого-то его интереса (или интересов), поскольку немотивированной человеческой деятельности не бывает. Это, кстати, прекрасно понимают и уверенно используют наши зарубежные контрагенты. Вот как, в частности, определяют национальную экономическую безопасность в США. Из этого определения явствует, что американцы рассматривают свою экономическую безопасность именно как защищенность своих экономических интересов. Вот почему они стремятся продвигать и отстаивать эти интересы по всему миру. Так почему же мы должны отказываться от восприятия нашей безопасности (в том числе и экономической, и любой другой безопасности) через защиту наших же интересов?

В этой связи я хочу выразить убежденность в том, что пора вернуться к первоначальному (1992 г.) пониманию сущности безопасности и всех ее производных. Предлагаю следующий пошаговый подход к формулированию определения безопасности, а следовательно, и к пониманию ее сущности (рис. 2).

Двигаясь по шагам алгоритма, следует принять во внимание то, что не все интересы людей можно и нужно защищать. Достаточно защитить от угроз так называемые жизненно важные интересы людей.

В итоге, обозначив носителей интересов категориями, заимствованными из Конституции РФ (личность, общество и государство), мы получаем то же определение, которое было дано в Законе 1992 г. А добавив в него соответствующую сферу применения, например экономическую, мы получим следующее определение экономической безопасности: защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в экономической сфере от угроз.

Таким образом мы формулируем лаконичное и емкое определение экономической (или какой-либо другой) безопасности, в которое ничего больше добавлять не надо, так как само наличие в таком определении интересов предполагает, в случае необходимости, раскрытие их содержания. А оно может быть самым разнообразным и включать в себя все то, что, например, дополнительно перечислено в определениях национальной и экономической безопасности, содержащихся в соответствующих Стратегиях 2015 и 2017 гг.

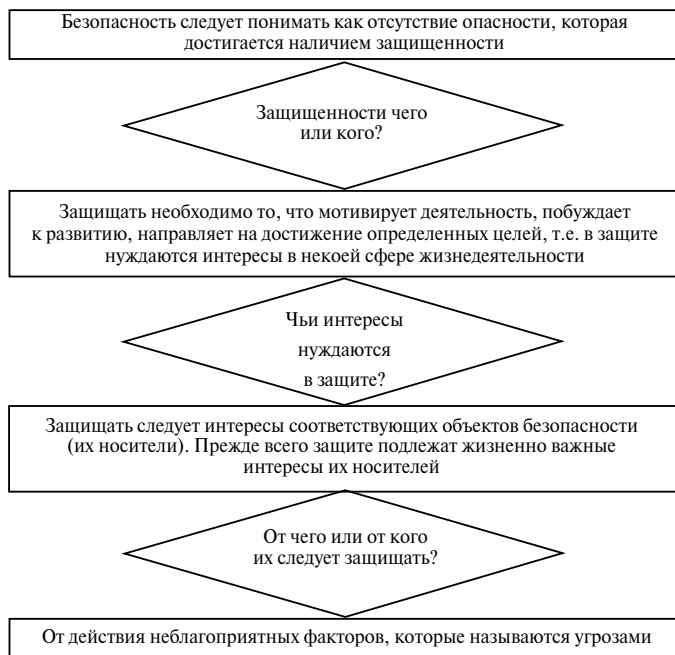

Рис. 2. Алгоритм формирования понятия «безопасность»

Данный подход позволяет упорядочить все до сих пор разрозненные в смысловом отношении понятия безопасности различных видов и подвидов путем придания им единообразного содержания и выстроить их многоуровневую иерархию, в которой понятие экономической безопасности будет являть собой лишь одну, хотя и весьма представительную ветвь.

В. М. Кульков

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

профессор кафедры политической экономики,

д-р экон. наук, профессор profvmtk@mail.ru

Национальная безопасность в координатах экономической теории

Проблематика национальной экономической безопасности (далее — НЭБ) с самого начала воспринималась как конкретно-экономическая, прикладная, причем с явным акцентом на внешнеэкономических аспек-

тах. Благодаря последующим разработкам проблемы расширилось пространство ее анализа, стали говорить и о теории НЭБ. Очевидно, у этого направления, постепенно складывающегося в учебную и научную дисциплину, есть и теоретическая часть, и прикладная: первая сближает ее с экономической теорией (далее — ЭТ), вторая — с конкретно-экономическими дисциплинами и даже неэкономическими дисциплинами, имея в виду сильный междисциплинарный аспект этой проблемы. В данном случае речь пойдет именно об ЭТ как фундаментальном основании теории НЭБ и о том, как сама ЭТ может отражать национальную безопасность.

Не всякая ЭТ способна органично вобрать в себя вопрос о НЭБ. Адекватными в этом смысле можно считать теории, во-первых, исповедующие методологический принцип холизма, в котором на исходное место ставится общность, общий интерес в противовес принципу методологического индивидуализма; во-вторых, приверженные национально-ориентированному подходу, воплотившемуся в свое время в «Национальной политической экономии» Ф. Листа, к принципиальным положениям которой можно отнести акцент на «национально-экономических отношениях», признание «особых законов управления национальным хозяйством» как целым, приоритет «общей пользы», разграничение «могущества нации» и богатства, общенациональных и коммерческих интересов и т.п.; в-третьих, использующие воспроизводственный подход, позволяющий понять и оценить состояние связей и процессов в экономике, ее целостность и жизнестойкость, технологическое состояние и развитие с акцентом на исходной роли производства, реального сектора, материально-технической базы национальной экономики.

Именно ЭТ, реализующая эти подходы, способна стать фундаментом теории НЭБ и отразить национальную безопасность в своей структуре. Это наиболее адекватный (идеальный) вариант.

Такому пониманию соответствует не просто стандартная система экономики, а национальная экономическая система, которая предстает как система экономических отношений в единстве со всем набором национально-специфических факторов и условий, присущих стране, обеспечивающая устойчивое функционирование ее экономики и расширенное воспроизводство в рамках единого национального пространства и реализующая жизненно необходимые для страны цели и интересы. НЭБ как бы вшита в эту систему, органически присуща ей; в другом случае она сможет присутствовать только в форме некоего дописка, некомплементарного дополнения. К сожалению, такая система слабо присутствует сегодня в пространстве российской ЭТ, хотя сама реальность (все более ужесточающаяся по отношению к России) объективно подталкивает нас именно к такой системе. НЭБ в этом базовом аспекте выражается как раз в такой экономической системе, которая позволяет обеспечить достижение более широких и высоких целей национальной безопасности, относящихся не только к экономике, но к стране в целом, ее состоянию и перспективам.

Содержательными стержнями такой системы выступают: во-первых, социальная ориентация (здесь особенно важен акцент на социальной устойчивости, социальной консолидации общества, отражающий социальную безопасность страны); во-вторых, экономический рост и развитие с акцентом на формировании адекватной и конкурентоспособной материально-технической базы национальной экономики; в-третьих, суверенность развития. Именно эти три вектора в совокупности наиболее общо характеризуют как внутренние, так и внешние аспекты НЭБ.

Далее, на следующем уровне национальной экономической системы можно произвести своего рода просмотр всех категорий и отношений, известных нам из ЭТ, под углом зрения НЭБ. Это станет особым ракурсом теоретического исследования, который может найти свое конкретное отражение в свойствах, факторах, функциях, ограничениях применительно к отдельным категориям ЭТ. Нужно провести своеобразную эндогенизацию НЭБ в рамках ЭТ, включить ее во внутреннюю структуру теории, обозначить прямые и обратные связи, характерные для эндогенных переменных.

Мне представляется, что если мы выстроим на основе указанных подходов соответствующую экономическую систему и проведем национальный просмотр категорий и отношений ЭТ, то создадим, во-первых, прочное основание для теории и практики НЭБ, а во-вторых, сформируем условия для трансформации самой ЭТ в части ее большего соответствия потребностям развития России.

К. А. Хубиев,

А. Х. Текеева

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

кафедра политической экономики

khubiev48@mail.ru

tekeeva2004@mail.ru

Глобальные вызовы и угрозы национальной экономической безопасности России

1. В связи с обострением проблем безопасности в современной реальности и актуализацией этой проблематики в науке следует уточнить пространство этой проблематики. Следует ли любые проблемы, вызовы и угрозы возводить в ранг национальной экономической безопасности? Например, экономические кризисы несут в себе угрозы, но их исследование укладывается в понятийный аппарат теории циклов. Нам представляется, что до ранга национальной экономической безопасности должны возвышаться силы или факторы, угрожающие качественной

определенности и вообще существованию экономической системы. Отсутствие такой теории, в недавнем еще прошлом, не позволило распознать силы и факторы, угрожающие государственности СССР.

2. Над Россией вновь сгущаются тучи, и теперь уже, опираясь на печальный опыт, можно прогнозировать появление сил и угроз с большим разрушительным потенциалом. И вновь они исходят из-за океана. Это прямо можно назвать американской угрозой. Она вытекает из универсального менталитета американской элиты, настроенной на мировое господство. События последних лет показали, что идеологией мирового экономического доминирования поражена вся элита, только долгое время не распознавалось различие республиканской и демократической альтернатив. Теперь некоторая ясность наступает. Предшественниками Трампа были запущены два глобальных проекта, успешная реализация которых обеспечивала новый торгово-экономический передел мировой экономики и соответствующее доминирование США в новой реальности. Первый проект — это транстихоокеанское партнерство (ТТП). Соглашение о создании ТТП состоялось 4 февраля 2016 г. в Окленде, Новая Зеландия (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, США, Сингапур, Чили, Япония). По прогнозам, доля стран ТТП (вместе с Японией) в мировом ВВП может достигнуть 38–40% и четверть оборота мировой торговли. Провозглашенная цель — создание зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Но это лишь глянцевая сторона проекта. Основная цель — борьба с влиянием Китая и России и доминирование США в регионе. Средства: технологическая монополия; введение недоступных экологических и социальных стандартов; доминирование транснациональных компаний над правительствами национальных государств.

Второй проект — создание Трансатлантического союза США + Канада и ЕС (ТАП). Расчетные обещаемые выгоды: для США — 90 млрд евро дополнительного дохода; для ЕС — 100 млрд евро дополнительных бюджетных поступлений; дополнительный доход каждой европейской семье — 545 евро; 400 тыс. дополнительных рабочих мест в ЕС. Успешная реализация этих двух проектов должна была обеспечить доминирование США в мировой экономике. В этом была суть американской демократической альтернативы.

Шокирующей новостью оказалось заявление Трампа о выходе из уже подписанного ТТП и замораживание ТАП. Очевидным было объяснение, связанное с отказом от всего, что связано с предшественниками-демократами. Появлялись и осторожные предположения об отказе от глобально мировых амбиций с целью сосредоточения на накопившихся внутренних проблемах. Но дух гегемонизма присущ республиканцам не в меньшей мере, чем демократам. Только средства были избраны другие. Если демократы делали основную ставку на финансово-торговый сектор, альтернатива трампизма опиралась на реальный сектор. Серия конкретных мер стала

убедительным аргументом республиканской альтернативы: существенное сокращение налога на прибыль корпораций; ослабление экологического бремени, в том числе и выходом из соглашений по Киотскому протоколу; селективная форсированная амортизация оборудования; льготы для «стягивания» в национальные границы зарубежной американской промышленности и т.п. Объективным основанием республиканской альтернативы является расклад сил в области реального и финансового секторов в мировой экономике.

В десятку крупнейших мировых банков входит лишь один банк США (JP Morgan). Разительно другая картина положения американских ТНК в мировой экономике.

Крупнейшие ТНК представлены следующими компаниями: Apple (США), Exxon Mobile, Microsoft (США), IMB (США), Walmart Store (крупнейшая в мире сеть розничной торговли, США), Chevron (энергетика, США), General Electric (производство локомотивов, энергетических установок, газовых турбин, авиадвигателей, медицинского оборудования, осветительной техники, США), Google (США), Berkshire Hathaway (инвестирование и страхование, США), AT&T Inc (телекоммуникации, США).

Абсолютное доминирование США здесь очевидно, в отличие от крупнейших транснациональных банков. Это обстоятельство является существенным для понимания политики США в лице нынешнего президента. Первые полученные результаты позволили Трампу сделать заявление о том, что он создает самую сильную экономику, которая может подавить любого противника. Новая стратегическая угроза трэмпизма состоит в исполнении проекта «Рейганомика-2», суть которой состоит в навязывании гонки вооружений, истощении российской экономики и разрушении ее государственности. Угрозы подобного рода можно называть национальной опасностью и строить планы безопасности.

Эта опасность осознается российским руководством, о чем свидетельствуют майские (2018) указы Президента РФ, стратегической сердцевиной которых является научно-технический и социальный прорыв.

Стратегия, безусловно, правильная, но насколько она реализуема? Для понимания сложившейся ситуации и поиска путей решения поставленных в майских указах задач важно сформулировать основное противоречие стратегической реальности.

Частный сектор, к которому перешли основные ресурсы национальной экономики в результате исторически беспрецедентной по масштабам и срокам приватизации и на который возлагались большие надежды технологического прорыва и социально-экономического прогресса, с задачей не справился. А ее решение в современных условиях приобретает для национальной экономики жизненно важное значение. Поэтому государство берет на себя эту задачу, но у него нет для этого достаточных ресурсов. В этом состоит драматическое противоречие современности для российской экономики.

№	Название банка	Расположение	Активы, трлн долл.	Рыночная капитализация, млрд долл.	Капитал, млрд долл.	Год основа-ния	Количество сотрудников
1	Industrial and Commercial Bank of China (ICBC)	Китай, Пекин	3,42	224,08	274,43	1984	466000
2	JP Morgan Chase & Co	США, Нью-Йорк	2,5	234,2	200,48	1799	240000
3	HSBC Holdings	Великобрита- ния, Лондон	2,41	133	153,30	1865	235000
4	Mitsubishi UFJ Financial Group	Япония, Токио	2,64	73,5	131,75	1880	108153
5	BNP Paribas	Франция, Париж	2,51	66,8	98,55	1848	189000
6	Royal Bank of Canada	Канада, Торонто	1,18	90,67	107,9	1864	80000
7	Banco Santander	Испания, Сантандер	1,43	71,25	105,96	1857	194000
8	Common-wealth Bank of Australia	Австралия, Сидней	0,873	120	99,2	1911	45948
9	UBS Group AG	Швейцария, Цюрих	0,94	63,7	55,31	1862	60099
10	Itau Unibanco Holding	Бразилия, Сан-Паулу	0,42	50,5	113,1	1924	94800

На ее разрешение должны быть мобилизованы силы экономистов, политиков и практиков. Для успешного поиска нужны опорные точки и ориентиры. Роль государства как опорной точки объективно усилилась в силу несостоятельности частного сектора в отношении решения проблем современной НТР.

Но есть достаточно влиятельные силы, направленные на лишение национальной экономики опорной силы в лице государства даже в остаточном виде. Например, 9 сентября 2018 г. на Совфеде Кудрин заявил: «Роль государства в экономике продолжает усиливаться вопреки требованию Путина». Попытка шантажа со ссылкой на Президента после майских указов едва ли уместна. Любопытна аргументация, связанная с сожалением о малых поступлениях в бюджет от приватизации — всего 13 млрд руб., а в 2020 г. доходы казны по этой статье должны составить 11 млрд руб. Второстепенная цель — доходы казны от приватизации — ставится выше важнейших задач научно-технического прорыва. К этому следует добавить миф о 70%-ном участии государства в экономике и вытекающие отсюда предложения поднимать «вторую волну» приватизации. С авторами подобной позиции можно было бы согласиться, если бы массово приватизированные в 90-е годы предприятия за четверть века справились бы с задачей технологического развития страны. Поскольку этого не случилось, государство на себя берет эту, уже едва ли посильную для него, задачу. Но и здесь хотят лишить государство его остаточного ресурса. Вопрос о государстве в сложившихся условиях следует ставить не количественно, а качественно, с точки стоящих пред ним задач уровня национальной экономической безопасности.

В. В. Чекмарев

Россия, г. Кострома,

Костромской государственной университет,

профессор кафедры экономики и экономической безопасности,

член-корр. РАО, заслуженный деятель науки РФ,

профессор кафедры экономики и экономической безопасности,

д-р экон. наук, профессор

tcheckmar@ksu.edu.ru

Необходима и возможна ли теория экономической безопасности?

В ориентирах для обсуждения, сформулированных оргкомитетом настоящей конференции, присутствует вопрос о создании теории экономической безопасности. Вот об этом и хочу поговорить.

Турбулентность состояния экономической безопасности макроэкономической системы России определяет экономический суверенитет

страны. Вопрос о том, суверенна ли наша экономика, на экономическом факультете МГУ ставился 20 лет назад. Была издана монография под редакцией Ю. М. Осипова, С. Ю. Синельникова и Е. С. Зотовой («Экономический суверенитет и суверенная экономика»).

В целом экономическую безопасность страны можно рассматривать как условие самодостаточного развития национальной экономики. Но что же являет собой сущность категории экономической безопасности как категории экономической науки? Сущность экономической безопасности можно определить как такое состояние экономики, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов и социально направленное развитие страны (В. Сенчагов). Возьмем, однако, под сомнение эту фразу. Если экономика — это система, то статика и динамика в ней не дружат!

Но, может быть, сущность экономической безопасности как категории экономической науки — это безопасность не хозяйствующих субъектов, не страны, региона, предприятия, организации, а защита природы и индивида от процессов жизнедеятельности, процессов хозяйствования?

Создание теории экономической безопасности в рамках обеспечения национальной безопасности является попыткой системного понимания экономического суверенитета.

Следует подчеркнуть, что если экономический суверенитет исследовали многие зарубежные ученые (наряду с нашими), то экономическая безопасность за рубежом не исследуется. Почему? Может быть, и потому, что экономическая безопасность — не самостоятельная проблема, а зависимая часть общей безопасности существования и жизнедеятельности институционализированного общества как государства.

Видимо, постановка вопроса о создании теории экономической безопасности вызвана наличием массы околонучных разговоров о видах отраслевой безопасности (энергетическая, продовольственная и т.п.), аналогичных разговорам о видах капитала (технологический, технический, культурный, организационный и т.п.). Есть даже разные методики определения пороговых значений, например продовольственной безопасности или энергетики, в основу которых положены показатели производства (а не потребления, цены потребления и т.д.).

Отсюда рождается возможность «наезда» на население в виде пенсионной политики, ограничения энергопотребления, ограничения по жилплощади, налогов на строения на дачных участках и т.п. А почему не регулируется социальными нормами потребление воды, воздуха? А может лучше ввести налог на зарплаты чиновников по мере увеличения их количества, а заодно и налог на их пенсии?

И еще. А разве сегодня теории экономической безопасности нет?

Если нет, то что является содержанием нескольких сотен (!) диссертаций (и докторских, и кандидатских), защищенных в последние 25 лет?

И что же тогда представлено в содержании учебников по экономической безопасности, начиная от учебников, подготовленных коллективом под руководством В. Сенчагова в ИЭ РАН (первое издание — 2005 г.) и заканчивая учебниками ученых РЭУ (Гончаренко, Акулин и др.), в книгах профессоров финансового университета (В. А. Дадалко, А. А. Авдийский), а также в массе статей по проблематике ЭБ (в моей картотеке их свыше двух тысяч)?

И все же еще раз: нужна ли теория? Да, пока ее нет — да!

А когда она есть — второй вопрос: полезна ли? Если да, то кому?

Итак, промежуточный ответ на вопрос, нужна ли теория экономической безопасности, — да, нужна!

Предположим, что мы ее создали (вопрос о возможности создания обсудим чуть позже). Кому она полезна?

В основании возможных ответов лежит перечень субъектов (отсюда и виды безопасности) и перечень угроз.

Как это ни парадоксально, но на сегодняшний день нет ни малейшего сколько-нибудь фактического повода утверждать, что проблема создания теории экономической безопасности получила сколь-либо удовлетворительное решение.

Нужна теория ЭБ народа от внутренних угроз. Наиболее значимые угрозы назову. Это развитие деформированных экономических отношений, вульгаризация пенсионного обеспечения, «оптимизация» в здравоохранении и образовании, рост управленческого персонала как товара с нагрузкой на доверие народа президенту, это и производительное бессилие.

Почему некоторые виды экономических отношений возможно рассматривать в качестве угроз экономической безопасности?

Да потому, что политическая экономия определяет экономические отношения как одну из сторон способа производства материальных продуктов и условий для жизни человека.

Структурирование экономических отношений на технико-экономические, социально-экономические и организационно-экономические, плюс оценка темпа, ритма и стадий развития организационно-экономических отношений позволяет весьма продуктивно идентифицировать часть из них (обладающих соответствующими характеристиками) как угрозы экономической безопасности. Особенно важен такой методологический подход при анализе деформаций экономических отношений, что позволяет выделить такие виды деформированных экономических отношений, как арварные, скуржавленные, торсионные, рефулерные, кайгадерные. Раскрытие их содержания как угроз экономической безопасности может стать частью теории экономической безопасности.

Приведу лишь несколько примеров, иллюстрирующих предлагаемый подход.

Первый пример из сектора «энергетическая безопасность» вне ее традиционной трактовки. Здесь (как и в ЖКХ) возникают рефулерные экономические отношения, когда между производителями и потребителями имеются посредники (сбытовые компании).

Многим памятен разнос, который устроил Владимир Путин в декабре 2011 г. на День энергетика, повлекший восемь громких отставок уже на следующий день. Нацлидер сказал: «Из всего проверенных 352 человек руководящего состава энергетического комплекса у 169 должностных лиц — практически у каждого второго — выявлена аффилированность с 385 коммерческими организациями, кроме, конечно, тех, где они и так работают. Установлены далеко не единичные случаи, когда энергетические комплексы целых регионов Российской Федерации оказываются подконтрольны просто семейным кланам... Ну совсем оборзели уже! Извините, просто слов нет других...» Из уст Путина прозвучало много имен и фактов. Государственная «РусГидро» на протяжении нескольких лет представляла многомиллиардные займы и покупала беспроцентные векселя некой офшорной компании, расположенной на Кипре. В Центральном федеральном округе действовала схема по выводу средств энергетики в офшоры — аж 25 млрд руб. перегнали. Каков результат работы над ошибками? В 2015 г. Всемирный банк оценил доступность электроэнергии в мире, и Россия оказалась на 184-м месте из 185 возможных. Хуже дело обстояло только на Мадагаскаре. Сколько времени и денег нужно потратить, чтобы двухэтажный склад на окраине Москвы обрел электрическую мощность 140 кВт? Оказалось, что придется выложить 200 тыс. долл. и потратить 281 день. По словам тогдашнего директора российского центра Transparency International Елены Памфиловой, системной законодательной работы по предотвращению подобных ситуаций не проводится, потому что «энергетическое лобби» боится четкого регулирования как огня. В результате подлинного наведения порядка рухнули бы тарифы, которые признаются экспертами дутыми чуть ли не наполовину. Подключение частного дома к сетям производилось бы, как в соседней Финляндии, по электронной заявке и стоило бы 100 евро. А оравам детей и племянников энергетиков пришлось бы переквалифицироваться в управдомы.

Второй пример. В начале октября 2018 г. появились сообщения, что вице-премьер Дмитрий Козак одобрил введение в России социальной нормы энергопотребления, а Минэнерго, Минэкономразвития и ФАС уже разрабатывают проект документов. То же самое попытались провернуть в 2014 г.: каждый россиянин получает определенное количество киловатт-часов (до 300) по базовому тарифу. От 300 до 500 кВт/ч будет применяться повышенный тариф, свыше 500 кВт/ч в месяц — «экономически обоснованный». Размер этих тарифов пока не утвержден, но энергетики явно будут стремиться создать задел для торга.

Вроде бы нынешний рост выглядит более гуманным по сравнению с 2014 г., когда планировали установить социальную норму на уровне от 50 до 190 кВт/ч. Зато сегодня правительство может сократить список «потребителей, приравненных к населению» и отказаться от льгот для селян и квартир с электроплитами. Сильнее всего ударит по садоводам. Если в 1990-х вокруг городов росли преимущественно огороды со скромными избушками, то сегодня народ настроил на шести сотках вполне приличные коттеджи с европейскими лужайками и спутниковыми тарелками, где горожане часто живут значительную часть года. Чиновнику «второй дом» кажется предметом роскоши, свидетельством того, что народ зажрался. И его можно и нужно доить путем «исключения из населения», которому электроэнергия положена по более адекватным ценам.

Туго станет и многоквартирным домам, где нет газоснабжения. Их жители вынуждены пользоваться электроплитами: специально для них ввести «позапальное доведение понижающего коэффициента» от 0,7 до 1. Ну и чтобы сельскую местность активнее покидало население, которое платит больше налогов в городах, льготы «свинтят» и им.

Надо отметить, что в 2014 г. повышения тарифов не случилось, потому что «пилотный проект» в семи регионах принес не самые лучшие результаты. Например, в Забайкалье в соцнорму уложилось только 9% домохозяйств, состоящих из одного человека, в новостройках бизнес-класса с электроплитами 43% семей вышли за ее пределы. Губернаторы, получив право вводить соцнорму в своем регионе, почему-то им не пользовались. Как божий день было ясно, что энергетики найдут лазейки для повышения цен всем категориям потребителей, в первую очередь производствам.

Одной из главных целей соцнормы заявлялось сокращение перекрестного субсидирования: в среднем тарифы для населения в 1,8 раза ниже экономически обоснованного уровня, разница покрывается повышением цен для промышленности. В 2018 г. правительство выделило на эти цели 89 млрд руб., а реальные суммы вырисовываются в четыре-пять раз выше. Сейчас, в отличие от 2014 г., с финансовыми резервами совсем худо, и приходится идти на «политические риски». Почему-то они не кажутся серьезными. А колоссальные резервы, которые могла бы принести реальная реформа энергетики, даже не обсуждаются всерьез.

Из приведенного примера возникает сюжет для теории экономической безопасности.

Теперь приведу пример из сектора «продовольственная безопасность».

Там деформированные экономические отношения мы назвали арварными экономическими отношениями.

Арварные экономические отношения возникают в процессе разрушения (уничтожения) созданного пищевого продукта или его вывода из конкретной воспроизводственной системы. В средствах массовой информации приводится множество иллюстраций арварных отношений: уничтожение

черной икры, добытой браконьерами; уничтожение мясопродуктов, сыра, яблок, завезенных в Россию незаконно.

А вот события текущего октября. Камчатка завалена тоннами гниющего лосося. Какие же комментарии этой ситуации дал вице-премьер Ассоциации производственных и торговых предприятий рыбного рынка Александр Фомин? «Дело в том, что комитет Росрыболовства, который дает прогнозы по нересту рыбы за два месяца, не предупредил рыбаков, что в этом году придет очень много лососевых (такое бывает раз в 10 лет!). Рыбаки работали в море по привычной схеме положенное число дней, а надо было закончить вылов раньше, поняв, что уже получилось достаточно сырья для переработки. В итоге улов — 540 тыс. т, это в два раза больше, чем обычно. Оказалось, что промышленность не готова это переработать. И на судах рыба начала портиться, ведь ее некуда было выгружать».

В проблеме, оказывается, виновата сама рыба. Впрочем, как и коровы. Поясню. Парадокс в том, что выпуск сыра в РФ последние годы растет, а молока — нет. Зато очень сильно подскочил импорт пальмового масла, по нему РФ вышла на первое место в мире. Оно заменяет молочный жир, но гораздо дешевле. Сейчас есть предприятия, которые делают до 50 т сыра и творога в день, не используя ни литра живого молока. Второй момент, сыр — это молоко плюс комбинация заквасок. Европейские производители используют закваски, которые улучшают вкусовые качества сырка. Но наши, российские, до сих пор на полном серьезе требуют сделать им такие закваски, которые улучшали бы качество молока. Увы, это невозможно. Нельзя, вместо того чтобы работать над качеством молока, использовать некий волшебный порошок.

Вот простая цифра — во всем, что касается коров, окупаемость проектов от 15 лет. Возьмем, к примеру, зерновую отрасль. Посадил, вырастил, собрал урожай, продал — вот они, деньги, всего за один год. Птицеводство окупается за 40 дней. Но по коровам расклад другой. Сначала девять месяцев телка ходит беременной, потом рождает одного, редко двух телят. С момента рождения молочной коровы только через 2,5–3 года от нее можно будет получать молоко. К тому же для выпуска хорошего молока нужны современная ферма, дорогие корма. Вот почему по птице, зерну или свиньям Минсельхоз не устает рапортовать об успехах и росте, тогда как в молочной отрасли и по говядине радовать нечем, тут затяжная стагнация.

С другой стороны, хотя молочное дело затратное, зато стоимость продукта в несколько раз больше, чем потраченного на него сырья. В конечном счете бизнес крайне прибыльный. Например, в Италии за год надаивается 10,6 млн т молока на 3 млрд долл. Но просто так не продают: молоко идет в переработку, в результате получается продукт на 21 млрд долл. Во Франции удой на сумму 7 млрд долл. превращается в товар на 38 млрд долл.

В РФ картина другая. Основная проблема — большинство молока у нас в стране потребляется в питьевом виде, на высокую переработку удоев уже не хватает. Причина известна: в 1990-е гг. отечественное животноводство прошло через такой спад, которого не было даже в войну. В 1990 г. молочное стадо РСФСР насчитывало 20,6 млн коров, с них получали 52 млн л молока в год. Это был абсолютный мировой рекорд! В 2018 г. не наберется 9 млн буренок, удои упали до 32 млн л.

Спад ужасает, однако, по данным сельскохозяйственной организации при ООН, по производству молока мы на шестом месте в мире. На одно место выше Германия, ниже — Франция. Британия по удоям отстает от РФ вдвое. Австралия, Япония и Канада — в три-четыре раза. Китай опережает РФ на 4 млн т в год. США обогнали нас в 2,7 раза.

Самое интересное, крупнейший поставщик молочной продукции в Россию, как оказалось, далеко не рекордсмен мировой таблицы о рангах. Белоруссия, захватившая четверть нашего рынка сыров, вообще не прошла в молочный ТОП-20. Украина, которой в лучшие годы принадлежало до 15% российского рынка, на 17-м месте в мире с удоями 11 млн т в год. По сути, молочные отрасли этих государств десятилетиями жили за счет экспорта в Россию.

Скуржавленные экономические отношения иллюстрируются ситуацией «отходы — в расход» (мусоропереработка), а торсионные возникают у пивопроизводителей.

Общий вывод

Теория экономической безопасности нужна, но структурированная по видам угроз и хозяйственной деятельности. Такую позицию озвучила Е. И. Кузнецова, д-р экон. наук, профессор кафедры экономической безопасности Московского университета МВД имени В. Я. Кикотя в докладе «Теория экономической безопасности в эволюционном развитии современной науки» на Сенчаговских чтениях в апреле 2018 г.

Являются ли продовольственная, информационная, финансовая, энергетическая безопасность видами экономической безопасности? Нет, не являются! Почему? Потому что это виды безопасности, но не виды экономической безопасности.

Экономическая безопасность — это возможность функционировать для достижения целей и задач системы без нарушения функционирования и деформации целей. Это управление рисками и предотвращение (защита) от действий угроз, ликвидация последствий последействия угроз, т.е. от возникших отклонений в функционировании, возврат в заданное состояние. Защита как предупреждение (у человека — профилактика). Защита как возврат (у человека — лечение). Защита как (квазипрочность функционирования) способность игнорировать угрозы (у человека — иммунитет).

Определение содержания понятия «экономическая безопасность», и особенно сущности категории экономической безопасности как категории экономической науки, «разветвилось» на колоссальное количество рукавов.

В частности, вопрос об отнесении слова «экономическая»: к экономике (цель — защита экономических взаимодействий) и/или к природе (цель — защита природы от последствий развития экономических взаимодействий). То есть экономическая деятельность людей в части несообразности законам Природы есть угроза Природе (и человеку как части Природы) и, следовательно, экономическая безопасность (Природа и общество) рассматривается как целесообразная экономическая деятельность людей.

Сделаю попытку определить примерные элементы теории экономической безопасности, требующие разработки:

- концепция экономической безопасности систем образования разного ранга;
- роль системы образования в структуре экономической безопасности регионов и страны;
- связь становления личности, перспектив ее социализации и экономической безопасности российского общества и государства;
- социокультурные и ценностные основания обеспечения экономической безопасности;
- экономическая безопасность как фактор становления новой парадигмы управления социально-экономическим развитием (в рамках понятийной системы экономического институционализма;
- экономическая безопасность в контексте взаимодействия формальной (находящейся в правовом поле государства) экономики с «теневой» (находящейся за границами правовых и экономических регуляторов экономического развития со стороны государства) и «неформальной» экономиками;
- место и роль экономической безопасности в структуре обеспечения и реализации стратегии развития экономических систем разного ранга — экономики России, региональной экономики, экономики хозяйствующих субъектов;
- экономическая безопасность в контексте инновационного развития российской экономики;
- мера экономической безопасности на основе ее представления как системы экономических рисков.

Возможно ли создание теории экономической безопасности? Да, при условии коллективного творчества под патронажем РАН, о чем говорила директор ИЭ РАН Е. Б. Ленчук на II Международной научно-практической конференции «Оценка рисков и угроз экономической безопасности России 2018–2020 гг.» (Сенчаговские чтения) в своем вступительном слове.

В. В. Каширин
Россия, г. Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
экономический факультет,
ведущий научный сотрудник,
д-р экон. наук, профессор,
kavava@list.ru

Особое мнение для вызовов посткризисного экономического развития России: рынок, государство, население — сбалансированное взаимодействие

Обозначенная Правительством РФ Стратегия построения инновационной экономики России до 2020 г. производит положительное впечатление. (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г., утверждена Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227.) Однако в этом вопросе не может не волновать то, что в настоящее время плоды относительно успешного развития экономики распределяются между регионами и населением России в высшей степени неравномерно, и долго продолжаться так без катастрофических для всей страны потерь (экономических, социальных, демографических) не может. Поэтому задача посткризисного развития состоит не только в том, чтобы обеспечить высокий инновационный уровень социально-экономического развития отечественной экономики, но и в том, чтобы каждый гражданин и регион России реально могли ощутить результаты этого. Позитивные экономические изменения, происходящие на уровне страны, должны сопровождаться адекватным ростом социально-экономического развития всех субъектов РФ и уровня жизни их населения, иначе они могут утратить стимулы к эффективной экономической деятельности.

Преимущественно инновационный путь посткризисного развития на основе избранных приоритетов является важнейшей стратегической задачей и неотъемлемой частью современной экономики России. Инновационная политика страны должна стимулировать развитие отечественных отраслей экономики и регионов, вести к росту производства современной высокотехнологичной продукции (товаров, работ, услуг), диверсификации направлений экономического роста, более быстрой модернизации основных фондов и промышленной (производственной) инфраструктуры, реализации приоритетных для России социально-экономических проектов.

Решение данной задачи прежде всего должно быть направлено на объединение усилий государственных органов управления (федерального центра и субъектов РФ), органов местного самоуправления, организаций научно-технической сферы и образования, малых, средних и крупных

предприятий, бизнес-структур для более эффективного использования инновационного потенциала России.

В настоящее время Россия, по результатам международных исследований, находится в шестом десятке из 104 обследованных стран по уровню инновационного развития. Так, например, у нас в производстве используется не более 7–10% инновационных идей и разработок (в США — 62%, в Японии — 95%). Наша заводская (производственная) наука выполняет 6% отечественных научных исследований. В странах ЕС данный показатель составляет 65%, в Японии — 71%, в США — 75%. В РФ в настоящее время не более 6% зарегистрированных изобретений и полезных моделей становятся объектами коммерческих сделок. При этом около 70% из них относятся к микро- и псевдоинновациям, направленным на поддержание или незначительное усовершенствование в большинстве своем морально устаревших видов техники и технологий.

Определение инноваций и связанной с ними деятельности изложены в Федеральном законе от 21 июля 2011 г. № 254 «О внесении изменений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике”». В Законе под инновациями понимается «введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях».

Федеральным законом № 254 была введена новая глава IV.1 «Государственная поддержка инновационной деятельности». Данная поддержка может осуществляться в формах:

- предоставления льгот по уплате налогов, сборов, таможенных платежей;
- предоставления образовательных услуг;
- предоставления информационной поддержки;
- предоставления консультационной поддержки, содействия в формировании проектной документации;
- формирования спроса на инновационную продукцию;
- финансового обеспечения (в том числе субсидии, гранты, кредиты, займы, гарантии, взносы в уставный капитал);
- реализации целевых программ, подпрограмм и проведения мероприятий в рамках государственных программ РФ;
- поддержки экспорта;
- обеспечения инфраструктуры;
- в других формах, не противоречащих законодательству РФ.

При этом цели и основные направления государственной поддержки инновационной деятельности определяются в рамках Стратегии инновационного развития РФ, принимаемой Правительством России.

Когда мы подчеркиваем императивность дальнейшего инновационного развития нашей страны, нельзя забывать, в частности, о такой

насушной практической задаче сегодняшнего дня, как преодоление текущего кризисного состояния. Дело в том, что если из периодов спада 1998 и 2008—2009 гг. российская экономика вышла сравнительно быстро за счет фактического восстановления роста производства в уже сложившихся секторах, точнее говоря — возврата к своей докризисной структуре, то выход из текущего кризиса 2015—2017 гг. может и должен быть обеспечен прежде всего благодаря прорыву в наиболее передовых сферах, использующих инновационные достижения. И здесь обращение к мировому опыту показывает, насколько к сегодняшнему дню наша страна запаздывает в принятии и реализации решений, способных привести к инновационному «рывку».

Проблема в том, что именно мировой кризис, начавшийся в 2007—2008 гг., показал, что наиболее эффективно противостоять ему оказались способны в первую очередь как раз страны с передовой, многоотраслевой обрабатывающей промышленностью, непрерывно использующие для ее развития новейшие научно-технические достижения (инновации). К таким прежде всего относятся Япония и Китай, а в Европе — Германия. Важно отметить, что эти же страны входят в первую тройку государств-экспортеров, причем Китай вот уже несколько лет занимает по объему своего экспорта первое место в мире.

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод о том, что обеспечить стабильный, устойчивый рост национального хозяйства в долгосрочном периоде и вместе с тем достойное его место в мировой экономике возможно прежде всего на основе инновационного развития именно отраслей обрабатывающей промышленности. Инновационный рост ее отраслей как раз и создаст возможности и условия устойчивого роста и всей национальной экономики.

Помимо мер социально-экономического характера, для обеспечения основ устойчивого развития по-прежнему важен комплекс мер организационно-экономического и правового характера. Более того, можно констатировать, что в настоящее время необходимость именно комплексного применения подобных мер приобретает особую актуальность.

О каких мерах может идти речь? По нашему мнению, к ним относятся:

1. Обеспечение доступа к дешевым инвестиционным ресурсам. Наличие гибких, необременительных условий получения кредита для инвестора.
2. Создание комфортных условий для открытия новых предприятий, работающих на инновационных направлениях. Введение налоговых льгот в пределах общего объема капитальных вложений, осуществляемых такими предприятиями.
3. Расширение возможностей банков по кредитованию экономики, в том числе малого и среднего бизнеса, реализация целенаправленной политики по удешевлению кредитов в целом. Упрощение процедуры отбора перспективных инвестиционных проектов и порядка предоставления государственных гарантий.

5. Разумное сокращение импорта и возвращение внутреннего российского рынка национальным производителям. Продолжение политики конкурентного импортозамещения в промышленности и сельском хозяйстве. Поддержка предприятий, которые внедряют наилучшие доступные технологии, экологически чистые и безопасные.

7. Прекращение использования устаревшего оборудования и «грязных» технологий, переоценка всех производственных фондов. Повышение налоговой нагрузки на устаревшие производственные фонды.

8. Расширение привлечения частных капиталов и ресурсов в инвестирование инфраструктурных проектов.

Между тем декан экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова профессор Александр Аузан очень уместно напоминает в этой связи, что для того чтобы люди ощутили улучшение жизни, нужен рост экономики на уровне 3–4% в год.

И эта идея получила отражение в Послании Президента РФ Федеральному собранию, прозвучавшем еще 1 декабря 2016 г. В. В. Путин поручил Правительству РФ с участием ведущих деловых объединений разработать предметный план действий до 2025 г., реализация которого должна позволить уже на рубеже 2019–2020 гг. выйти на темпы экономического роста выше мировых, т.е. более 3%. В противном случае нас ожидает ситуация экономического застоя.

В свою очередь, обеспечить подобный экономический рост без коренного поворота к инновационным источникам роста практически невозможно; именно поэтому проблема инновационного пути развития сегодня становится для России решающей.

Р. А. Амагаев

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

аспирант кафедры политической экономики

rodion-amagaev@mail.ru

Денежно-кредитная политика банка России как компонент политики национальной экономической безопасности в условиях интенсивного развития цифровой экономики

Для Банка России, на фоне повсеместной цифровизации, становятся актуальными такие вопросы: каким образом цифровая трансформация повлияет на национальную финансовую систему? Каково влияние цифровой трансформации на конечных потребителей, экономику страны

в целом и на Центральный банк в частности? Каковы потенциальные риски цифровой трансформации? В условиях развития национальной экономики в сторону цифровых технологий, финансовые технологии и технологические новации могут выступить как драйвером экономической безопасности, так и генератором новых рисков.

Денежно-кредитная политика, реализуемая Банком России, является неотъемлемым компонентом национальной экономической безопасности. Необходимость денежно-кредитной политики как элемента системы государственных мер, обеспечивающих национальную безопасность, обосновывается национальными интересами и стратегическими национальными приоритетами России, определенными в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» до 2020 г.». Функционируя в рамках целей, установленных Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации», Банк России способствует достижению следующих национальных интересов: независимость — обеспечение независимости национальной платежной системы для достижения национальной финансовой независимости; совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества — совершенствование транспарентности монетарной политики Банка России для воздействия на ожидания экономических агентов; повышение конкурентоспособности национальной экономики — защита и обеспечение устойчивости национальной валюты, развитие и укрепление банковской системы, обеспечение стабильности и развития финансового рынка для усиления конкурентоспособности национальной экономики.

В условиях интенсивного развития цифровой экономики, в особенности таких ее элементов, как цифровые финансовые активы (криптовалюта в частности), можно предположить возникновение рисков, подрывающих достижение вышеописанных национальных интересов, находящихся в ведении Банка России. Несмотря на то, что в настоящее время криптовалюта в России не получила законодательное разрешение, потенциальные риски в случае ее легализации вполне могут быть реализованы. Во первых, существует риск подрыва функционирования национальной платежной системы, в том числе в результате незаконных действий, осуществляемых лицами, использующими информационные технологии для преступных действий (киберпреступность). Во вторых, возможен риск ухудшения работоспособности механизма взаимодействия государства и гражданского общества, в частности снижения транспарентности денежно-кредитной политики Банка России, ввиду несоответствия уровня образованности гражданского общества в сфере информационных технологий существующим потребностям цифровой экономики. В третьих, необходимо учитывать риск потери устойчивости национальной валюты.

Специалисты выделяют три возможных сценария развития цифровой экономики в контексте криптовалюты. Во первых, возможно наблюдать развитие цифровой экономики с полным запретом криптовалют. Реализация подобного сценария является низкоэффективной и труднореализуемой. Рассматривая опыт зарубежных стран, следует отметить опыт Исландии. Данная страна установила самые серьезные ограничения и запреты на операции с криптовалютой. Однако жесткая политика Исландии смогла привести лишь к стремительному уходу криптовалютных операций в сферу аутсорсинга, с последующим выводом криптовалюты в другие страны. Во вторых, возможен сценарий, при котором разрешена эмиссия исключительно обеспеченных цифровых валют. В данном направлении действует Республика Сингапур. Валютным управлением Сингапура (MAS) запущен проект по использованию внутренней цифровой валюты для межбанковских расчетов. Аналогичный путь был выбран Канадой. В третьих, существует сценарий, обеспечивающий полную либерализацию криптовалют. Экономико-правовой статус криптовалют в России на данный момент находится на стадии обсуждения. Законопроект, ранее содержавший определение криптовалют, на текущий момент был скорректирован — из текста законопроекта удалено определение криптовалюты. Учитывая опыт зарубежных стран в вопросе внедрения криптовалюты в экономику, Банку России следует учитывать возможные последствия полной либерализации криптовалюты.

Банк России отмечает глобальный характер низкого уровня прозрачности рынка криптовалют, что, по мнению регулятора, может служить основным источником системного риска. По мнению специалистов Банка России, криптовалюта несет в себе риски, потенциально способные нарушить национальную экономическую безопасность: риски в сфере предотвращения отмывания доходов и финансирования терроризма; риски высокой концентрации криптовалюты; операционные риски; риск левиреджа.

Несмотря на неопределенность ситуации вокруг криптовалют, сценарий развития цифровой экономики, допускающий активное внедрение и развитие криптовалют как элемента цифровой экономики, может быть вполне реализован. В связи с существующей общемировой тенденцией и для обеспечения национальной экономической безопасности возникает актуальная проблема создания необходимой инфраструктуры, способной обеспечить унификацию российского законодательства с актами международного права в части организационных и экономических вопросов обращения и эмиссии криптовалют. Технологические революции, наблюдаемые в последнее время, активно подталкивают нас использовать возможности цифровизации в повседневной жизни. На данном пути деньги могут стать следующими. Однако следует отметить, что в данном

сценарии существует множество неопределенностей и рисков. К их числу относятся снижение эффективности платежной системы и финансовая стабильность национальной экономики в целом. К числу прочих можно отнести индивидуальные риски — риски, связанные с правом на частную собственность.

*А. А. Анисимов
Россия, г. Москва,
Всероссийская академия внешней торговли,
доцент кафедры коммерции,
канд. экон. наук, доцент
aanisimov7@yandex.ru*

Совершенствование финансовой политики государства как условие укрепления экономической безопасности России

В современной экономике финансовая политика любого государства оказывается перед необходимостью давать ответы на следующие глобальные вызовы:

1. *Нарастающий процесс финансиализации экономики.* ЮНКТАД определяет этот процесс как «рост влияния со стороны финансовых рынков и институтов на процесс производства и распределения богатства». Отличительными чертами финансиализации являются: увеличение доли небанковских посредников (инвестиционные и пенсионные фонды, хедж-фонды) в финансовых операциях; универсализация банковской деятельности; появление новых финансовых технологий (криптовалюта биткоин, финансовые роботы, блокчейн) и инструментов (деривативы); рост биржевой торговли и спекулятивных финансовых операций; растущие размеры финансовых институтов и усиление их влияния на экономические процессы.

2. *Расширение возможностей для минимизации налоговых обязательств и уклонения от уплаты налогов в результате развития процессов глобализации и финансиализации экономики.* Это происходит в результате следующих моментов: а) расширяется число компаний, имеющих филиалы и структурные подразделения за рубежом; б) увеличивается количество экономических агентов (предприятий, организаций, граждан), участвующих во внешнеторговых операциях и выходящих на мировые финансовые рынки; в) расширяется сфера страхования с использованием зарубежных страховых и перестраховочных компаний; г) растет использование интернет-торговли; д) увеличивается филиальная сеть ТНК, в рамках которой движение товаров и услуг осуществляется по трансфертным

(внутрикорпорационным условно-расчетным) ценам; е) использование офшорных компаний в повседневной деятельности большого количества предприятий становится естественным элементом бизнеса; ж) происходит переход промышленно развитых стран к постиндустриальному типу развития, в котором преобладает сфера услуг, где сложнее осуществлять налоговый контроль. В перспективе будет быстро расширяться сектор услуг по удовлетворению социальных потребностей населения (патронат, персонифицированная медицина, образование, дошкольное обучение, организация досуга).

3. *Осложняется проведение национальной денежно-кредитной политики*, поскольку: а) увеличиваются трансграничные потоки капитала, что приводит к росту волатильности на финансовых рынках и образованию «финансовых пузырей», а также появлению рисков внезапного прекращения притока капитала в страну. При этом сильное влияние на движение потоков капитала оказывает политика ФРС США; б) бурное развитие информационных технологий подрывает эмиссионную монополию Центрального банка. Все более широкое распространение получают новые платежные средства (криптовалюты, электронные чеки, платежи с мобильного телефона, кредитные карточки, электронные кошельки), над эмиссией которых не властен ЦБ; в) в современной глобальной экономике широкое распространение получают операции carry trade. По образному выражению некоторых финансовых аналитиков, «carry trade — это некий вирус, спящий до поры до времени, но в случае некоего кризиса способный резко проявить себя. Не будет кризиса — carry trade практически не опасен, будет кризис — carry trade его ощутимо усилит».

4. *Усиливается конкуренция между странами за ресурсы и рынки сбыта*. Важнейшая роль в ней отводится налоговой конкуренции и валютным войнам.

5. *Функционирование социальной сферы в промышленно развитых странах требует все больших финансовых ресурсов* в результате того, что: а) увеличивается продолжительность жизни людей благодаря развитию медицины, применению новых медицинских технологий, сокращению сферы тяжелого физического труда; б) новые промышленные и информационные технологии предъявляют повышенные требования к уровню квалификации работников, вызывают необходимость постоянного повышения квалификации в течение всей трудовой жизни; в) глобализация предоставления услуг и конкуренция за клиентов ведут к тому, что образовательные и лечебные учреждения вступают в конкуренцию в масштабе всего мира, что требует увеличения расходов, чтобы выигрывать в конкурентной борьбе.

Наряду с отмеченными внешними вызовами, финансовая политика российского государства должна отвечать и на ряд важнейших внутренних вызовов, стоящих перед экономикой страны:

1. *Низкий внутренний потребительский спрос*, что сужает внутренний рынок, препятствует развитию промышленности, торговли, сферы услуг и в результате негативно отражается на доходах бюджетов разных уровней. Основной причиной низкого внутреннего спроса является невысокий уровень жизни граждан.

2. *Неэффективная система межбюджетных отношений, не создающая стимулов у регионов к расширению собственной налоговой базы и укреплению бюджетной дисциплины на региональном уровне*. Широкое распространение получила практика, когда с увеличением собираемости налогов на территории региона ему одновременно уменьшаются трансферты из федерального бюджета. Кроме того, растущее замещение в структуре региональных долгов задолженности перед коммерческими банками бюджетными кредитами Минфина России создает риски увеличения зависимости субъектов федерации от федеральных бюджетных кредитов. Это может способствовать усилению политического давления на правительство Российской Федерации с целью принятия решения о списании долгов или заморозке выплат по ним.

3. *Высокая доля теневой экономики*. По данным системы персонифицированного учета ПФР по состоянию на 2016 г., более трети застрахованных лиц трудоспособного возраста (31 из 88 млн человек) не заняты деятельностью, подлежащей обязательному пенсионному страхованию, а более 13,5 млн из них с 2002 г. не имеют ни одного дня официального стажа.

4. *Практическое отсутствие крупных фондов «длинных» денег* — накопительные пенсии, паевые фонды, фонды страховых компаний, инвестиционные фонды и др. Формально такие фонды есть, но объем средств в них исчисляется несколькими десятками миллиардов долларов, а не сотнями миллиардов или даже триллионами, как в ряде развитых и развивающихся стран. К примеру, в Казахстане в государственном накопительном пенсионном фонде накоплено уже около 100 млрд долл. Как показывает опыт других стран, фонды «длинных» денег могут использоваться в качестве важнейшего источника долгосрочных инвестиций.

5. *Слабое развитие рынка капитала*. Капитализация фондового рынка России в мировом масштабе ничтожна, и он не играет существенной роли в формировании инвестиций. Россия одна из немногих стран, где свои нужды в инвестициях предприятия и организации покрывают в основном за счет собственных средств, а крупные компании до введения экономических санкций против нашей страны в значительной мере получали эти средства от иностранных инвесторов.

Какие же изменения, с нашей точки зрения, необходимо как можно быстрее внести в финансовую политику российского государства, чтобы она в наибольшей степени отвечала стоящим перед ней вызовам?

1. *Повышение финансовой самостоятельности региональных и местных бюджетов* за счет перераспределения налогов между бюджетами разных

уровней, сокращения объема федеральных налоговых льгот по региональным и местным налогам. В федеративном государстве федеральное правительство не должно единолично принимать решения, оказывающее непосредственное влияние на объем расходов региональных бюджетов.

2. *Активизировать работу по формированию фондов «длинных» денег.* Для этого необходимо стимулировать развитие добровольного страхования жизни, здоровья и имущества, отчисления на формирование накопительной пенсии, переходить к обязательному страхованию жилья. Следует изучить вопрос и в перспективе перейти на обязательные отчисления из зарплаты и других доходов на будущие пенсии и медицинскую страховку. К примеру, в Казахстане с 1 января 1998 г. все работающие граждане в обязательном порядке отчисляют 10% своих доходов в накопительный пенсионный фонд на индивидуальные пенсионные счета. Накопленные средства инвестируются в экономику, а после прекращения трудовой деятельности работника идут на его личное пенсионное обеспечение.

3. *В налоговой политике государства одно из центральных мест должно отводиться стимулирующей функции налогообложения* и, прежде всего, следует активно применять налоговое стимулирование инноваций.

4. *Оптимизировать использование бюджетных ресурсов.* Действенной мерой может стать предоставление государственных средств на разные проекты на началах инвестиционного кредитования через Внешэкономбанк РФ. У инвестиционного кредитования есть немало преимуществ: а) оно может быть предоставлено только при наличии бизнес-плана, в котором детально просчитана эффективность осуществляемого проекта; б) кредитор обычно не предоставляет сразу все «тело» кредита; в) инвестиционные кредиты труднее использовать не по назначению.

5. *Перейти к прогрессивному подоходному налогообложению.* Предпосылки для такого шага в стране имеются благодаря высокому уровню технического оснащения и квалификации персонала Федеральной налоговой службы. Прогрессивный подоходный налог даст возможность создания экономических стимулов для развития добровольного пенсионного и медицинского страхования, страхования жизни и имущества, развития рынка государственных ценных бумаг, поскольку выплаты, идущие на данные цели, можно будет вычитать из налогооблагаемой базы, и тем самым снижать налоговые обязательства. Кроме того, стимулируя частные пенсионные накопления, прогрессивное подоходное налогообложение позволит снизить социальные платежи работодателей в Пенсионный фонд, что, в свою очередь, будет способствовать снижению издержек производства, росту конкурентоспособности бизнеса. Наконец, при прогрессивном налогообложении за счет налоговых вычетов можно в большей мере оказывать социальную поддержку семьям с детьми и лицам, имеющим особые заслуги перед государством.

А. М. Белянова

*Россия, г. Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
экономический факультет,
старший научный сотрудник
кафедры политической экономии,
канд. экон. наук, доцент
belant32@mail.ru*

Прогнозирование и стратегическое планирование в системе обеспечения экономической безопасности

Проблема национальной экономической безопасности — проблема системная, связанная с комплексом факторов: внутренних и внешних, экономических и неэкономических, охватывающих все стороны функционирования, развития и сохранения страны и благополучия ее народа. В системе обеспечения экономической безопасности особое место отводится прогнозированию и стратегическому планированию. Об этом говорится и в Указе Президента от 13 мая 2017 г. «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г.» и во всех пяти разделах Стратегии. При этом подчеркивается, что «настоящая Стратегия является документом стратегического планирования». Известно, что в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации», принятом 28 июня 2014 г., государственное стратегическое планирование определено как деятельность органов государственной власти, направленное на повышение уровня социально-экономического развития РФ, рост благосостояния народа и *обеспечение национальной безопасности*. Стратегическое планирование в официальных документах выступает как инструмент обеспечения национальной, а следовательно, и экономической безопасности страны. В одном из последних пунктов Стратегии экономической безопасности (п. 33) отмечается, что система экономической безопасности реализуется в процессе осуществления комплекса мер — политических, социально-экономических, организационных, правовых, дипломатических и др. в рамках стратегического планирования в РФ. Как реально осуществляется этот процесс сегодня? В каких формах и с какой эффективностью реализуется закон «О стратегическом планировании» в рамках сложившейся модели экономического развития? В свое время появление закона «О стратегическом планировании» рядом экономистов было определено как «эпохальное событие», как «пример политической воли», и в процессе дискуссии о стратегическом планировании было высказано много идей об организации, месте и формах стратегического планирования в нашей стране. Содержание закона о стратегическом планировании допускает разные толкования

в вопросе о месте и роли закона, способов включения в стратегическое планирование разных субъектов хозяйствования и др. До сего времени остается открытым вопрос о формах планирования (программно-целевое, индикативное, селективное, смешанные формы и др.), о способах реализации поставленных целей. Сегодня стратегическое планирование реализуется в форме программно-целевого планирования, но эффективность реализации государственных программ и состояние управляемости экономическими процессами, в т.ч. и экономической безопасностью, дает основание делать вывод, что сегодня требует дополнительной разработки механизм стратегического планирования, в котором обеспечение экономической безопасности страны должно занять особое место. Как свидетельствуют показатели социально-экономического развития страны последнего времени, недостаточно сводить стратегическое планирование к программно-целевой форме. Предстоящий этап в развитии экономики, обозначенный Президентом в Послании Федеральному собранию 1 марта 2018 г. как прорыв к новым технологиям и рывок в опережающем развитии, объективно требует серьезных системных изменений в экономической модели развития, усиления в перспективных плановых ориентировках, обоснования способов и средств реализации целей, ответственности за их выполнение.

А. А. Гулиева

Азербайджан, г. Баку,

Азербайджанский государственный

экономический университет (UNEC),

докторант кафедры экономической теории

Aquliyeva5@gmail.com

Социально ориентированная государственная политика как важный фактор обеспечения национальной экономической безопасности

В наши дни политика государства в отношении социальной сферы все больше рассматривается не просто как важная часть развития национальной экономики, но как неотъемлемый элемент существования и развития общества в целом, при этом сама степень развитости этой сферы во многом выступает как индикатор движения общества вперед по пути прогресса. Недаром концепция и идеи «социального государства» постепенно становятся доминирующими в политической и экономической системах все большего числа стран, влияют на текущую экономическую политику и приобретают характер императива успешного развития любого государства и его экономики в глобальном масштабе.

В частности, конкретные прогнозы и задачи социально-экономического развития в большинстве развитых государств тесно увязываются с динамикой благосостояния, уровня и качества жизни населения. По нашему мнению, именно продвижение вперед по этим позициям следует рассматривать как *высший социальный критерий* качества обеспечиваемого экономического роста.

Если говорить о самом росте, то социально ориентированная политика оказывает прямое влияние на ход процессов *импортозамещения* в национальной экономике. Проблема эта в настоящее время стоит достаточно остро, в частности, в ряде стран СНГ, в том числе — ближайших соседей Азербайджана. Важно подчеркнуть, что, говоря о важности импортозамещения в национальной экономике, мы ни в коем случае не ведем речь о каком-либо виде автаркии, которая представляется тем более невозможной и контрпродуктивной в условиях процессов глобализации. По нашему мнению, речь идет исключительно об избегании импортной зависимости в таких областях, как производство основных видов продовольствия, технологически передовой и наукоемкой промышленной продукции, а также лекарственных средств, препаратов и медицинского оборудования.

Важнейшей задачей социально ориентированной экономической политики является преодоление межрегионального неравенства в социальном развитии. И если мы затрагиваем проблему территориально-регионального развития в контексте проводимой в нашей стране социально-экономической модернизации, следует обратить особое внимание именно на региональные аспекты этой проблемы. В ходе социально-экономической модернизации, рассматриваемой в региональном разрезе, решаются следующие задачи:

- создание и совершенствование институционально-правовых и материально-финансовых предпосылок устойчивого развития, способствующих укреплению максимальной социально-экономической самодостаточности регионов в рамках единого экономического пространства и общенациональной кооперации;
- обеспечение соответствия регионального законодательства общенациональным правовым нормам с целью гарантирования основных социальных и трудовых прав граждан независимо от места проживания в рамках единого государства;
- выделение приоритетных направлений регионального развития с точки зрения обеспечения национальной безопасности, с принятием при необходимости общегосударственных (межотраслевых) программ;

- решение задач экологической безопасности, прежде всего, посредством предотвращения загрязнения окружающей среды, а также ликвидации последствий ее загрязнения.

В целом Азербайджанская Республика подходит к проблеме неравномерного развития регионов как весьма серьезной с точки зрения не только возможностей дальнейшего устойчивого развития нашей национальной экономики, но и обеспечения текущей экономической безопасности. Именно в регионах могут быть созданы новейшие в технико-технологическом отношении предприятия, обеспечивающие производство качественной отечественной, замещающей импорт продукции.

С целью обеспечения устойчивого и сбалансированного развития экономики страны президентом Азербайджанской Республики Ильхамом Алиевым были подписаны три государственные программы развития регионов.

В результате за период 2003–2017 гг. только в рамках программ регионального развития из 1,9 млн новых рабочих мест, открытых в Азербайджанской Республике, более 70% приходится на долю регионов. Так, именно в этот период были проложены или капитально отремонтированы 52,6 тыс. км газовых линий, а более 1700 населенных пунктов были обеспечены природным газом. Если же говорить более предметно о такой важнейшей с социальной точки зрения проблеме, как уровень газификации по стране, то в целом по регионам этот уровень вырос с 41 до 90%.

Тем не менее проблема межрегиональных различий по-прежнему остается достаточно острой. Так, по итогам 2016 г. доля столицы республики — города Баку в производстве ВВП составила 76,9%, а доля всех остальных регионов страны — 23,1%. Это связано с тем, что большая часть предприятий нефтегазовой промышленности, целого ряда других отраслей промышленного производства, а также сферы услуг по-прежнему сконцентрированы в Баку и его окрестностях.

Здесь необходимо сделать важное замечание. С одной стороны, с точки зрения объективных экономических законов неправомерно ожидать полной ликвидации различий между уровнем социально-экономического развития столицы — города Баку и сельскохозяйственных, тем более — горных и труднодоступных в транспортном отношении регионов. Такого равенства условий социально-экономического развития нет даже ни в одной из самых высокоразвитых стран мира, поэтому подобной цели не ставят перед собой и программы регионального развития в нашей стране — она была бы попросту неосуществимой.

С другой стороны, в программах ставится вполне реальная и конкретная цель — постепенное сокращение *излишних социально-экономических различий* между регионами. Такое сокращение как раз и способствует укреплению национальной экономической безопасности.

С. В. Кайманак
Россия, г. Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
экономический факультет,
доцент кафедры
политической экономики,
канд. экон. наук, доцент
skaimanakov@mail.ru

Структура национальной экономической безопасности

Одним из первых исследователей проблемы безопасности был Андрей Карлович Шторх — российский академик-экономист, который еще в 1815 г. в своем «Курсе политической экономии» писал об этой категории, что она состоит в удалении всего, что может возмущать или затруднять свободное употребление личных способностей гражданина и тех предметов, которые сделались его собственностью, или, другими словами, она обеспечивает его права, естественные или приобретенные. Причем, по его мнению, из всех условий для успехов народного благосостояния первое и самое необходимое — безопасность, без которой нет ни богатства, ни цивилизации.

Наконец, безопасность он относил к внутренним благам, или элементам цивилизации, наряду со здоровьем, умением, просвещением, нравами, обычаями и т.д. Такой подход свидетельствует о сложности, многослойности данной категории.

Рассмотрение проблем современного мира предполагает выделение трех глобальных процессов, протекающих одновременно. Это переход к шестому технологическому укладу, переход к многополярности международной системы и переход к новой модели мировой экономики и финансов. Эта переходная эпоха характеризуется нарастанием геополитической нестабильности и неустойчивости развития, усилением глобальной конкуренции, формированием различных вызовов и угроз. Отсюда следует, что проблематика всего комплекса видов, сторон, уровней, оценок, обеспечения и т.д. безопасности резко актуализируется.

В современном понимании экономическая безопасность выступает подсистемой системы национальной безопасности, ее материальной основой.

Представляет интерес вопрос: к какой теории следует отнести формирующуюся концепцию экономической? Или более конкретно: кого надо защищать от угроз? В неоклассической теории основной

субъект (он же объект безопасности) — абстрактный индивид — «экономический человек». В политической экономике это класс, единицей которого выступает «социальный человек». В теории национальной экономики — нация в целом и «национальный человек». Объединение в нацию приобретает свойство особой устойчивости, которая особенно необходима при усилении внешних и внутренних угроз. Если этнос (суперэтнос) признан полноправным хозяйствующим субъектом, то общая экономическая теория должна быть дополнена теорией национальной экономики (национальной экономикой), отдельным разделом которой призвана стать формирующаяся концепция экономической безопасности.

Хозяйственная система в теоретическом плане образуется из совокупности экономических (производственных) отношений, которые проявляются в виде экономических интересов. Национальные экономические интересы реализуются через стратегические приоритеты безопасности страны. Сама экономическая безопасность представляет собой многоуровневую характеристику (свойство) национального хозяйства.

Уровни безопасности:

1. Состояние защищенности национальных интересов в хозяйственной сфере от внешних и внутренних угроз — самое простое и сущностное определение экономической безопасности.
2. Устойчивость функционирования и развития экономики.
3. Обеспечение экономического суверенитета.
4. Спецификация приоритетов безопасности в зависимости от определенной страны (цивилизации).

Кратко рассмотрим приоритеты экономической безопасности некоторых стран.

США: защита своего лидерства в мировой экономике, поддержка американских компаний, обеспечение доступа к ресурсам других стран.

ЕС: обеспечение энергетической безопасности как вида экономической безопасности, укрепление валютного союза, решение долгового и миграционного кризиса.

КНР: беспрепятственное распространение своих товаров по всему миру, укрепление экономического суверенитета, ограничение дестабилизирующего влияния зарубежного капитала.

Япония: поддержание бесперебойных поставок ресурсов, сохранение глобальной стабильности, свободной и взаимовыгодной торговли.

Российская специфика, ее экономические и социальные последствия, вид безопасности для купирования негативных последствий (факторов и тенденций) представлены в табл. 1.

Таблица 1

Особенности России	Последствия для экономики и общества	Вид безопасности
Геополитическая уязвимость	Высокая нагрузка ОПК на экономику	Научно-технологическая безопасность, динамическая безопасность
Неблагоприятные природно-климатические условия	Высокая затратоемость	Научно-технологическая безопасность, промышленная безопасность
Обширность территории	Высокая транспортная емкость	Научно-технологическая безопасность, промышленная безопасность
Технологическое отставание	Низкая конкурентоспособность, снижение обороноспособности	Научно-технологическая безопасность, динамическая безопасность
Низкая плотность населения и наличие геополитически опасных зон	Латентная оккупация геополитически опасных зон	Демографическая и социальная безопасность
Высокое социальное и региональное расслоение, бедность работающих	Социальная и региональная напряженность	Социальная безопасность

В первом приближении взаимосвязь видов национальной экономической безопасности России можно представить так:

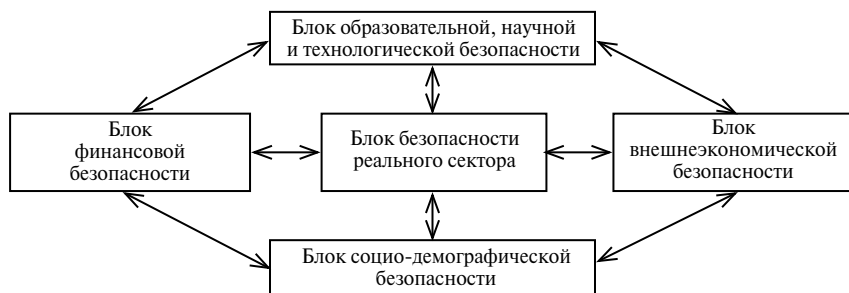

Рис. 1. Структура национальной экономической безопасности

Образовательная, научная и технологическая подсистема поставляют высокообразованные кадры, научные разработки, изобретения и новейшие технологии во все сферы экономики и общества, в первую очередь в реальный сектор, обеспечивая в нем промышленную, энергетическую,

продовольственную, транспортную, динамическую (экономический рост) безопасность и т.д. Блок финансовой безопасности обслуживает другие сферы и поддерживает денежно-финансовую стабильность. Блок внешнеэкономической безопасности призван укреплять устойчивость отечественной экономики при взаимодействии с внешним миром. Наконец, блок социо-демографической безопасности выступает конечным результатом защищенности национальных экономических интересов, поскольку, на наш взгляд, именно нация, ее количество, качество (здоровье, образованность, уровень культуры и т.д.) и благосостояние — является целевой функцией обеспечения всех видов безопасности.

Таким, по-нашему мнению, может быть подход к определению непростой категории «национальная экономическая безопасность» и ее структуре.

О. А. Львова

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

*факультет государственного управления,
доцент кафедры финансового менеджмента,*

канд. экон. наук

lvova@spa.msu.ru

Диагностика угроз финансово-экономической безопасности бизнеса

В настоящее время многие компании как в России, так и за рубежом сталкиваются с угрозами внешнего и внутреннего характера, которые способны нанести ощутимый ущерб бизнесу, затруднить его нормальное функционирование. Система финансово-экономической безопасности в организациях призвана минимизировать риски появления и реализации разного рода угроз, для чего требуется их диагностика и своевременное выявление. Среди распространенных методов можно выделить традиционный анализ по бухгалтерской модели, а также более прогрессивные методики. В частности, на основе сбалансированной системы показателей BSC можно выявить угрозы по таким элементам, как «рынок», «ресурсы», «бизнес-процессы», «финансы»; отдельные признаки снижения стоимости бизнеса могут быть обнаружены при анализе по стоимостной модели VBM и т.д.

Учитывая, что одной из распространенных угроз безопасности бизнеса сегодня является корпоративное мошенничество, часто параллельно с основным анализом общего финансово-экономического состояния бизнеса проводится анализ сделок.

Выявление признаков корпоративного мошенничества в конкретных областях бизнеса может включать следующие элементы, направленные на поиск соответствующих признаков.

Область	Признаки мошенничества	Методы выявления
Закупочная деятельность	• несоответствие между оплаченными и поставленными (оказанными) товарами (услугами); • приобретение товаров (услуг) по завышенным ценам; • непрозрачное описание номенклатуры товаров (услуг) в договорах; • принятие необычных, нелогичных, необоснованных решений при одобрении и подписании договоров; • наличие отклонений от утвержденных процедур согласования договоров, их подписание неуполномоченными лицами; • оказание необоснованного предпочтения узкому кругу контрагентов; • несоответствие процедур оформления договорных отношений с контрагентами этике делового оборота и внутренним корпоративным правилам;	• анализ контрактов, агентских договоров и сопроводительных документов к ним (дополнительных соглашений, актов выполненных работ, счетов, счетов-фактур и др.); • при проведении тендеров — обзор тендерной документации, решений тендерных комитетов и др.; • сравнительный анализ цен на аналогичные товары и (или) услуги.
Операции с наличными денежными средствами	• значительное количество транзакций наличными средствами; • срочные, несистемные, необычные и необоснованные платежи наличными средствами; • значительные платежи за услуги, предназначенные третьим сторонам.	• анализ контрактов и сопроводительных документов (дополнительных соглашений к контракту, актов выполненных работ, счетов, счетов-фактур и др.).
Трудовые отношения с работниками	• начисление заработной платы (бонусов, премий и прочих выплат) несуществующим работникам, сверх нормы; • начисление выплат на офшорные счета; • ключевые позиции в структуре компании занимают аффилированные лица, размер компенсаций не соответствует должностям.	• анализ политик оплаты труда и премирования; • анализ калькуляций начислений работникам; • анализ списков сотрудников на предмет взаимосвязи с личностью руководителя компании, его бизнесом, органами власти, упоминания в СМИ.

Область	Признаки мошенничества	Методы выявления
Основная деятельность	• наличие «плохих долгов» в организации; • непрозрачное ценообразование и необоснованное предоставление скидок; • завышение оценки низкокачественных материальных активов, некорректное отражение состояния товарно-материальных запасов (ТМЗ); • накопление средств в дебиторской задолженности (перечисление необоснованной предоплаты поставщику на основе договоренности с ним, зачисление авансов покупателей на счета третьих лиц); • манипулирование показателями продаж (фиктивные продажи, покупка сырья по завышенным ценам, продажа продукции по заниженным ценам с использованием фирм-посредников, где накапливается прибыль, продажа аффилированным лицам).	• анализ контрактов и сопроводительных документов (дополнительных соглашений к контракту, акты выполненных работ, счетов, счетов-фактур и др.); • при проведении тендеров — обзор тендерной документации, решений тендерных комитетов; • сравнительный анализ цен на аналогичные товары и (или) услуги; • проверка по всем выявленным основным контрагентам статуса в СПАРК, на сайте ИФНС, участие в арбитражных процессах; • проверка аффилированности компании с ключевыми контрагентами; • анализ расшифровки статей отчета о финансовых результатах для поиска завышенных статей, причин «формальной» убыточности деятельности.
Благотворительная деятельность	• материальная благотворительность в адрес непрофильных организаций, физических лиц; • нематериальная благотворительность в адрес непрофильных организаций с целью последующей перепродажи.	• анализ решений благотворительных комитетов, благодарственных писем и сопроводительных документов (фотографий, видео и пр.); • обзор соответствующих публикаций в СМИ; • проверка списания материалов и основных средств.

Среди лиц, заинтересованных в проведении подобной диагностики, можно выделить как собственников бизнеса, так и кредиторов, которые могут преследовать цели определения наличия или отсутствия признаков неправильного или неправомерного поведения менеджмента, а в случае банкротства — пополнения конкурсной массы за счет поиска выведенных активов, привлечения руководителя должника к субсидиарной ответственности, оспаривания сделок.

Н. Ю. Пивкина

*Россия, г. Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
экономический факультет,
аспирант кафедры
политической экономики
natasha.pivkina@mail.ru*

Качество жизни населения в системе обеспечения экономической безопасности

Повышение качества жизни населения является актуальной и крайне важной задачей и занимает одно из центральных мест в программах и стратегиях развития страны. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом № 683 в 2015 г., под повышением качества жизни понимается «развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей, снижение уровня социального и имущественного неравенства населения», прежде всего за счет роста доходов населения. В Указе «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.» отмечается необходимость роста численности населения, продолжительности его жизни, повышения уровня и качества жизни, создания комфортной среды и сокращение бедности.

Таким образом, важнейшим условием эффективного функционирования системы национальной безопасности в информационном обществе становится повышение качества жизни населения. Стратегические национальные приоритеты в области внутренней и внешней политики направлены на укрепление национальной безопасности, обеспечение устойчивого развития страны. Речь идет об обеспечении продовольственной безопасности, создании высокоэффективных рабочих мест,

достойной оплате труда, развитой инфраструктуре, комфортной среде проживания, достойном пенсионном обеспечении, качественном образовании и здравоохранении. Рост уровня благосостояния граждан, формирование стабильного среднего класса и сокращение уровня бедности являются одними из главных вопросов, стоящих перед государством в настоящее время.

При переходе к информационному обществу перед мировым сообществом встает задача сокращения дифференциации уровня и качества жизни населения отдельных стран. Советом управляющих Группы Всемирного банка поставлена задача снижения к 2020 г. уровня бедности населения мира до 9%, что требует формирование глобальной системы социальной защиты. К 2030 г. предполагается устранение крайней бедности в мире (соответствует доходу индивида ниже 1,25 долл. в день), достичь общего роста благосостояния населения за счет роста уровня жизни 40% населения развивающихся стран, относящихся к двум нижним квинтелям.

Одним из показателей изменения качества и уровня жизни населения являются динамики доходов домашних хозяйств. Дальнейшее социально-экономическое развитие России возможно только при сокращении дифференциации населения по доходам. Чрезмерное неравенство воспринимается населением как нечто противоречащее принципам справедливости. Государство снижает разрыв между доходами путем увеличения зарплат в бюджетной сфере и увеличением социальных выплат. Однако 60% малоимущего населения составляют занятые в экономике, т.е. «работающие бедные», при этом их доля в численности малоимущего населения с каждым годом увеличивается.

Переход к информационному обществу повышает роль нематериальных показателей качества жизни. Все большее значение для индивидов приобретает возможность получать знания, иметь доступ к информации, вести здоровый образ жизни, происходят изменения в системе ценностей населения, особенно среди молодого поколения.

Рост неравенства и связанное с ним ограничение возможностей относится не только к доходам населения, но и к имущественному благосостоянию граждан, что в целом оказывает негативное влияние на социально-экономическое развитие страны. Семьи с низкими доходами не могут инвестировать в образование детей, что не позволяет им изменить свое социальное положение. Несмотря на рост мировой экономики, неравенство остается одной из главных проблем.

А. М. Цикин
 Россия, г. Москва,
 Финансовый университет
 при Правительстве РФ,
 Департамент экономической теории,
 докторант, канд. хим. наук
 tsikinalexey@mail.ru

Анализ современных тенденций в импортозамещении и экспортоориентации российской продукции

Оценка национальной экономической безопасности в контексте обеспечения конкурентоспособности современной российской экономики неизбежно включает вопросы анализа тенденций в импортозамещении и экспортоориентации отечественных товаров.

Для анализа экспортоориентации российской продукции выбраны группы товаров, вносящих наибольший вклад в ВВП. Для выделенных групп приведены типичные продукты, данные по производству и экспорту которых есть в официальной статистике (табл. 1).

Таблица 1

Изменение объемов производства и экспорта продукции за период 2000–2015 гг.

Продукция	Производство	Экспорт
<i>Минеральные продукты</i>		
нефть сырая	+64,8%	+69,0%
газ природный	+8,6%	–4,1%
уголь каменный	+44,2%	+246,9%
<i>Продовольственные товары</i>		
мясо свежее и мороженое	+91,9%	+633,3%
масло сливочное	–3,4%	–29,8%
сахар белый	–5,5%	–95,8%
<i>Химическая промышленность</i>		
удобрения минеральные азотные	+50,1%	+24,7%
шины пневматические резиновые	+92,6%	+139,6%
лаки и краски	+111,3%	+41,2%
<i>Целлюлозно-бумажная промышленность</i>		
целлюлоза древесная	+58,8%	+23,1%

Окончание таблицы 1

Продукция	Производство	Экспорт
бумага газетная	–12,1%	–5,3%
Металлы и изделия из них		
чугун переплавный	+17,5%	+44,7%
трубы из черных металлов	+128,0%	+60,4%
прокат плоский из железа и стали	+29,3%	–19,1%
Машины, оборудование и транспортные средства		
тракторы, включая седельные тягачи	–20,3%	–32,8%
автомобили легковые	+25,4%	–15,8%
вагоны пассажирские	–48,6%	–32,7%

Расширенная экспортоориентация проводится по девяти видам продукции из анализируемых семнадцати. С учетом зависимости российской экономики от нефти и угля для этих товаров данная политика временно оправдана. Потребление чугуна и целлюлозы должно быть максимально ориентировано на внутренний рынок, а экспорт сокращен.

По трем продуктам проводится политика простого экспортоориентирования. Анализ производственных мощностей показывает их неполную загрузку, что позволяет в перспективе перейти к расширенному экспортоориентированию.

Потенциальная экспортоориентация характерна для сливочного масла, сахара, бумаги, тракторов и пассажирских вагонов. Необходимы инвестиции в модернизацию и реконструкцию соответствующих производственных мощностей.

Отдельного рассмотрения требует проблема выбора политики импорта различных товаров и определения потенциала их внутреннего производства. Для анализа выбраны те производимые и экспортируемые товары, которые сегодня импортируются (табл. 2).

Таблица 2

**Изменение объемов производства и импорта продукции
за период 2000–2015 гг.**

Продукция	Производство	Импорт
<i>Минеральные продукты</i>		
нефть сырая	+64,8%	–50,8%
газ природный	+8,6%	–32,3%
уголь каменный	+44,2%	–11,4%

Окончание таблицы 2

Продукция	Производство	Импорт
<i>Продовольственные товары</i>		
мясо свежее и мороженое	+91,9%	+44,5%
масло сливочное	–3,4%	+45,5%
сахар белый	–5,5%	–4,7%
<i>Химическая промышленность</i>		
шины пневматические резиновые	+92,6%	+206,0%
лаки и краски	+111,3%	+58,6%
<i>Металлы и изделия из них</i>		
трубы из черных металлов	+128,0%	–61,7%
<i>Машины, оборудование и транспортные средства</i>		
тракторы, включая седельные тягачи	–20,3%	+185,0%
автомобили легковые	+25,4%	+388,1%
вагоны пассажирские	–48,6%	+376,0%

Расширенное импортозамещение наблюдается по нефти, газу, углю и трубам. Данная продукция является товарами низкого передела, и их расширенное производство не решает задачи повышения конкурентоспособности экономики и способствует закреплению России как сырьевого придатка развитых стран.

Простое импортозамещение характерно для мяса и лакокрасочных материалов. Для перехода к расширенному воспроизводству необходимы инвестиции в реконструкцию и модернизацию производственных мощностей, благодаря которым увеличится объем предложения и улучшатся качественные характеристики отечественной продукции.

По шести видам товаров наблюдается негативная тенденция усугубления зависимости от импорта. С целью обеспечения продовольственной и технологической безопасности необходимо в кратчайшие сроки создать условия для преодоления импортозависимости по данным направлениям.

Для интегральной оценки политик экспортоориентации и импортозамещения выбран показатель текущей конкурентоспособности, равный отношению разности экспорта и импорта к их сумме. Ожидаемо, что высокая конкурентоспособность характерна для энергетических ресурсов и товаров низкого передела, а продукцию высокого передела, наоборот, отличает низкая конкурентоспособность с отрицательной динамикой (табл. 3).

Таблица 3

**Конкурентоспособность товаров в 2000 и 2015 гг.
и динамика ее изменения**

Продукция	2000	2015	Изменение
<i>Минеральные продукты</i>			
нефть сырая	92	98	+5
газ природный	87	91	+4
уголь каменный	27	74	+48
<i>Продовольственные товары</i>			
мясо свежее и мороженое	–100	–98	+1
масло сливочное	–86	–93	–7
сахар белый	–45	–97	–52
<i>Химическая промышленность</i>			
шины пневматические резиновые	–6	–18	–12
лаки и краски	–47	–51	–4
<i>Металлы и изделия из них</i>			
трубы из черных металлов	–16	50	+66
<i>Машины, оборудование и транспортные средства</i>			
тракторы, включая седельные тягачи	–46	–84	–38
автомобили легковые	24	–56	–80
вагоны пассажирские	63	–23	–86

Таким образом, реализуемая в настоящее время политика импортозамещения и экспортоориентации не совершенна и должна быть прекращена. В текущем виде она способствует закреплению периферийного характера российской экономики и снижению конкурентоспособности российских товаров и услуг.

Изменение политики экспортоориентации и импортозамещения целесообразно проводить в два этапа. На первом этапе необходимо заместить высокотехнологичный импорт и расширить наукоемкий экспорт за счет существующих технологий и недозагруженных мощностей. В дальнейшем требуется создание отечественных высокотехнологичных производств и изменение торгового баланса за счет продукции, внутреннее производство которой в настоящее время слабо развито или отсутствует.

Попутно решаются также задачи формирования самодостаточности национальной экономики, которая является одним из важнейших факторов конкурентоспособности современной российской экономики.

Раздел 2

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Г. Г. Чибриков

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

профессор кафедры политической экономики,

д-р экон. наук, профессор

gchibrikov@yandex.ru

Угрозы экономической безопасности России в процессе цифровизации экономики

По мере становления цифровой экономики в России произошло обострение противоречия между новыми закономерностями и традиционными формами регулирования и контроля. Введение санкций США и их союзниками против финансовой системы России еще более усложнило ситуацию.

Чтобы преодолеть противоречие между цифровой экономикой и формами регулирования, Центральный банк России использует инновационную технологию для организации электронного документооборота между Банком России, участниками финансового рынка, физическими и юридическими лицами.

Для повышения эффективности выполнения регуляторных требований и управления рисками, Банк России применяет такие технологии, как идентификация клиента (проведения процедур KYC - Knowyourcustomer); выявление подозрительной активности и предотвращение мошенничества; автоматизация процедур подготовки и сдачи отчетности; контроль исполнения.

Ключевые показатели эффективности реализации основных направлений финансовых технологий по итогам 2018 г. характеризуются долей электронного документооборота с участием финансового рынка

КО (кредитные организации) — 50%, НФО (некредитные финансовые организации) — 80%. В 2019 г. эти показатели планируются на уровне КО — 80%, НФО — 90%. Банк России в 2017 г. согласовал возможность выпускать биржевые облигации в электронном виде без закрепления их на бумажных носителях.

В цифровой экономике одной из угроз является возникновение частных денег. Первый биткоин был создан в 2009 г. группой программистов, использовавших псевдоним Сатоши Накамото. В апреле 2018 г. разновидностей цифровых денег было 1800.

ЦБ Канады, Китая, Гонконга, Сингапура, РФ, шведский Риксбанк начали использовать новую форму денег — цифровые деньги центрального банка.

Эксперты Банка международных расчетов определяют цифровые деньги центрального банка как безналичные деньги, отличные от балансов, представленных традиционными резервами или счетами регулирования. Безналичный оборот в России в 2018 г. составляет 20%.

В «Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 и период 2020–2021 годов (Проект)» не предусматривается использование частных цифровых денег. Их признание, возможно, откладывается. Не исключено, что частные цифровые деньги будут запрещены.

Почему возникло негативное отношение к цифровым виртуальным деньгам? Высокая ценовая изменчивость виртуальных денег ухудшает их способность служить в качестве надежного воплощения стоимости. Текущий небольшой размер и ограниченная система их приемлемости для операций значительно ограничивает их использование как средства обращения. В январе 2016 г. совокупная рыночная стоимость виртуальных денег составляла 7 млрд долл. В противоположность в США валюта в обращении была равна 1,4 трлн долл. Одновременно денежное предложение в США (M2) было примерно 12 трлн долл.

Центральные банкиры обращают внимание на рост частных криптовалют, предостерегая, что они являются чисто спекулятивными играми.

Регулирование финансовой системы с традиционными деньгами всегда было сложным процессом. Сосуществование традиционных и частных валют в принципе должно создавать серьезные трудности для деятельности центрального банка.

Журнал «The Economist» дает следующую характеристику цифровой валюты: «Криптовалюты останутся более чем сверхсложным, не заслуживающим уважения казино. Технология блокчейна заслуживает поддержки. Постепенно восторги начинают остывать. Немногочисленные организации, такие как СВИФТ, система банковских платежей, СТРАЙП, система онлайн-платежей оставили блокчейновые проекты, придя к заключению, что издержки перевешивают выгоды».

А. Карстенс (Банк международных расчетов) утверждает: «Криптокарренси стали комбинацией бабблa, Ponzi scheme и природного бедствия. Непрактична технология криптокарренси как средства платежа. Децентрализованная технология криптовалют, чрезвычайно сложная, является плохой заменой солидной институциональной поддержки денежной системы через независимые и подотчетные банки. В добавление возникает деликатная проблема в связи с выпуском цифровой валюты самими центральными банками».

По подсчетам, минимальное потребление энергии сетью биткоина равно объему энергии, потребляемой семьё сотнями среднестатистических американских семей, а максимальное — энергии, потребляемой островом Кипр. Поэтому одной из причин продолжения использования фиатных денег являются меньшие издержки их выпуска.

Критические оценки, приведенные выше, необходимо принять во внимание. Допуск частных цифровых денег должен сопровождаться введением соответствующего уровня контроля и регулирования.

Общий вывод, к которому приходят эксперты МВФ, состоит в том, что создается тенденция к созданию одной доминирующей валюты (фиатные деньги). В перспективе использование виртуальных денег более приемлемо для стран, в которых доверие к монетарной политике низкое, тогда как приверженность к ценовой стабильности будет обеспечивать стимулы к ограничению использования виртуальных денег. Однако изменчивость виртуальных денег была столь высокой, что даже для страны, где доверие к монетарной политике низкое, долларизация может быть более привлекательной, чем использование виртуальных валют.

И. В. Бальнин

Россия, г. Москва,

Финансовый университет

при Правительстве РФ,

финансово-экономический факультет,

Департамент общественных финансов,

старший преподаватель

igorbalynin@mail.ru

Ключевые вызовы цифровой экономики

Современные социально-экономические условия и активный научно-технический прогресс приводят к цифровизации всех явлений и процессов, в т.ч. накладывают свои отпечатки как на национальные экономики, так и на мировую экономику. В этом контексте важно отме-

тять, что цифровизации экономики, по мнению автора, характеризуются как положительными, так и негативными аспектами.

Так, в частности, посредством активного внедрения информационных технологий достигается:

- ускорение проведения различных экономических операций (как в коммерческом секторе, так и в сфере государственного и муниципального управления);
- открытость информации для различных групп пользователей;
- оперативность оказания государственных и муниципальных услуг;
- быстрое проведение платежей, в т.ч. с использованием интернет-банка и мобильного банка;
- получение необходимой информации (как текстовой, так и числовых данных) абсолютно в любом направлении на интересующем языке;
- обеспечение возможности донесения информации до миллионов (и даже миллиардов) людей по всему миру за крайне короткий промежуток времени и др.

При этом все вышеперечисленные положительные аспекты могут быть рассмотрены и с иной стороны:

1. Так, в частности, ускорение проведения экономических операций и повышение открытости информации приводят к серьезному росту кибермошенничества, в т.ч. связанного с хищением денежных средств у граждан и юридических лиц, что, безусловно, наносит ущерб экономическому развитию как отдельно взятого государства, так и мировой экономики в целом.

2. Благодаря повышению открытости информации ряд лиц осознанно либо ввиду отсутствия соответствующих знаний занимается неверной ее интерпретацией, что особенно опасно при наличии публичности таких действий в отношении огромного числа слушателей, т.к. приводит к снижению уровня правовой и финансовой грамотности населения.

3. Активное использование интернета гражданами обусловлено постоянной передачей большого объема личных данных, хранение которых осуществляется различными операторами.

4. Недостаточное нормативно-правовое и организационное регулирование приводит к злоупотреблениям при самоконтроле качества размещаемой информации, в т.ч. аудио- и медиаматериалов, которые могут нанести серьезный ущерб воспитанию молодого поколения граждан.

5. Применение в обычной жизни на постоянной основе различных продуктов научно-технического прогресса, способных частично или полностью заменить мозговую активность, приводят к деградации и снижению интеллектуального уровня соответствующего человека.

В заключение важно отметить, что только посредством объединения усилий государства, коммерческих и некоммерческих организаций, органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества и непосредственно населения представляется возможным преодолевать вызовы цифровой экономики, тем самым способствуя достижению целей по социально-экономическому развитию Российской Федерации.

Е. Ю. Бойцова

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

доцент кафедры политической экономики,

канд. экон. наук, доцент

boitsova07@list.ru

Проблемы антимонопольного регулирования цифровых корпораций

Глобализация мировой экономики — интенсивная форма интернационализации мировой хозяйственной системы. Управленческая сущность глобализации — упрощение коммуникаций, что ведет к упрочению власти цифровых корпораций, использующих в качестве бизнес-модели цифровые платформы.

Цифровая платформа — высокотехнологичная бизнес-модель, посредством которой реализуется процесс взаимодействия потребителей и поставщиков товаров, услуг, информации.

Цифровые платформы включают цифровые устройства, программные продукты и информационные сервисы.

Цифровая платформа выполняет ключевые функции:

- управление спросом;
- управление взаимоотношениями с потребителями;
- управление выполнением заказов;
- управление обслуживанием потребителей.

Особенности цифровой платформы:

- алгоритмизация взаимодействия участников платформы;
- взаимовыгодные отношения участников платформы (принцип «win-win»);
- значимость количества участников деятельности, использующих платформу для взаимодействия;
- наличие единой информационной среды и информационно-технологической инфраструктуры;

- наличие эффекта в виде снижения транзакционных издержек при взаимодействии различных участников платформы.

Выделяют следующие типы цифровых платформ: инструментальная (разработка программных решений — IOS), инфраструктурная (предоставление ИТ-сервисов для принятия решений — Google Maps), прикладная (обмен экономическими ценностями на рынке — Яндекс Такси).

Цифровые платформы приносят значительную прибыль, так как имеют многочисленных пользователей.

Особенности цифровых рынков:

- регулярное появление разрушительных инноваций позволяет быстро дестабилизировать положение монополистов-старожилов;
- кумулятивный характер инновационного процесса: объединение технологий обладает синергетическим эффектом;
- высокие постоянные издержки и стремящиеся к нулю предельные издержки;
- наличие посредника, который управляет цифровой платформой;
- эффект «победитель получает все», или эффект «снежного кома»;
- прямые и косвенные сетевые эффекты;
- сетевой эффект требует от цифровых монополий предлагать выгодные условия пользователям;

Риски цифровых монополий:

- 1) уменьшают информационную безопасность;
- 2) получают выгоду даже в ситуации, когда предоставляют бесплатные продукты, так как:
 - не платят адекватную цену за персональные данные клиентов,
 - рекламные услуги монополий стоят очень дорого в отсутствии конкуренции,
 - присваивают результаты творческой деятельности пользователей,
 - извлекают выгоду из анализа прошлого поведения потребителя;
- 3) способны устранять конкурентов, используя современные технологии;
- 4) могут противодействовать инновационному развитию;
- 5) нарушают автономию граждан, создавая эффект привыкания потребителей;
- 6) обладают не только экономическим, но и политическим влиянием;
- 7) создают проблемы для антимонопольных органов (сложно обвинить в монополизации компании, которые предлагают бесплатные продукты и повышают качество своих услуг).

Особенности цифровых рынков («разрушающий» характер инноваций, сетевой эффект, бесплатные продукты, комплексный характер разработок) не позволяют применять к ним характерные для традиционных рынков антимонопольные механизмы воздействия.

Предложения пятого антимонопольного пакета поправок к Закону РФ «О защите конкуренции»:

1. Новые критерии определения доминирующего положения на рынке.

2. Новые подходы контроля экономической концентрации — предварительное согласование сделок объемом более 7 млрд руб.

3. Новый вид предписания об устранении дискриминационного доступа к данным, в том числе о потребителях.

4. Понятие «доверенное лицо» для выполнения функций по мониторингу и содействию исполнению предписаний антимонопольного органа.

5. Отмена антимонопольных иммунитетов в отношении результатов интеллектуальной деятельности, предусмотренных Законом РФ «О защите конкуренции».

6. Монополистами следует считать цифровые платформы, которые занимают более 35% рынка «взаимозаменяемых услуг».

7. При оценке доли компании на рынке предлагается применять «тест гипотетического монополиста».

Аргументы противников усиления антимонопольного регулирования цифровых монополий:

1. Цифровые технологии обеспечивают интеграцию, эффективность, инновации.

2. В основе цифровых монополий (ЦМ) новая бизнес-модель — цифровая платформа (ЦП), поэтому регулировать их по правилам 20 века нельзя.

3. Базовые продукты предоставляются бесплатно.

4. ЦМ снижают транзакционные издержки и цены.

5. Отмена антимонопольных иммунитетов создаст барьеры, повысит издержки и отрицательно повлияет на инновационную деятельность.

6. Усилиями ЦМ коммуникации стали общественным благом.

7. К цифровым компаниям не применимо понятие монополизма.

Аргументы сторонников усиления антимонопольного регулирования цифровых монополий:

1. Цифровые технологии усиливают контроль, неравенство, концентрацию.

2. Огромные затраты на рекламу оплачивают потребители услуг ЦМ.

3. ЦМ паразитируют на бесплатном или дешевом контенте, который на самом деле требует больших первоначальных затрат.

4. Рост лидеров рынка происходит не только естественным образом, но и путем поглощений (например, Microsoft купил Skype, Facebook приобрел Whats App и Instagram).

5. Необходима «демонополизация» технологических гигантов, включая Apple и Microsoft, вплоть до насильственного разделения.

Выводы:

1. Сформировался новый сегмент глобальной экономики, способный развиваться не только в условиях устойчивого снижения издержек, но и при бесплатном распространении продукта.

2. Возникают центры потребительского «притяжения», которые оцениваются инвесторами выше, чем любые традиционные активы, и это обстоятельство может стать приговором ресурсной и индустриальной экономике.

3. Анализ развития цифровых корпораций предполагает не только организационно-экономический, но и правовой, социальный, экологический аспекты исследования.

И. В. Вершинин

Россия, г. Москва,

*Российский научно-исследовательский институт экономики,
политики и права в научно-технической сфере,*

старший научный сотрудник,

НИУ «Высшая школа экономики»,

аспирант

Ivan457@list.ru

Национальная научно-технологическая безопасность: ключевые проблемы государственного управления и пути их решения

Главный тезис доклада — текущая государственная научно-техническая политика механистично следует международным практикам управления публичной наукой, и при этом фактически не учитывает национальные цели и задачи российской науки. Рассмотрим подробнее, как это происходит.

До начала 1990-х годов 20 века в западных странах финансирование публичной науки преимущественно осуществлялось по сметному принципу, так называемому *line-item budgeting*. Этот же принцип использовался и в Советском Союзе.

К концу 1980-х в западных странах начинает распространяться новый подход к организации бюджетной сферы, известный как *New Public Management* (или в русском переводе — Новое государственное управление). Этот подход стал внедряться и в сфере государственных расходов на науку.

Если говорить коротко о NPM, —то это воспроизведение в том или ином виде рыночных отношений в публичном секторе, где пользователи услуг публичных организаций представляются как своеобразные «поку-

патели», а деятельность «публичных организаций» как своего рода «продавцов», на которых действуют такие же финансовые стимулы от своей деятельности, как у настоящих продавцов на реальном рынке. То есть внедрение модели NPM — это эмуляция рыночных отношений в государственном секторе.

В рамках концепции NPM, представление о результативности деятельности публичной организации складывается не в результате контроля расходования входящего финансирования (input control), а по итогам оценки непосредственных результатов деятельности организации (output control). При этом, чтобы оценить результативность деятельности в рыночной среде, — вводятся формальные индикаторы результативности (performance indicators), выполнение которых воспринимается как достижение запланированного уровня качества деятельности, и, следовательно, является основанием для поощрения в виде увеличения финансирования или, наоборот, отнесения организации к отстающим или к числу неэффективных.

На слайде 3 показано, как начиная с 2010 г. в России вводится нормативно-правовая база, устанавливающая принципы NPM в российской науке:

- ФЗ-83 вводит самостоятельность организаций в расходовании средств;
- Постановление Правительства РФ № 640 регулирует субсидирование учреждений в виде block grants;
- Постановление Правительства РФ № 312 устанавливает подходы оценки результативности научных организаций;
- Приказы № 161 и № 162 Минобрнауки России устанавливают правила оценки результативности научных организаций на основе output-индикаторов.

Таким образом, в российской науке полностью реализована модель NPM.

Необходимо сказать, что на западе подход NPM с самого начала подвергался критике в научной литературе. Однако число критических статей резко возрастает в период после 2010 г., что отчасти связано с окончательным распространением подхода NPM в научных политиках западных стран.

На слайде 4 показаны основные направления критики, связанные с выявлением так называемых «побочных эффектов» NPM. Такие побочные эффекты возникают при долговременном финансировании научных исследований с использованием показателей результативности.

Вследствие того, что индикатор оценки научной результативности — количество публикаций — стал преобладающим, в мире произошел взрывной рост научных публикаций и количества научных журналов. При этом качество научных материалов значительно упало.

Вследствие неконтролируемого увеличения потока публикаций, профессиональные рецензенты оказываются перегружены и не в состоянии обеспечить адекватную оценку поступающим материалам.

Фокусирование на количественных научных показателях со временем приводит к имманентному пренебрежению к внутреннему содержанию работ.

Нацеленность на выполнение показателей эффективности со временем приводит к существенным изменениям в планировании научных исследований: выбираются такие направления, которые способны дать наибольший результат по показателям вместо потенциально новых научных открытий.

Вследствие иррелевантности отдельных формальных показателей результативности процессу реального научного поиска, концепция NPM часто подвергается критике со стороны научного сообщества.

Наконец, феномен *performance paradox* в научно-технологическом комплексе — это когда последовательно выстроенная на принципах NPM государственная система финансирования науки приводит к стагнации подлинного научно-технологического развития.

Однако мы считаем, что главная проблема подхода NPM — источник возникновения «побочных эффектов» — лежит в том, что используемые для оценки результативности индикаторы оценивают только непосредственный результат научной деятельности (например, количество статей, патентов), а оценка конечной результативности остается за рамками такой оценки.

В правильно настроенной государственной политике выполнение индикаторов *output* (индикаторов непосредственной результативности) должно вести к появлению глобальных эффектов *outcome*, к проявлению конечных результатов научной деятельности.

Однако в науке используемые сейчас индикаторы *output*, как правило, сами являются лишь побочным продуктом научной деятельности, а не ее подлинной конечной целью. Таким образом, сосредоточиваясь на непосредственных результатах в науке, государственная политика упускает конечные результаты — собственно социально-экономические эффекты, на которые она должна быть направлена.

Это и есть ключевая проблема реализуемой сегодня научно-технической политики.

Как выйти из такого положения? Основная идея — дополнить существующую политику измеримыми показателями именно конечной результативности. Таким могут служить только конечные результаты научной деятельности — это либо новая наукоемкая продукция, либо предложенные решения существующих научных проблем.

Соответственно наряду с существующей грантовой системой финансового обеспечения науки (которая включает в себя широкий круг инструмен-

тов — от собственно грантов до государственного задания в сфере науки, где поддерживаются инициативные тематики) должна быть реализована модель объект-ориентированного целеполагания — от запланированного конечного результата научной деятельности до распределения тематик НИР конкретным исполнителям и контроля за его исполнением.

А. В. Воронкова

Беларусь, г. Минск,

Белорусский государственный университет,

экономический факультет,

аспирант кафедры инновационного менеджмента

anavoron.jne@gmail.com

mailto:svfgp@mail.ru

Цифровая экономика как фактор промышленной и трудовой эволюции

Необходимость развития материального производства детерминирует прогресс науки и техники, расширяет возможность социальной сферы, повышает эффективность образования. Экономический прогресс — это сложное и многоплановое явление, оценка которого предполагает использование различных критериев и системы показателей, с помощью которых можно оценить состояние развития производительных сил и производственных отношений, а также общественного способа производства в целом.

Научно-технический прогресс (НТП) за тысячелетия человеческой цивилизации проходит сложный и противоречивый путь развития. На первых этапах развития общества технический прогресс осуществлялся отдельно от научного прогресса. И только в период промышленной революции (XVIII—XIX вв.) началось быстрое сближение научного и технического прогресса, что привело к закономерному возникновению целостного НТП.

В экономической литературе недостаточно изучен вопрос трансформации рынка труда в рамках НТП. Цель исследования — выявление результатов промышленной и трудовой эволюции, обусловленных развитием НТП.

Экономика любого периода развития человеческого общества всегда была одновременно и трансформационной, и информационной. Это обосновывается тем, что переход от доиндустриального этапа хозяйственного развития к индустриальному маловероятен без соответствующей информационной революции. Более того, любое новшество в производстве экономических благ всегда сопровождалось соответствующим информационным обеспечением.

В доиндустриальный период экономической истории природные экономические ресурсы были столь велики, что исключалась проблема их сохранности и воспроизводства. Возникающие вопросы разрешались в рамках существовавшего тогда относительно устойчивого равновесия человека и среды его обитания. В системе человеческого потенциала важнейшую роль играл трудовой фактор, который соединялся с веществом природы непосредственно. При этом природные ресурсы преобразовывались в потребительское благо без массовых специальных знаний, что свидетельствовало о естественном единении человека со средой его обитания. Информационное пространство состояло преимущественно из овеществленной информации, заключенной в конструкции и свойствах орудий и предметов труда, потребительских благ. Таким образом, в доиндустриальный период созидательный потенциал состоял из природного и трудового.

На протяжении периода индустриального развития экономики существенно модифицировано взаимодействие человека и природы, а также человеческого и природного потенциала. Ключевым фактором производственных отношений стал выступать капитал, представляющий собой воплощенный в средствах производства и выпускаемых товарах прошлый человеческий труд. Развитие производительных сил оказалось в зависимости от хода и масштаба НТП, т.е. от степени своего единства с наукой. Увеличилась значимость способности к умственному труду, а также в информационном пространстве овеществленная информация обогатилась специальными знаниями. В содержании созидательного потенциала выделялись природный, вещественный, трудовой и умственный потенциалы, его многоаспектность потребовала установления специальной экономической системы для поддержания единства составных частей производительных сил. Индустриальный этап экономического развития продолжает осуществляться в рамках традиционных представлений о безграничности природных экономических ресурсов. Капитализация экономических отношений привела к нарушению баланса в системе отношений «человек — природа». Если в доиндустриальную эпоху экономического развития использовалась естественная энергия человека и природы, то масштабные индустриальные технологии основывались на энергии, получаемой в результате использования невозобновляемых ресурсов. В этих условиях обостряется противоречие между растущими потребностями человека и возможностями экосистемы.

Продолжающийся утилитарный подход к мировому воспроизводственному процессу стал причиной продовольственного, энергетического и экологического кризиса. Цифровая трансформация экономической деятельности является объективным атрибутом хозяйственной действительности. В доиндустриальную эпоху гуманно-экономические основы хозяйственного бытия обходились без специального рассмотрения в силу

естественного единения человека и природы. Индустриальный этап развития человеческой цивилизации привел к растущей ограниченности природной среды, формированию деструктивной дихотомии «человек и природа» и, как следствие, нарастанию системы экологических и социально-экономических противоречий.

Интеллектуализация хозяйственной деятельности определяется разными составляющими, в то время как развитие процессов информатизации лишь способствует ее ускорению. Информатизация и наукоемкая фаза экономической действительности способствуют становлению цифровой экономики. Цифровая экономика — это экономика, которая коренным образом преобразует сферы и бизнес-процессы на базе интернета и новых цифровых технологий (англ. Big Data — «большие данные», англ. Cloud computing — «облачные вычисления», блокчейн, интернет вещей и др.).

Сектор цифровой экономики, в котором сосредоточены большая доля расходов предприятий на НИОКР и более трети всех патентных заявок, является главным источником инноваций в мире. Высокая скорость распространения цифровой экономики может быть показана следующими данными: общее число пользователей сети Интернет — около 4 млрд человек, из них 53% — пользователи мобильного интернета; 90% представителей бизнес-сообщества используют интернет для установления контактов, однако только 20% применяют цифровые технологии в производстве.

Внедрение в производство принципиально новых научно-технических разработок оказывает существенное влияние на рынок труда: услуги туристических агентств дополняются/замещаются сервисами онлайн-бронирования и электронных билетов; фронт-офисы банков заменяются на цифровой (интернет- и мобильный) банкинг; розничные магазины — на виртуальные склады и интернет-магазины; офисы госуслуг — на единый онлайн-портал госуслуг; в медицине используются электронные истории болезни. Таким образом, внедрение элементов цифровой экономики изменило облик многих отраслей, таких как туризм, телекоммуникация, полиграфия, пассажирские перевозки, в частности услуги такси.

В цифровой экономике исчезают одни профессии, возникают другие, преобразуется социальная парадигма жизни людей. Формируются новые требования к будущим работникам:

- 1) системное мышление (умение определять сложные системы и работать с ними; системная инженерия);
- 2) умение работать в условиях неопределенности (быстрота принятия решения, реагирования на изменение условий работы; умение распределять ресурсы и управлять своим временем);
- 3) владение навыками программирования (взаимодействие с робототехникой, искусственным интеллектом (далее — ИИ));

4) навыки межкультурной коммуникации (понимание национально-культурного контекста стран-партнеров, специфики работы в отраслях других стран);

5) творческое мышление и эстетический вкус (конкуренция с ИИ);

6) межотраслевая коммуникация (понимание технологий, процессов и рыночной ситуации в разных отраслях);

7) клиентоориентированность (умение работать с запросами потребителя) и др.

Цифровизация является качественным скачком в развитии промышленности. В свою очередь реализация концепции «Индустрия 4.0» подразумевает создание «умной» промышленности, которая модернизирована встроенными киберфизическими системами, промышленным интернетом вещей, облачными технологиями, аналитикой больших данных, роботизацией, трехмерным моделированием и дополненной виртуальной реальностью, 3D-принтерами и ИИ. «Индустрия 4.0» рассматривается как новый уровень организации и менеджмента цепочки создания стоимости на протяжении всего жизненного цикла выпускаемой продукции.

Основными цифровыми дивидендами реализации программы перехода на цифровую экономику должны стать рост производительности труда, повышение конкурентоспособности компаний, снижение издержек производства, создание новых рабочих мест, более полное удовлетворение потребностей населения, существенное повышение качества жизни, преодоление бедности и социального неравенства.

Т. В. Гудкова

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

доцент кафедры политической экономики,

канд. экон. наук, доцент

tat-gud@yandex.ru

Конкурентоспособность в цифровой экономике: проблемы и новые возможности

По мнению К. Шваба, основателя и бессменного президента Всемирного экономического форума (WEF), мы уже стоим на пороге четвертой промышленной революции, которая характеризуется не только огромной скоростью внедрения новейших технологий, а сопровождается еще и мощнейшей конкуренцией, для которой даже появилось соответствующее понятие — «digital competition». Для большинства игроков, стремящихся к укреплению своих позиций на рынке, важнейшей задачей становится

цифровая трансформация, которая меняет все бизнес-процессы компании (производственные, управленческие, процесс взаимодействия с партнерами и клиентами и т.д.). Альтернативный вариант — уход с рынка или перемещение на его глубокую периферию.

Компании традиционных отраслей (обрабатывающая промышленность, с/х, строительство и т.д.) в результате цифровой трансформации получают новые возможности для роста производительности и повышения конкурентоспособности, которые изначально базировались на постепенном внедрении лучших отраслевых инноваций в технологический процесс. В условиях цифровой экономики появляются нелинейные положительные эффекты, и конкурентоспособность зачастую увеличивается за счет межотраслевого (cross-industry) обмена технологиями и бизнес-моделями, и иногда в совершенно неожиданных сегментах экономики. Межотраслевой эффект от цифровизации в российской экономике с 2010 г. увеличился в 5,5 раза и составил 27,7 трлн руб. в 2015 г. Такой эффект в основном был достигнут в результате внедрения электронных платформ (85%). Но, к сожалению, Россия до сих пор практически в два раза отстает от ведущих стран мира по объему инвестиций частных компаний в цифровизацию: у нас этот показатель составляет всего 2,2% ВВП, в то время как в США он достигает 5%, а в странах Западной Европы — 3,9%, что в свою очередь снижает их конкурентоспособность как на международном уровне, так и в некоторых сегментах отечественного рынка (секторах электронной торговли, поисковых систем и др.). Доля государственных расходов на цифровизацию в ВВП еще ниже: 0,5% против 5,3 и 3,7% соответственно.

Спрогнозировать реальный срок цифровой трансформации конкретной отрасли очень трудно. На сегодняшний день в США наименее «оцифрованными» являются традиционные отрасли с высоким вкладом в ВВП и высоким уровнем отраслевой занятости: нефтяная, горнодобывающая, химическая и фармацевтическая. В России ситуация выглядит схожим образом: несмотря на то, что в ряде отраслей (ИКТ, образование, финансы) по уровню цифровизации наша страна уже приближается к мировому уровню, во многих ключевых (добывающая и обрабатывающая промышленность, транспорт, и др.) отраслях мы пока все еще отстаем от ведущих стран. Судя по всему, промышленным гигантам традиционных отраслей экономики, в силу их масштаба, достаточно сложно активно включиться в процесс цифровой трансформации. К сферам, которые в ближайшее время в наибольшей степени будут подвержены цифровым прорывам, относятся технологические продукты и услуги, розничная торговля, СМИ, развлечения, финансовые услуги, телекоммуникации, образование, туризм и гостиничный бизнес.

Аналитики Всемирного экономического форума (WEF) в 2017 г. попытались оценить потенциальный позитивный эффект влияния цифро-

визации на отдельные отрасли мировой экономики и спрогнозировать межотраслевой эффект от цифровой трансформации ИТ-сферы, сферы управления человеческими ресурсами (HR), финансовой сферы и бухгалтерии, сферы управления системой материально-технического снабжения и сферы исследований и разработок (R&D). Согласно прогнозам экспертов WEF, самые значительные положительные изменения от цифровизации ожидаются в нефтегазовом секторе. В ближайшем будущем, скорее всего, не останется такой сферы, в которую не проникнут цифровые технологии, но, очевидно, что наибольший эффект от цифровизации получит экономика, в которой будут не только хорошо развиты традиционные секторы экономики и сфера услуг, а также и кооперационные связи между ними.

Цифровая трансформация экономики — задача важная и сложная, и России необходимо ориентироваться на долгосрочную перспективу, потому что без этого невозможен «выход из колеи» развития. Этот переход предусматривает комплексные изменения как на уровне компаний, так и на уровне государства. С 2014 г. в нашей стране активно реализуется долгосрочная программа «Национальная технологическая инициатива», направленная на создание условий для обеспечения лидерства отечественных компаний на мировых высокотехнологичных рынках. В 2017 г. Указ Президента РФ определил стратегически важным для России развитие «цифровой» экономики, которое в перспективе будет влиять на ее конкурентоспособность на мировых рынках, и в июле этого же года была утверждена программа по развитию цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 г., которую необходимо теперь реализовать в соответствии с поставленными целями.

А. М. Корнилов
Россия, г. Москва,
lyokha74@mail.ru

Угрозы национальной безопасности России в сфере исследований и разработок

Цифровая экономика все более воспринимается как некое универсальное решение едва ли не всех актуальных проблем современности. Причем происходит это не только в массовом сознании, но и специальном дискурсе ученых-экономистов и госуправленцев. Подобные надежды могут показаться излишне оптимистичными, учитывая, что дебютом цифровой экономики как фактора глобального хозяйственного развития стал т.н. «крах доткомов» (10 марта 2000 г.). Благодаря ему только за период 2000–2002 гг. американский сектор высокотехнологичных товаров и услуг потерял более чем 5 трлн долл., а долговременная депрессивная

динамика, которую это событие породило в глобальном масштабе, в полной мере не изжита до сих пор. Назвать произошедшее случайностью трудно. По меткому замечанию Тома Гудвина, вице-президента Navas Media по вопросам инноваций, флагманов цифровой экономики объединяет одно общее свойство: «Uber, крупнейший оператор на рынке такси, не имеет собственного парка автомобилей, медиагигант Facebook не создает собственный контент, у Alibaba, крупнейшего ретейлера, нет собственных товарных запасов, Airbnb, крупнейший поставщик жилья, не владеет недвижимостью». Чтобы правильно оценить преимущества и риски, которыми чревата цифровая экономика — прежде всего в специфических российских условиях, — стоит разобраться в ее происхождении не как факта хозяйственного оборота, но как концепции устойчивого роста, — где последний обеспечивается посредством переноса центра тяжести хозяйственной деятельности из области «физической» (основанной, по определению Николаса Негропonte, на «рекомбинации атомов») в «нефизическую», «виртуальную» (соотв. рекомбинации битов).

В последнем смысле цифровая экономика на поверку оказывается не более чем очередным (третьим по счету) изданием теории инновационного развития. В своей оригинальной форме это произведение Йозефа Шумпетера большого впечатления на мейнстрим экономической науки не произвело. Идея экономического развития путем одной лишь рекомбинации располагаемых ресурсов, к тому же исключительно под влиянием опережающих свое время идей, подозрительно напоминала клерикальное *creatio ex nihilo*, примененное к экономической проблематике. Принцип «созидательного разрушения» в качестве источника роста стоимостной массы также не мог не вызывать определенных сомнений. Ведь, в самом деле, девальвация вытесняемых в процессе внедрения инноваций товаров и услуг должна порождать кумулятивный эффект — за счет стоимостных потерь в профильной инфраструктуре и снижения покупательной способности занятого в ней персонала. Что, в свою очередь, поведет к снижению инвестиционного потенциала и вместо развития породит депрессию. Что же касается решения этой проблемы, предлагавшегося самим Шумпетером — финансирования инновационного процесса в счет будущих прибылей, многократно преумноженных за счет все того же «созидательного разрушения», — то в условиях господства золотого стандарта современникам оно должно было показаться чем-то вроде печатания банкнот под обеспечение «кладов земных», по рецепту гетевского Мефистофеля. Но самое главное, к 1934 г. — выходу в свет третьего издания «*Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*» — на наработки Шумпетера еще не существовало серьезного социального заказа: ресурс экстенсивного роста экономики, которому противопоставлялись преимущества инновационного развития, далеко еще не был исчерпан.

К середине 70-х гг. XX в., однако, процессы интеграции мировой хозяйственной системы зашли настолько далеко, чтобы заставили всерьез задуматься о том, как она будет функционировать в условиях полной своей замкнутости. Ведь не секрет, что «идеальная» глобализированная экономика, полностью свободная от административных и таможенно-тарифных пережитков эпохи «национальных государств», одновременно приобретает характер «жесткой» автаркии — в которой, согласно Бёем-Баверку, всякое хозяйственное развитие замирает, уступая место простому замещению стоимостей.

Господствующие на тот момент течения экономической мысли предложить рецепт устойчивого роста в условиях замкнутой хозяйственной системы оказались не в состоянии. «Экзогенные» модели (Солоу — Суона) ставили рост мировой экономики целиком в зависимость от эффективности производства, никак, однако, не объясняя причин увеличения этой последней, а просто принимая ее как данность. «Эндогенные» (Ромера, Лукаса) — сводили рост эффективности труда к развитию сектора исследований и разработок, что, однако, решительно противоречило эмпирическим данным: в тех же США за период с 1945 по 1990 гг. пятикратный рост числа исследователей на темпах экономического роста сказался скорее отрицательно.

Возросший на этом фоне интерес к теории инновационного развития был вполне закономерным — тем более, что с деконструкцией в 1971–73 гг. Бреттон-Вудской системы отпали все возражения против наиболее уязвимой из наработок Шумпетера — финансовой. Правда, в процессе своего «переиздания» теория претерпела определенные изменения — преимущественно, впрочем, семантического свойства. Усилиями Тоффлера, Белла, Масуды, Нейсбита и др. понятийный аппарат инновационного развития приобрел устойчивые коннотации технологичности и наукоемкости — чего сам Шумпетер подчеркнуто избегал. Так или иначе, в новом изложении (Боулдингом, Пасинетти, Кузнецом, Абрамовицем) «созидательное разрушение» в качестве неисчерпаемого источника развития дополнилось новым ресурсом, также как будто ничем не ограниченным — творческим потенциалом человеческого сознания. Что касается возражений, выдвигавшихся против эндогенных моделей роста — об отсутствии строгой корреляции между объемом инвестиций в научно-технологический комплекс и макроэкономической динамикой, — то они снимались за счет идеи поддержания определенной (высокой) «плотности инновационного потока» — т.е. смещения акцента с создания научной продукции на ее коммерциализацию.

Любопытно, что детальные исследования этой последней проблематики как раз и обнаружили в новом, «высокотехнологичном» варианте

теории инновационного развития ключевую ее уязвимость — условно говоря, «шумпетерианскую ловушку». В 1997 г. Клейтон Кристенсен в монографии «The Innovator's Dilemma: When New Technologies Cause Great Firms to Fail» обратил внимание на проблему инверсии «созидательного разрушения» — т.н. disruptive destruction. Суть ее состоит в том, что подлинно прорывные инновации редко приносят своим создателям финансовый успех, а коммерциализируются, как правило, эпигонами. При этом вторичные инновации приносят тем большую прибыль, чем меньше содержательно изменяют исходную продукцию. Следуя этой логике, экономическая целесообразность не только способствует убыванию инновационной активности, но создает режим наибольшего благоприятствования для инноваций «вмененных» — изначально ориентированных не на создание товаров с новыми свойствами, но на имитацию таковых — зачастую исключительно ради спекуляции на рынке производных финансовых инструментов и создания «финансовых пузырей».

В этом контексте именно цифровая экономика, с ее «нефизическим» наполнением, оказывается идеальным инструментом поддержания требуемой плотности инновационного потока — но только за счет инноваций «вмененных», причем таких, которые будут выглядеть вполне респектабельно вплоть до самого момента схлопывания созданного ими финансового пузыря...

Переходя к российским реалиям, не трудно представить себе, сколь велик — если вообще преодолим — окажется соблазн «шумпетерианской ловушки» в первую очередь для отечественного сектора исследований и разработок. Ведь в самом деле, если вы и так уже тридцать лет привыкли выдавать за новые разработки перелицованный задел чуть не полувековой давности, если свой кадровый потенциал обновляете «по остаточному принципу» — потому что талантливую молодежь переманивают за рубеж если не сразу со студенческой скамьи, то вскоре после, в ходе «совместных исследований», — если отчитывается формализованными показателями, за которыми может скрываться все что угодно, вплоть до сгенерированной компьютером бессмыслицы, если, наконец, действительно ценные разработки ваши все равно нигде реализовать из-за тотальной архаизации хозяйственной базы, разве откажетесь вы от возможности перевести свою деятельность «в цифру»? Поддерживая видимость невероятных темпов научно-технического развития с помощью различных «3D-моделей», «интерактивных симуляторов», «цифровыми платформами» и прочих недорогих, но впечатляющих виртуальных декораций?

М. Е. Косов
Россия, г. Москва,
Финансовый университет
при Правительстве РФ,
финансово-экономический факультет,
доцент Департамента общественных финансов,
канд. экон. наук, доцент
kosovme@mail.ru

Программы стимулирования цифровизации современной экономики

Цифровизация мировой экономики вступила в активную фазу. Концепции «Третьей промышленной революции», «Индустрии 4.0» и другие разработки как на государственном, так и на корпоративном уровне достаточно быстро стали инкорпорироваться в государственные программы и стратегии бизнеса. Зазор между теоретическими разработками и их практическим воплощением стремительно уменьшается.

Государственные программы и стратегии развития и стимулирования цифровых технологий и/или цифровизации национальных экономик и промышленных отраслей к настоящему времени разработаны и реализуются в десятках различных стран мира, а также и на межгосударственном уровне. Так, только в странах Евросоюза, по официальным данным Еврокомиссии на март 2017 г., насчитывается более 30 национальных и региональных инициатив по промышленной цифровизации.

На национальном уровне осуществляются следующие программы и инициативы: Австрия — Industrie 4.0 Oesterreich, Бельгия — Made different — Factories of the future, Чехия — Prumysl 4.0, Германия — Industrie 4.0, Дания — Manufacturing Academy of Denmark (MADE), Испания — Industria Conectada 4.0, Франция — Alliance pour l'Industrie du Futur/ Nouvelle France Industrielle, Венгрия — IPAR4.0 National Technology Initiative, Италия — Industria 4.0 и Fabbrica Intelligente, Люксембург — Digital For Industry Luxembourg, Нидерланды — Smart Industry, Словакия — Smart Industry, Португалия — Indústria 4.0, Швеция — Smart Industry.

Одним из пионеров цифровизации и главным идеологом концепции «Индустрии 4.0» является Германия, которая еще в 2011 г. официально представила государственную стратегию под одноименным названием (Industrie 4.0). Помимо общей концепции Industrie4.0 в ФРГ на государственном уровне также разработаны и осуществляются несколько других стратегий и инициатив схожего профиля и направленности, в т.ч. Smart Networking Strategy, на базе которой, в свою очередь, была представлена программа Digital Agenda.

Во Франции в июле 2015 г. был создан «Альянс индустрии будущего» (Alliance pour l'Industrie du Futur), объединяющий различные организации из сферы частного бизнеса, научной среды и ряд государственных институтов и учреждений.

В Великобритании новая цифровая стратегия (UK Digital Strategy 2017) была официально опубликована совсем недавно, 1 марта 2017 г. Амбициозная программа Smart Industry принята правительством Нидерландов.

В Японии основным правительственным документом, определяющим долгосрочные цели и задачи страны в сфере развития ЦТ, является Smart Japan ICT Strategy, официально опубликованная в июне 2014 г.

В КНР в марте 2015 г. была представлена национальная концепция/стратегия «Интернет+» (в английской версии — Internet Plus). В этой интегрированной стратегии обозначены несколько ключевых направлений дальнейшего развития ЦТ в связке с другими отраслями промышленности, сельского хозяйства, финансовой сферой и государственными институтами.

Основным текущим государственным документом в сфере научно-технологической политики Кореи является Третий Базовый План развития науки и технологии, реализуемый с 2013 по 2017 гг. В нем отдельно сформулирована стратегия ускоренного развития так называемых 13 будущих двигателей роста (13 future growth engines), причем практически все эти новые отрасли и секторы относятся к числу «подрывных ЦТ» (умные автомобили, сети 5G, умная робототехника, умные переносные устройства и т.д.). Параллельно реализуется также специальная Manufacturing Innovation 3.0 Strategy, акцент в которой сделан на интернете вещей, технологиях 3D-печати и BigData.

В Соединенных Штатах Америки единой государственной программы развития ЦТ не существует, однако в различные годы совместно с частным бизнесом и научным сообществом были запущены специальные технологические инициативы. В качестве примера можно привести такие, как федеральная инициатива в сфере «облачных» вычислений (в 2009 г.) или инициатива президента Барака Обамы по созданию новой сети институтов/центров передового промышленного производства (AMP — Advanced Manufacturing Partnership, в 2011 г.) с участием ключевых федеральных министерств и крупнейших технологических компаний США. Кроме того, по инициативе ряда ведущих представителей американского частного бизнеса (прежде всего, —GE, AT&T, IBM, Intel и Cisco) в марте 2014 г. был создан специальный Промышленный интернет-консорциум (Industrial Internet Consortium (ИИС)). В качестве

его главной миссии заявлено «ускорение развития, промышленного внедрения и широкого распространения соединенных друг с другом машин, устройств, а также интеллектуальной аналитики, т.е. промышленного интернета вещей».

Россия также стремится не отстать от своих конкурентов. В мае 2017 г. Была утверждена Стратегия развития информационного общества, а в июле того же года — Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Программой определены цели, задачи, направления и сроки реализации основных мер государственной политики по созданию необходимых условий для развития в России цифровой экономики. Для управления программой определены пять базовых и три прикладных направлений развития цифровой экономики в России на период до 2024 г. К базовым направлениям отнесены нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технических заделов, информационная инфраструктура и информационная безопасность. К прикладным — государственное управление, «умный город» и здравоохранение. Согласно Программе, к 2024 г. 97% домашних хозяйств в РФ должны иметь широкополосный доступ к интернету (100 мбит/с), во всех крупных городах (1 млн человек и более) должно быть обеспечено устойчивое покрытие сети 5G и выше, а доля внутреннего сетевого трафика российского сегмента интернета, маршрутизируемая через иностранные серверы, должна составлять 5%. Планируется также, что в России появятся десять предприятий-лидеров в сфере высоких технологий и столько же цифровых платформ для основных отраслей экономики, вузы будут выпускать более 120 тыс. специалистов в сфере IT в год, а доля населения, обладающего цифровыми навыками, составит 40%.

В последнее десятилетие ведущими промышленными странами мира предпринимаются также определенные усилия по выработке «единых цифровых повесток», т.е. поиску совместных эффективных решений и механизмов регулирования процессов цифровизации на межгосударственном уровне. При этом очевидным лидером в этом направлении является Евросоюз, лидеры которого в качестве генеральной долгосрочной задачи определили формирование единого цифрового рынка Европы (digital single market). Впервые о необходимости выработки такой общей стратегии было официально заявлено председателем Европейской комиссии Жаном-Клодом Юнкером в октябре 2015 г.

В 2010 г. странами ЕС в рамках реализации более общей стратегии «Европа 2020» была запущена специальная инициатива «Цифровая Европа» (Digital Europe), основной акцент в которой был сделан на стиму-

лировании роста общеевропейской интернет-экономики. В том же 2010 г. была опубликована так называемая «Цифровая повестка для Европы» (Digital Agenda for Europe), которая предусматривала выработку общих подходов и приоритетов стран-членов ЕС по отношению к дальнейшему развитию цифровых секторов европейской экономики и мер по стимулированию цифровых инноваций. В апреле 2016 г. Европейская комиссия обнародовала новую комплексную инициативу под промежуточным названием «Digitalsing le market — digitising European industry», в которой был сформулирован широкий набор новых инструментов и механизмов поддержки дальнейшей цифровизации европейской промышленности и сектора услуг.

Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) приняла Стратегию развития общего цифрового рынка. В рамках Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП) разработаны специальные межгосударственные соглашения в сфере развития телекоммуникаций и электронной коммерции. Странами АСЕАН в 2015 г. был согласован общий мастер-план по развитию ИКТ.

Ведется подобная работа и на постсоветском пространстве. Решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 28 октября 2016 г. была утверждена Стратегия сотрудничества государств-участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 г. и Плана действий по ее реализации. Это уже второй стратегический документ СНГ по данному направлению, первый был принят в 2012 г. Наконец, в декабре 2016 г. в Санкт-Петербурге главы государств ЕАЭС приняли Заявление о цифровой повестке Евразийского экономического союза, где они выразили стремление обеспечить необходимые условия для формирования «цифровой повестки ЕАЭС».

Подводя итог, стоит отметить, что политики во всем мире весьма серьезно отнеслись к теме воздействия цифровых технологий на экономику и общество. Они рассматривают такое воздействие с двух сторон. С одной стороны, — это — возможность: появляется шанс придать новый импульс экономической жизни большинства развитых стран, уже не один год демонстрирующих весьма вялые темпы роста, и повысить национальную конкурентоспособность. С другой — это вызов устоявшимся моделям ведения бизнеса, социальным отношениям, сферам влияния. В любом случае, правительства большинства стран сочли необходимым принять некие программы действий, предусматривающие координацию действий властей, бизнеса и науки. Возникают также попытки регулировать процессы цифровизации и на межгосударственном уровне.

А. И. Московский

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

доцент кафедры политической экономики,

канд. экон. наук, доцент

amoskovskij@yandex.ru

Какие угрозы безопасности России несет союз наукометрии и бюрократии

Союз наукометрии и бюрократии — феномен едва ли понятный сегодняшнему «научному истеблишменту». Но именно этот союз является определяющей характеристикой современного состояния науки и образования в России. За этим союзом непростая и долгая история, как история собственно науки и бюрократии.

Кажется, что проще всего дело обстоит с бюрократией. Мало тех, кто не слышал Маяковского: — «Я волком бы выгрыз бюрократизм...», что выставляло бюрократизм феноменом не просто отрицательным, но и отвратительным. Если не впадать в крайности оценок, то о нем с давних пор принято говорить как о феномене крайне негативном. Известный еще с древности, бюрократизм подвергается систематическому анализу лишь с конца средних веков и, возможно, только «Левиафан» Т. Гоббса является его первым обстоятельным исследованием, но не как собственно самой бюрократии, а как государства, власти, монархии. Именно с ними, в особенности с государством, и сегодня обычно связывается сам феномен бюрократизма.

Особенностью этого явления оказывается то, что в поисках объективных его оснований говорят о государстве, собственности, управлении, но весьма отстраненно — о человеке, людях, формах организации и образе их жизни. Рассуждения о бюрократии обычно не выходят за пределы этимологии слова, которое означает просто «власть канцелярии». Но бюрократизм, бюрократия стали предметом научного исследования в социологии Макса Вебера (1864—1920), но проблемы бюрократизма не стали для него приоритетной областью анализа, хотя именно он внес стремление рационального ее понимания. Он сделал попытку создать свою «теорию бюрократии» и заметил, что бюрократия связана не только с государством, но также и с развитием и ростом крупных компаний; он попытался посмотреть на этот феномен с точки своей идеи «идеальных типов», которую пытался использовать в разных направлениях, не замечая априоризма самой этой идеи.

«Зло бюрократии» отнюдь не простая, а весьма «многогранная», если применимо здесь такое слово, приличествующее скорее сфере искусства,

штука, вопреки брошенной походя, почти случайно фразе Ханны Арендт о «банальности зла бюрократии», в книге по поводу процесса над Эйхманом в Тель-Авиве в 1961 г. Фраза Х. Арендт о «банальности» бюрократизма сразу же вызвала серьезную критику как у нас, так и за рубежом. Дело в том, что идеи, заявленные людьми, уже хорошо публично известными, порождает специфический «авторитаризм» идей и людей, их создавших. Такой незначительный, самодеятельный — точечный феномен «авторитаризма» может, тем не менее, становиться важным звеном политического, государственного бюрократизма, если соединяется с интересами элиты, политиков, государственных деятелей.

Известный американский экономист Мансур Олсон, хорошо знакомый с очерком о бюрократии Макса Вебера, уже в новое время сокрушался о том, что экономисты, социологи связывают и сейчас феномен бюрократизма исключительно с государственными структурами и подразделениями, тогда как сфера бизнеса заключает в себе значительно более широкую и, можно сказать, более «плодотворную» почву для разнообразных «бюрократизмов» как внутри национальных экономик, так и в транснациональных и межгосударственных структурах. Он пишет, что аналитический подход Коуза — Уильямсона может пролить свет «... на причины роста бюрократических структур бизнеса. Один из факторов, который обусловил как увеличение фирм, так и их бюрократических структур, заключается в разработке технологий, требующих использования больших неделимых единиц капитала, — технологий, которые рентабельно могут использовать только крупные фирмы».

Олсон в данном случае ссылается на авторитет экономистов новой институциональной экономики. Но он имел бы еще более серьезные основания для обоснования причин бюрократизма, ссылаясь на представителей «традиционного институционализма», например на Дж. К. Гэлбрейта и других авторов. В этом направлении интерес к технологическому прогрессу на протяжении более ста лет его существования никогда не угасал. Следует добавить, что представители именно этого направления Г. Минз и А. Берли еще в 1930-е гг. опубликовали книгу «Современная корпорация и частная собственность», ставшую основой процесса, получившего название «менеджерияльная революция», что имеет почти очевидную связь с бюрократизацией.

Что касается наукометрии, то ее смысл заключается просто в использовании математического аппарата для исследования истории науки. Наиболее известными учеными, занимавшимися приложениями математики к изучению развития науки, являются на Западе Дерек Прайс, а в Советском Союзе — Василий Васильевич Налимов. Но то, что они исследовали и изобретали различные количественные коэффициенты, не имеет никакого отношения к актуальной, совершающейся сейчас науке. Передний край науки находится на линии, где познанное отделено

от непознанного. И никто не знает, как к нему подступиться. Поэтому тысячу раз прав академик В. Л. Макаров, говоря, что «открытие — это как прыжок в неизведанное». Поэтому рассматривать наукометрические коэффициенты в качестве показателей эффективности актуальной науки нелепо и глупо.

11 апреля 2018 г. «Независимая газета» опубликовала статью академика Сергея Стишова под звучным названием «Наукометрия и бюрократия нашли друг друга». Вот прямая ссылка на слова автора: «Прошло уже почти пять лет с тех пор, как на Российской академию наук упал “метеорит» (другой образ — РАН накрыло «цунами»). Назовем это так.

В результате каналы связи Президиума РАН и институтов РАН оказались перерезанными. К телу институтов пришили другую голову. Эта голова называется ФАНО — Федеральное агентство научных организаций. Прошли месяцы протестов. Со временем многие ученые вошли в различные комитеты и советы при ФАНО, полагая, что тем самым можно повлиять на выработку тех или иных решений. Но, как и следовало ожидать, этого не случилось. Система, зажатая в тесные рамки бюджетных организаций и руководимая финансистами, по-видимому, не может эволюционировать в либеральном направлении.

«Мы попали в кафкианский мир, когда все находится под следствием и с ужасом ожидают его высшей фазы... Власть должна понять, что своими бездумными реформами она убивает науку в России!» Поэтому сплетение наукометрии с бюрократией — гремучая смесь, динамит для безопасности России.

Раздел 3

ВИДЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. З. Бобылева

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

факультет государственного управления,

заведующая кафедрой финансового менеджмента,

д-р экон. наук, профессор

azbobyleva@yandex.ru

Несовершенство института банкротства как угроза экономике России

Среди современных угроз экономике России можно выделить высокую долю финансово-неблагополучных предприятий. Так, удельный вес убыточных предприятий за все перестроечные годы не опускался ниже 25%, достигая в отдельные годы отметки 40%. Доля просроченной кредиторской задолженности в общей кредиторской задолженности компаний хотя и имеет тренд к понижению, с 2000 г. не опускалась ниже 80%. Удельный вес просроченной задолженности перед банками вырос за этот период на 10 п.п., хотя и остается небольшой (на уровне 16%) благодаря неотвратимости ответственности за нарушение договоров с банками. Показатели так называемых благополучных предприятий также можно отнести к зоне риска: рентабельность товаров в 2017 г. составляла 7,5%, активов предприятий — 5,3%, что ниже докризисных значений 10-летней давности и в условиях более высокой инфляции, по сравнению с развитыми странами, свидетельствует о финансово-экономической неустойчивости российских предприятий.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что для обеспечения экономической безопасности страны целесообразна, с одной стороны, системная государственная поддержка предприятий, с другой — развитие института банкротства, позволяющего избавить экономику от неэффек-

тивных предприятий, снизить негативный мультипликативный эффект от их сохранения в цепочке производителей.

В последние годы достигнуты определенные успехи в формировании современного института банкротства:

- введены процедуры банкротства гражданина;
- уточнены особенности банкротства отдельных категорий юридических лиц (сельскохозяйственных организаций, финансовых организаций, застройщиков, проч.);
- проработаны меры по предупреждению банкротства;
- определены ковенанты для оспаривания сделок должника.

Тем не менее неудовлетворенность современным институтом банкротства ощущают все заинтересованные группы лиц:

- кредиторы, перед которыми должники не выполняют обязательства;
- должники, у которых нет полноценной возможности пройти реабилитационные процедуры и восстановить свой бизнес;
- законодательная власть, на что указывают многочисленные попытки модернизировать действующий Закон о несостоятельности (банкротстве);
- судебная власть, которая часто не имеет четкого руководства к действию в конкретных ситуациях;
- исполнительная власть, выступающая как кредитор по обязательным платежам и не имеющая возможности адекватно администрировать взимание задолженности;
- аналитики, ученые, ведущие мониторинг изменения института банкротства в России и за рубежом и его влияния на происходящие в мире процессы.

Среди сохраняющихся проблем регулирования банкротства в первую очередь следует отметить:

1) несовершенство самих процедур банкротства:

- низкую результативность процедуры наблюдения (невостребованность глубокого финансового анализа, проблемы с выполнением функции «наблюдения за сохранностью имущества должника»);
- ограниченность возможностей применения процедуры финансового оздоровления на основе прописанных в Законе условий;
- невостребованность процедуры внешнего управления из-за низкой заинтересованности в нем сторон;
- низкую транспарентность конкурсного производства и злоупотреблений на этой основе;

2) непрозрачность стимулирования и мотивации арбитражных управляющих, их низкая заинтересованность в увеличении стоимости бизнеса и (или) имущества при продаже и восстановлении предприятий;

3) невозможность применения международных правил в делах, касающихся процедур банкротства с иностранными участниками;

4) выделение групп предприятий, на которые Закон не распространяется или для которых существуют особые условия: госкорпорации, стратегические предприятия.

Действующий Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», принятый в 2002 г., претерпел множество изменений, однако и в настоящее время преобладает концепция внесения новых поправок, а не принятия нового закона. Так, в 2017 г. в Государственную Думу Российской Федерации поступил очередной Проект закона о внесении новых изменений (далее — Законопроект). Его основной новеллой является введение еще одной процедуры банкротства — реструктуризации долгов.

По нашему мнению, добавление процедуры реструктуризации долгов не только нецелесообразно, но и бессмысленно: реструктуризация долгов может входить в любую из реабилитационных процедур — финансовое оздоровление, внешнее управление, мировое соглашение, где эта мера будет использована в системе других мер по восстановлению бизнеса. В первоначальной редакции Законопроекта (2015–2016 гг.) речь шла о процедуре реструктуризации в делах о банкротстве, т.е. процедура реорганизации понималась намного шире, чем реструктуризация долгов. Отторжение также вызывают и ряд других поправок: новое определение антикризисного управляющего, попытка введения ряда необоснованных экономических критериев и барьеров.

На наш взгляд, приоритетными направлениями совершенствования института банкротства, остающимися без внимания законодателей, являются:

- усиление реабилитационных возможностей путем реорганизации текущей, инвестиционной, финансовой деятельности;
- усиление ориентации на результат в системе вознаграждения арбитражных управляющих;
- решение международных споров при трансграничных банкротствах с учетом сложившейся в мире практики, переход от протекционизма к координации усилий;
- отказ от нерыночных методов поддержки госкорпораций и стратегических предприятий, особых условий при банкротстве;
- решение проблемы банкротства групп компаний;
- уход от понимания банкротства как сугубо ликвидационной процедуры, рассмотрение банкротства как возможности возрождения бизнеса. Это — одна из самых сложных и длительно решаемых задач.

О. В. Бойченко

*Россия, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет имени И. В. Вернадского,
институт экономики и управления,
профессор кафедры бизнес-информатики
и математического моделирования,
д-р техн. наук, профессор
bolek61@mail.ru*

Формирование системы экономической безопасности предприятия

Успешное функционирование предприятий в условиях меняющейся среды возможно только при наличии системы экономической безопасности (СЭБ), задачами которой является прогнозирование значимых событий, реагирование и предупреждение угроз.

Следует подчеркнуть, что обеспечение стабильной работы предприятия возможно за счет создания системы комплексной защиты, являющейся самостоятельной, обособленной от других систем предприятия. Однако такая обособленность является относительной, поскольку СЭБ является сложным элементом управления предприятия.

Экономическая безопасность предприятия определяется как состояние хозяйствующего субъекта, когда ресурсы используются наиболее эффективно для обеспечения его устойчивого функционирования. Подобный подход предусматривает создание СЭБ предприятия в совокупности взаимосвязанных элементов, направленной на противодействие угрозам с целью защиты экономических интересов и обеспечения безопасных условий для развития предприятия.

Основой формирования СЭБ является проведение оценки уровня экономической безопасности с использованием дерева индикаторов. При этом составляющие дерева индикаторов формируются на основе постоянных связей и не отличаются какими-либо преимуществами. Такая структура дерева индикаторов может быть представлена картой с многочисленными точками-входами. Следует учесть, что ввиду многовекторности измерения экономической безопасности, индикаторы уровня угроз определяются каждым предприятием на основе прогноза потенциальных рисков, а также вероятности возможного ущерба.

Дерево индикаторов, система фильтров и критические зоны (нормальная, предкризисная, кризисная) для каждого индикатора связаны с деревом решений, которое содержит сценарии развития событий и возможные контрмеры со стороны предприятия (каждый вариант решения предполагает конкретных исполнителей для принятия решения и его выполнения).

Такой подход с использованием дерева индикаторов обеспечивает значительное повышение эффективности управления вследствие корректности отражения в модели самого объекта безопасности, поскольку показатели в дереве приводятся по направлениям деятельности предприятия, основным ресурсам или основным рискам.

Кроме того, использование дерева решений и исполнителей по принципу адаптивных систем позволит сформировать стратегию функционирования СЭБ, что обеспечит проведение оценки возможных ситуаций на основе обработки текущей информации, компенсирующей недостаток априорных данных и принятия эффективного управленческого решения в условиях риска.

Решение проблемы оперативного обновления информации в предложенной модели экономической безопасности наиболее возможно за счет строгого распределения функциональных обязанностей ответственных лиц в подразделениях предприятия. При этом введение оперативной информации должно производиться с логически оправданной периодичностью, так, чтобы частота введения данных определялась отдельно для каждого подразделения.

Функционирование адаптивной СЭБ происходит на основе детализации сложной задачи путем выделения процессов на уровне центров ответственности, для которых решаются оптимизационные задачи. При получении решений детализации решается оптимизационная задача в совокупности по конкретному уровню экономической безопасности. При этом полученные результаты используются для решения общей оптимизационной задачи на уровне экономической безопасности предприятия.

В целом система формируется по приведенному алгоритму, но с учетом индивидуальности каждого предприятия, с определением конкретных исполнителей на каждом уровне управления.

Проведение процедуры оценки в системе таких объектов безопасности, как имидж предприятия, основано на использовании метода экспертных оценок, позволяющего перевести качественные показатели в количественные. При этом предприятие полномочно в определении экспертов по каждой составляющей дерева индикаторов, а также содержания опросников (Check lists) и периодичности анализа.

Точкой принятия решения в разработанной системе является достижение показателем финансовой устойчивости кризисного уровня. Однако в алгоритме может быть предусмотрен мониторинг не только обобщающего показателя, но и отслеживание уровня каждого из составляющих показателей, соответственно, при этом точка принятия решения будет раньше.

Анализу подвергаются не только фактические показатели деятельности предприятия, но и прогнозные значения отдельных факторов, также производится мониторинг вероятных изменений законодательства, технологического оборудования, что дает возможность предупредить возможные угрозы и позволит системе своевременно адаптироваться.

Динамичность полученной системы обеспечит постоянный анализ индикаторов экономической безопасности, определение критических зон, а также мониторинг состояния экономической безопасности как в целом, так и по отдельным направлениям. Опция оперативного выбора оптимального решения обеспечивает гибкость системы в меняющихся условиях.

Таким образом, разработанная СЭБ предприятия позволит оперативно принимать управленческие решения и своевременно реагировать на изменение обстановки.

Это обеспечит высокую эффективность использования системы в условиях недостатка временных и материальных ресурсов для получения дополнительной информации.

С. В. Кадомцева

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

профессор кафедры политической экономики,

д-р экон. наук, профессор skadomtseva@mail.ru

Налоговый суверенитет и национальная безопасность

Экономическая безопасность является важной составляющей национальной безопасности, позволяет обеспечивать постоянное обновление и совершенствование национальной экономики, способствует ее устойчивости и стабильности, ее развитию практически независимо от наличия и действия внешних факторов. В условиях глобализации, формирования региональных экономических союзов, создающих единое экономическое пространство для передвижения товаров, капитала и рабочей силы на общей территории, встает вопрос о границах всех составляющих экономического суверенитета государств, и, в частности, о налоговом суверенитете. Налоговые системы, являясь составляющими национальных правовых систем, должны соответствовать целям национальных конституций. Если соблюдаются существующие условия национальных конституций, цели международных экономических

объединений совпадают с национальными целями, участие добровольно, то присоединение к таким объединениям не будет уменьшать фактический суверенитет государства.

Сбалансированный государственный бюджет является важным условием государственного суверенитета, поэтому объем и структура налоговых поступлений гарантируют социально-экономическое развитие страны. Страны-участницы экономических объединений должны найти решения для гармонизации налоговых систем, которые бы позволили, с одной стороны, формировать единые ставки для налогообложения участников экономической деятельности в рамках единого экономического пространства, что снизило бы внутреннюю конкуренцию. С другой стороны, унификация налоговых ставок должна осуществляться с учетом роли отдельных налогов в формировании доходной части бюджетов национальных государств, их влияния на наполняемость государственных бюджетов для выполнения социальных обязательств.

Хотя в составе СССР новые независимые государства имели единую налоговую систему, к моменту возникновения ЕАЭС различия налогового законодательства между странами-членами были существенными. Надгосударственные органы ЕАЭС постоянно предпринимают усилия по устранению препятствий для движения товаров, капитала и рабочей силы в границах объединенного экономического пространства Союза, выработке единого подхода к налогообложению резидентов и нерезидентов из стран-членов, гармонизации таможенной политики стран-членов по отношению к третьим странам. В настоящее время достигнуты определенные успехи по совместному регулированию косвенных налогов и тарифов, в то время как прямые налоги различаются более существенно.

Цифровизация экономики создает новые условия для движения товаров, капитала и рабочей силы и повышения прозрачности в тарифном регулировании торговли на территории ЕАЭС. Получаемые доходы от международной торговли позволяют формировать наднациональный бюджет, проводить единую инновационную политику в реальном секторе, повышать конкурентоспособность товаров, производимых странами-членами ЕАЭС, укреплять экономическое сотрудничество в рамках Большой Евразии.

Принятые основные направления развития цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. президентами стран Союза на заседании Высшего Евразийского совета в Сочи, проходившем в октябре 2017 г., позволят использовать новые технологии для осуществления налоговой гармонизации с учетом налогового суверенитета стран.

А. А. Кайгородцев
 Россия, г. Ярославль,
 Московский финансово-
 юридический университет,
 доцент Ярославского филиала,
 д-р экон. наук, действительный член
 Российской академии естествознания
 kay-alex@mail.ru

Инвестиционный климат как фактор экономической безопасности России

Условия в стране, влияющие на приток иностранного капитала, складываются из широкого комплекса факторов, объединяемых общим понятием «инвестиционный климат».

О состоянии инвестиционного климата в той или иной стране можно сделать вывод на основе составленного Всемирным банком рейтинга легкости ведения бизнеса (Doing Business), а также доклада Всемирного экономического форума о Рейтинге глобальной конкурентоспособности.

Таблица 1

Позиции России в рейтинге Doing Business 2017

Показатели	Место России
Рейтинг «Легкость ведения бизнеса»	35
Регистрация предприятий	28
Получение разрешений на строительство	115
Подключение к системе электроснабжения	10
Регистрация собственности	12
Получение кредитов	29
Защита миноритарных инвесторов	51
Налогообложение	52
Международная торговля	100
Обеспечение исполнения контрактов	18
Разрешение неплатежеспособности	54
Примечание: —составлено по данным Всемирного банка.	

Как видно из таблицы, в 2018 г. Россия заняла в рейтинге Doing Business 35 место из 190 стран мира. При этом РФ получила достаточно высокие оценки по таким позициям, как «подключение к системе электро-

снабжения», «регистрация собственности» и «обеспечение исполнения контрактов». В то же время по критерию «легкость международной торговли» Россия заняла 100 место, а за «легкость получения разрешений на строительство» — 115 место.

К отрицательным характеристикам российской инвестиционной системы можно добавить несовершенство законодательства, регулирующего инвестиционную деятельность, высокий уровень коррупции, недоверие к судебной системе страны.

В разработанном аналитической группой Всемирного экономического форума Рейтинге глобальной конкурентоспособности за 2017–2018 гг. Россия улучшила свои позиции, поднявшись с 43 на 38 место из 137 стран мира. Согласно данному рейтингу, к сильным сторонам российской экономики можно отнести: размер рынка (6 место), развитие высшего образования (32 место), развитие инфраструктуры (35 место).

Перспективы повышения конкурентоспособности и, как следствие, инвестиционной привлекательности у России связаны с улучшением инновационного потенциала (49 место), совершенствованием технологического развития (57 место), а также с развитием макроэкономической среды (53 место) и рынка труда (60 место).

В то же время Россия не может воспользоваться своими конкурентными преимуществами из-за сложности ведения бизнеса (71 место), недостаточной эффективности товарного рынка (80 место), низкой эффективности работы государственных учреждений (83 место), неразвитости финансового рынка (107 место).

В рейтинге Doing Business Россия занимает 52 место в мире по критерию «налогообложение». Российская налоговая система изымает у товаропроизводителей высокую долю учтенного дохода. Это является серьезным барьером для развития общественного производства, поскольку «вымывание» из реального сектора экономики значительной денежной массы не только уменьшает инвестиционные возможности хозяйствующих субъектов, но и лишает их оборотных средств, что приводит к неплатежам.

Сложившаяся ситуация противоречит идеологии господствующей в российской экономике монетаристской модели не регулируемого государством рынка, основанного почти исключительно на частной собственности, которая предполагает:

- минимальный уровень налогов, поскольку предусматривает замену государственных инвестиций частными и перевод большей части социальной сферы с бюджетного финансирования на коммерческий расчет;
- минимизацию участия государства в экономике, сведение его роли к регулированию на основе использования экономических и административных рычагов основных инвестиционных потоков;

- перераспределение рынком свободных денежных ресурсов и максимизацию на этой основе доходов частных инвесторов.

В действительности же государство изымает из реального сектора в пользу бюджетов всех уровней больше, чем в период тотального огосударствления экономики. Уровень налоговой нагрузки на предпринимателей в России является одним из самых высоких в мире. При этом инвестиционная активность государства значительно сократилась.

Так, если в 2000 г. доля государственных и муниципальных инвестиций в общем их объеме составляла 28,4%, а на долю частного бизнеса приходилось 29,9%, то в 2010 г. доля государственных инвестиций уменьшилась до 21,6% при увеличении доли частных инвестиций до 57%. В 2016 г. доля государственных инвестиций составляла 19,1%, частных — 56,3%.

Решение перечисленных проблем российской налоговой системы возможно на основе рационального сочетания прямых и опосредованных инвестиций в сферу материального производства. *Прямое инвестирование* возможно либо путем создания находящихся в государственной собственности новых производств, либо на основе выкупа находящихся в частной собственности действующих предприятий. *Опосредованные инвестиции* могут осуществляться как в форме снижения налоговых платежей с сумм, направляемых частными предпринимателями на реализацию инвестиционных проектов, так и путем расширения перечня не облагаемых налогами затрат.

Уменьшая налоговую нагрузку на предпринимателей, не следует перекладывать налоговое бремя на население, поскольку это приведет к уменьшению платежеспособного спроса конечных потребителей, в связи с чем у товаропроизводителей не будет стимула увеличивать предложение. Следовательно, для создания условий для экономического роста в стране необходимо снижать налоговый пресс и на предпринимателей, и на население.

Вместе с тем в 2018 г. Государственная дума одобрила инициированное правительством повышение ставки НДС с 18 до 20%. Таким образом, руководство страны усугубило недостатки налоговой системы, препятствующие экономическому росту.

Улучшение инвестиционного климата сдерживается также в результате реализации Банком России курса на поддержание недооцененного рубля, который приносит лишь временные, тактические результаты. В условиях недостаточно высокого инвестиционного рейтинга страны, отсутствия у юридических и физических лиц стимулов для долгосрочных накоплений подобная политика Центрального банка не может оказать существенного влияния на уровень инвестиционной активности экономических агентов.

Низкий курс национальной валюты обуславливает:

- замедление структурных изменений в экономике страны;
- воспроизводство устаревших технологий, машин и оборудования;

- замедление темпов экономического роста;
- увеличение чувствительности национальной экономики к колебаниям конъюнктуры мирового рынка.

Совокупность указанных факторов снижает инвестиционную привлекательность страны.

А. В. Кузнецов
Россия, г. Москва,
Финансовый университет
при Правительстве РФ,
факультет международных
экономических отношений,
профессор Департамента мировой
экономики и мировых финансов,
д-р экон. наук, старший научный сотрудник
kuznetsov0572@mail.ru

Международная финансовая безопасность России

Современная мировая валютно-финансовая система функционирует в рамках центр-периферийной модели мирового рынка капиталов. По каналам международного резервирования сбережения периферии (развивающиеся рынки, а это 4/5 всех стран мира, включая Россию) направляются в мировой финансовый центр (расположенный в Нью-Йорке, Лондоне и офшорных юрисдикциях), где эти сбережения трансформируются в финансовый капитал и возвращаются на периферию либо в виде займов (кредиты, облигации), либо через покупку развитыми странами корпоративных акций периферии (обеспечивающих более высокий уровень доходности).

Архитектура мировой валютно-финансовой системы представлена в постбреттонвудском формате, который институционально (формально) ориентирован на МВФ и другие межправительственные организации системы ООН.

Однако «правила игры» непосредственно на глобальном рынке определяются *неформальными институтами*, неподконтрольными правительствам суверенных государств. В отличие от международных межправительственных организаций все эти институты являются частными, а доступ к участию в них ограничен для большинства стран мира. Это так называемые *институциональные монополии*, определяющие правила и стандарты, при помощи которых в системе международного разделения труда фактически устанавливаются и поддерживаются условия для неравного обмена. К наиболее значимым институциональным монополиям возможно отнести: «долларовый стандарт», биржевое ценообразование на рынках глобальных ресурсов, рынок ФОРЕКС, кредитные рейтинговые агентства,

англо-американское право, глобальный корпоративный и глобальный кибернетический контроль.

Позиция России в сложившейся мировой финансовой системе имеет двоякий характер. С одной стороны, среди развивающихся рынков Россия, наряду с Китаем, выступает крупнейшим поставщиком (донором) офшорных капиталов. С другой стороны, Россия практически не участвует в процессе получения и перераспределения прибылей в рамках центр-периферийной модели мирового рынка капиталов.

Реформа международной валютно-финансовой системы, прошедшая в период 2008–2015 гг. под эгидой Группы 20, не привела к существенному изменению баланса сил в мировой экономике, по крайней мере, институционально. В результате реформы страны БРИКС так и не получили блокирующий пакет голосов в Бреттон-Вудских институтах (устроенных по принципу акционерных обществ). А самому МВФ так и не был выдан мандат на контроль и регулирование международным движением капиталов.

Вместе с тем в контексте «косметических» реформ панамериканских институтов, безусловно, важным представляется создание паназиатских финансовых институтов под эгидой Китая. Однако в данной связи возникают две проблемы. Во-первых, эти институты продолжают зависеть от доллара как основной валюты проведения транзакций. Во-вторых, конкуренция этих институтов с действующими Бреттон-Вудскими институтами без внесения принципиальных изменений в функционирование центр-периферийной модели мирового рынка капиталов означает лишь дальнейшую консервацию статус-кво.

Выход из сложившейся ситуации видится в создании альтернативной финансовой системы в рамках так называемого *Евразийского финансового кластера*, основанного на двухконтурной системе денежного обращения. Двухконтурность этой системы предполагает, что *национальные денежные единицы* обслуживают производство и потребление на внутренних национальных рынках, в то время как торговля между странами обслуживается в рамках *коллективно созданных условных расчетных денежных единиц*.

Таким образом, эта система позволяет отделить внешнюю стоимость денег (валютный курс) от их внутренней стоимости (покупательной способности) с целью разрешения проблем инфляции, занятости, обеспечения реального сектора экономики финансовыми ресурсами и равномерного распределения доходов.

Введение условных денежных единиц позволяет решать также проблему международной ликвидности без необходимости выведения денег из национального хозяйственного оборота в сферу непроектируемого международного резервирования.

С одной стороны, эта система позволяет сохранить национальные валюты как главный атрибут государственного финансового суверенитета. С другой стороны, она не допускает дискриминации страной — эмитентом резервной валюты других стран.

При этом весь доход от эмиссии условных расчетных единиц автоматически переводится в инвестиционную сферу через специализированные финансовые институты для создания инфраструктурных объектов Евразийского экономического пространства.

Важным аспектом данной модели является то, что финансовые рынки возвращаются к своей первоочередной функции, т.е. к обслуживанию производства, и не выступают более площадкой спекулятивной активности и очагом кризисных явлений в экономике.

Какие выводы можно сделать из всего вышесказанного?

Во-первых, мировая валютно-финансовая система, несмотря на ее реформу, продолжает оставаться нерегулируемой на наднациональном уровне.

Во-вторых, процессы финансовой глобализации встраивают региональные экономические центры (БРИКС) в матрицу неформальных институтов (институциональных монополий), утверждающих в системе международного разделения труда условия для неравного обмена.

В-третьих, для обеспечения экономического и финансового суверенитета России и других стран Евразии необходимо создание собственных финансовых институтов (или изменение принципов функционирования действующих — НБР, АБИИ и т.д.). Эти институты в первую очередь должны представлять альтернативу, а не конкуренцию Бреттон-Вудским финансовым институтам (и региональным банкам развития). Такой альтернативой мог бы стать Евразийский финансовый кластер, включающий в себя действующие евразийские международные финансовые институты и основанный на двухконтурной системе денежного обращения.

И. Н. Молчанов

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

профессор кафедры политической экономики;

Финансовый университет

при Правительстве РФ,

профессор Департамента общественных финансов,

д-р экон. наук, профессор

inmolchanov@fa.ru

Информационная безопасность в условиях цифровой экономики (на примере финансов домашних хозяйств)

Домашнее хозяйство представляет собой совокупность лиц, проживающих в одном жилом помещении или его части, как связанных, так и не связанных родством, совместно обеспечивающих себя всем необходимым для жизни, полностью или частично объединяя и расходуя

свои средства. Домашнее хозяйство является основной единицей анализа во многих социальных, микроэкономических и правительственных моделях и имеет важное значение для экономики. Модели домохозяйства включают в себя семью, разновидности смешанных (сводных) семей (blended families). Домохозяйство может состоять из одного человека, живущего самостоятельно. Для проживания домохозяйств предназначены различные виды жилых помещений: совместное жилье (share housing), групповые дома (group homes), пансионаты, дома многоквартирного проживания (houses in multiple occupation — UK) и однокомнатные номера (single room occupancy — USA). В феодальных обществах королевское домохозяйство и средневековые домохозяйства богачей включали также слуг и другой обслуживающий персонал.

Проблемы экономики домохозяйств включают такие разделы: 1) потребление и экономия; 2) предложение рабочей силы и распределение времени на производство и досуг домашних хозяйств; 3) рождаемость и родительские инвестиции в благосостояние детей; 4) спрос на здоровье (часть экономики здравоохранения); 5) межпоколенческие отношения, в том числе вопросы наследования (завещание) и уход за пожилыми родственниками; 6) образование домохозяйств путем совместного проживания, брака или самостоятельной жизни, включая изучение межсексуального отбора (mate selection); 7) развод и разделение имущества; 8) связанные с браком трансфертные платежи, такие как приданое невесты, алименты и поддержка детей; 9) финансовые отношения между партнерами и супругами; 10) борьба с нищетой и предложение рабочей силы в семьях с низким доходом; 11) внутривозрастное распределение рисков, вытеснение домашнего страхования с помощью государственных страховых полисов; 12) макроэкономические приложения, включая исследования, связанные с экономическим развитием.

Экономическая безопасность (и ее составная часть — финансовая безопасность) как условие наличия стабильного дохода или других ресурсов для поддержания уровня жизни сейчас и в обозримом будущем включает:

- вероятность продолжающейся платежеспособности;
- предсказуемость будущего денежного потока в виде физического (человека) или юридического лица — хозяйствующего субъекта (страны, организации);
- обеспечение занятости (самозанятости).

Финансовая безопасность чаще всего относится к управлению финансовыми ресурсами (доходами, поступлениями, накоплениями) персонала организаций и семей (их деньгами и сбережениями). Экономическая безопасность рассматривается, как правило, более широко и включает вопросы, связанные с эффективностью производства, уровнем развития общества и денежной поддержкой неработающих граждан. Уровень экономической безопасности определяется состоянием информационной

системы как организованной по определенным правилам системы сбора, хранения и передачи информации.

В общем виде информационная безопасность представляет собой процесс обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности информации. Информационная безопасность — это практика предотвращения несанкционированного доступа, использования, раскрытия, искажения, изменения, исследования, записи или уничтожения информации. Это универсальное понятие применяется вне зависимости от формы, которую могут принимать данные. Характерными чертами информационной безопасности являются конфиденциальность (обеспечение доступа к информации только авторизованным пользователям); целостность (обеспечение достоверности и полноты информации и методов ее обработки); доступность (состояние информации и ее носителей, при котором обеспечивается беспрепятственное и своевременное получение пользователями предназначенной для них информации).

Информационное обеспечение — это комплекс методов и средств по размещению и формам представления информации, включающий совокупность показателей, классификаторов, систем документации, файлов и персонал, преобразующий информацию. Цель информационного обеспечения финансового управления — предоставление информации, необходимой для принятия управленческих решений.

Безналичное общество (Cashless society) описывает экономическое состояние, в котором финансовые операции проводятся не с деньгами (в виде физических банкнот или монет), а посредством передачи цифровой информации (как правило, это электронное представление денег) между участниками сделки. Безналичное общество существовало со времени появления человеческого общества и основывалось на бартере и других средствах обмена. В наши дни стали возможны и приобрели широкое распространение безналичные транзакции с использованием цифровых валют — таких, например, как биткоин. Варианты классификаций — криптовалюта, виртуальная валюта, цифровая валюта, электронная наличность.

Можно сфокусироваться на понятии «безналичное общество» в смысле движения к обществу, в котором денежные средства заменяются их цифровым эквивалентом, и обсудить возможные последствия безналичных транзакций. Например, существует законный объект (предмет) тендера (Legal tender) — деньги, — и они обмениваются только в электронной цифровой форме. Такая концепция широко обсуждается, особенно потому, что в мире происходит быстрое и все более широкое использование цифровых методов регистрации, управления и обмена деньгами в торговле, инвестициях и повседневной жизни во многих частях мира. Это относится и к транзакциям, которые исторически предпринимались с использованием наличных денег, а в настоящее время осуществляются преимущественно в электронном виде. В некоторых

странах теперь установлены лимиты на транзакции и транзакционные значения, для которых могут быть юридически применимы неэлектронные платежи.

Тенденция к использованию неденежных операций и расчетов начала применяться хозяйствующими субъектами в 1990-х гг., когда электронное банковское обслуживание стало популярным. К 2010 г. цифровые методы оплаты получили широкое распространение во многих странах мира. В числе участников были такие посредники, как PayPal, системы цифрового кошелька, которыми управляют такие компании, как Apple, бесконтактные и NFC-платежи с помощью электронной карты или смартфона, электронные счета и банковские услуги.

Преимущества безналичного общества:

1. Эффективность и удобство: переход на цифровую систему помогает сократить количество наличных денег или убедиться, что наличных денег достаточно для оплаты в тех местах, где разрешен только денежный платеж. Цифровая платежная система позволяет существенно ускорить процесс финансовых транзакций и повысить эффективность транзакции.

2. Повышенная прозрачность: поскольку денежные операции производятся в электронном виде, это повышает прозрачность сделок при регистрации финансовых транзакций. Безналичная система оказывает помощь широкому кругу учреждений, в том числе государственным органам.

3. Реальные данные, собранные по расходам граждан вместо того, чтобы проводить дорогостоящие периодические обследования и выборку реальных транзакций, могут помочь в разработке и реализации правил проведения финансовых операций, которые базируются на фактических данных, а их формулы выводятся из практики. Фиксированные финансовые операции позволяют ответственным органам (например, правительству) лучше контролировать движение денег посредством финансовых отчетов, отслеживать «черные деньги» («теневые» платежи) и незаконные сделки, совершаемые в стране.

4. Безналичные платежи позволяют обезопасить бизнес от получения поддельных денег и вывести незаконные наличные деньги из оборота. Существенно уменьшаются также риски хранения денежных средств, поскольку платежи производятся в цифровом виде.

5. Легкое отслеживание: при осуществлении цифровых платежей транзакции хранятся в отчетах. Безналичные платежи облегчают отслеживание расходов и фиксируют движение денег. Регистрация транзакций помогает гражданам лучше сформировать бюджет домохозяйства и использовать его средства более эффективно.

Опасности безналичного общества:

1. Проблема конфиденциальности: в оцифрованной экономике любой платеж легко прослеживается. Такие транзакции позволяют хозяйствующим субъектам создавать личные профили потребителей

на основе сложившихся схем расходов. Проблема интеллектуального анализа данных также возникает, когда страны направляются в безналичное общество. Безналичные транзакции оставляют записи в базах данных компаний по мере внесения платежей, и эта информация становится способом предсказания будущих событий. Благодаря большому количеству записей интеллектуальный анализ данных позволяет организациям компилировать профили пользователей в соответствующих информационных системах.

2. Исключение некоторых категорий домохозяйств: внедрение безналичной системы исключает участие определенных групп населения (например, имеющих доходы ниже прожиточного минимума — бедные или малоимущие, лица старших возрастов и др.). Граждане, которые не обладают полномочиями или знаниями в области цифровых транзакций, не имеют доступа к безналичному обществу. Чтобы иметь возможность осуществлять транзакцию с использованием электронного платежа, пользователь должен иметь банковский счет с необходимыми денежными средствами.

3. Нарушение / взлом системы: когда платежные операции хранятся на серверах, это увеличивает риски несанкционированных правонарушений и противозаконных действий хакеров. Финансовые кибератаки и цифровая преступность также создают определенные риски при безналичном расходовании средств.

Н. Н. Никулин

Россия, г. Москва,

Национальный исследовательский

технологический университет «МИСиС»,

институт экономики и управления

промышленными предприятиями,

профессор кафедры экономики,

д-р экон. наук, профессор

nnnikulin@yandex.ru

Технологическая безопасность России в условиях экономической глобализации

Технологическая безопасность является составной частью экономической безопасности, которая, в свою очередь, входит в структуру национальной безопасности страны.

В последние годы было принято несколько основополагающих документов, определяющих политику государства в сфере безопасности в целом и в области технологической безопасности в частности: межведомствен-

ная программа по содействию развитию новых перспективных рынков на базе высокотехнологичных решений «Национальная технологическая инициатива» (18 апреля 2016 г.), «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» (1 декабря 2016 г.), «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» (13 мая 2017 г.).

При этом отмечается отставание России в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий, слабая вовлеченность в мировые «цепочки» создания добавленной стоимости, а целью государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности ставится — «поддержание научно-технического потенциала развития экономики на мировом уровне», «обеспечение независимости и конкурентоспособности страны», понимая под независимостью — «достижение самостоятельности в критически важных сферах жизнеобеспечения», а под конкурентоспособностью — «формирование явных по отношению к другим государствам преимуществ в научно-технологической области».

Как отметил Д. А. Медведев на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России 24 апреля 2018 г., «стратегическая задача — сделать нашу страну одним из глобальных технологических лидеров, который будет определять новые тренды через 10–15 лет, станет одним из выгодоприобретателей научного прогресса».

К основным экономическим проблемам, которые требуют решения, относятся:

- повышение уровня и качества жизни на основе устойчивого роста экономики, т.е. рост реального ВВП на одного человека, исчисленный в долларах по рыночному курсу (если экономика остается открытой);
- изменение структуры экономики, повышение в ВВП доли отраслей с высокой добавленной стоимостью, уменьшение доли сырьевого сектора и развитие высокотехнологичных отраслей;
- повышение доли ВВП РФ в мировой экономике (доли в мировом ВВП, исчисленном в долларах).

Это предполагает:

- наличие конкурентоспособного национального капитала во всех его формах (денежной, производительной, товарной);
- включенность в международное разделение труда производством товаров с высокой долей добавленной стоимости;
- достижение темпов экономического роста выше среднемировых.

Современная экономика страны — это обязательно часть мировой экономики, т.е. экономика, включенная в международное разделение труда. В противном случае — это не экономическая, а хозяйственная система страны.

Как известно, капитал — это самовозрастающая стоимость.

Капитал существует в различных формах: денежной, производительной, товарной. Чтобы деньги приняли форму денежного капитала в определенной сфере производства, должна быть необходимая их определенная величина. Например, для создания завода по производству микросхем по нанотехнологической технологии фирма Samsung в 2018 г. затратит 6 трлн вон (5,54 млрд долл. по курсу на 23 марта 2018 г.).

Кроме того, для начала осуществления процесса капиталистического воспроизводства необходимо, чтобы денежный капитал принял форму производительного капитала, т.е. соединения средств производства с рабочей силой. Фирма Samsung для своего завода приобретает 10 специальных станков в Нидерландах, каждый стоимостью 150 млрд вон (138,4 млн долл.). При этом предполагается, что фирма располагает необходимыми профессиональными кадрами для работы на данном заводе.

Отсутствие данных условий (необходимой величины денежных средств, оборудования и технологий, а также необходимого количества и качества рабочей силы) не позволит организовать процесс производства в той или иной отрасли экономики.

Кроме того, чтобы результатом процесса производства стал товар и капитал принял товарную форму, необходимо, чтобы произведенная продукция была реализована на рынке, т.е. обменена на деньги (доллары). Только в этом случае выяснится величина произведенной товарной ценности и получен ответ, произошло ли самовозрастание начального капитала. Может случиться так, что результатом станет отрицательная добавленная стоимость.

Также следует отметить, что для функционирования капиталистического производства в стране должна быть соответствующая институциональная среда, способствующая реализации экономических отношений.

Конечно, процесс воспроизводства предполагает непрерывную смену форм капитала при одновременном нахождении во всех формах. Однако первоначальное накопление необходимой суммы денег является основой начала капиталистического производства.

Однако следует отметить, что в России возможности для формирования конкурентоспособного производства в высокотехнологических отраслях промышленности весьма ограничены.

В апреле 2006 г. по инициативе Всемирного банка была создана специальная «Комиссия по вопросам роста и развития» (The Commission on Growth and Development), задачей которой было выявление условий и факторов, способствовавших значительному экономическому росту отдельных стран во второй половине XX века. В мае 2008 г. Комиссия представила отчет «Доклад о росте. Стратегии для устойчивого роста и инклюзивного развития» («The Growth Report: Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development»). И одним из основных факторов

ускоренного роста было названо создание благоприятных условий для накопления капитала и инвестиций в данных странах.

При накоплении капитала за счет внутренних источников с неизбежностью возникает проблема соотношения текущих и будущих экономических интересов поколений.

Опыт подобной экономической политики в США и обоснование ее необходимости для Германии подробно исследовал немецкий экономист Фридрих Лист. «Нация... должна жертвовать выгодами в настоящем, чтобы обеспечить себе выгоды в будущем». При этом, по его мнению, «единство нации является основным условием прочного национального благосостояния, и там, где целый ряд поколений преследовал одну и ту же цель, нации достигли гармонического развития всех производительных сил».

Однако возможности России в этом плане ограничены. Так, среднегодовая доля валовых накоплений в ВВП (%) за период 2000–2017 гг. в ВВП РФ значительно ниже, чем в Китае и Индии и даже в экономически более развитых странах: Китай — 41,2; Индия — 30,8; Япония — 24,0; США — 20,7; РФ — 20,2; мир — 22,2. Как отмечается в докладе Д. Р. Белоусова (ИНП РАН, май 2018 г.), «высокие темпы экономического роста могут быть достигнуты лишь при условии сохранения высокой нормы сбережения (27–29% ВВП)». При этом данная или еще более высокая норма (см. Китай) должна поддерживаться, на наш взгляд, многие годы.

Кроме того, даже не учитывая действие экономических санкций Запада на поставку высокотехнологичного оборудования, можно говорить о внутренней предопределенности сохранения значительного сырьевого сектора, объективно отвлекающего в свою пользу значительные инвестиционные ресурсы. Об этом свидетельствует динамика основного капитала в последние годы. Так, если в 2004 г. капитал в добывающей отрасли РФ составлял 7,5%, а в обрабатывающей — 9,2% совокупного основного капитала, то в 2017 г., соответственно, 11,1 и 10,1%.

В открытой экономике большое значение имеет привлечение в страну ПИИ. В то же время для РФ без развития отраслей ТЭК сделать это весьма затруднительно.

Приток в страну ПИИ невозможен без создания условий вывоза собственниками капитала получаемой прибыли в валюте. Так, за период 2000–2017 гг. величина оттока доходов от иностранных инвестиций, вложенных в РФ, составила 1041 033 млн долл.

Однако основным источником валюты в стране является валютная выручка отраслей ТЭК. В этом случае более широкое привлечение ПИИ в страну потребует и большего количества валюты, а значит, и дальнейшего развития ТЭК. Возникает парадоксальная ситуация: возможности развития высокотехнологичных отраслей на базе использования опыта и капитала технологически более развитых стран требует развития отраслей ТЭК. Растут цены на нефть, растут и иностранные инвестиции в Россию:

2013 г. — 69,2 млрд долл., 2014 г. — 22,0 млрд долл., 2015 г. — 6,9 млрд долл., 2016 г. — 32,5 млрд долл., 2017 — 27,9 млрд долл. При этом заметим, что за период 2000–2017 гг. чистый приток капитала в Китай составил 1812,1 млрд долл., в США — 648,6 млрд долл., а в РФ — 59,3 млрд долл.

Также для реализации программы «Национальная технологическая инициатива» необходимо приобретение за рубежом современного оборудования, для чего также требуется валюта и, соответственно, выделение значительных средств на развитие ТЭК.

Таким образом, решение проблемы технологической безопасности России требует создания условий для значительного повышения величины основного капитала в обрабатывающих отраслях промышленности, привлечения иностранных ПИИ и уменьшения оттока национальных ПИИ. При этом должны значительно повыситься доля сбережения и доля накопления основного капитала в объеме ВВП.

Только в этом случае в будущем возможен устойчивый рост конкурентоспособной экономики, совершенствование ее структуры, достижение технологической безопасности страны и повышение жизненного уровня народа России.

И. М. Теняков

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

доцент кафедры политической экономики,

д-р экон. наук, доцент

itenyakov@mail.ru

Качество экономического роста в России в аспекте национальной безопасности

Качество экономического роста — это интегральная характеристика факторов и результатов экономического роста, раскрываемая по ряду параметров: структура роста (соотношение между потреблением и накоплением, внутренним и внешним спросом и т.д.), ресурсоемкость, социальная результативность (показатели динамики доходов населения, неравенства, качества жизни). Все эти параметры могут рассматриваться с позиций национальной экономической безопасности как требования (ограничения), предъявляемые к экономическому росту. Соответственно, экономический рост, отвечающий предъявляемым требованиям, характеризуется как *безопасный экономический рост*.

В настоящее время одной из угроз экономической безопасности России являются сами по себе низкие темпы роста, что в перспективе приведет к ослаблению конкурентных позиций страны на мировой арене. За период

2011–2017 гг., по данным МВФ, темпы роста мирового ВВП составили 3,6%, ВВП развивающихся стран Азии увеличивался в среднем на 6,9%, а в России темп роста ВВП составил 1,4%. Сохранение указанных пропорций приведет к тому, что к 2027 г., по сравнению с 2010 г., мировой ВВП увеличится на 83%, ВВП стран Азии вырастет более чем в три раза, а ВВП России прирастет только на 27%. Для выхода к 2027 г. на траекторию роста, соответствующую мировой, темп роста ВВП России уже с 2018 г. должен был составлять 5,2% в год, а для того, чтобы догнать траекторию развивающихся стран Азии, российской экономике необходимо и вовсе расти с темпом 10,9% в год. Однако при сохранении нынешней сырьевой модели роста выход на указанные темпы невозможен.

В «Стратегии экономической безопасности РФ» перечислен ряд вызовов и угроз безопасному экономическому росту, в частности: исчерпание экспортно-сырьевой модели развития, недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики, слабая инновационная активность, низкие темпы экономического роста и др. Приводится перечень задач, решение которых напрямую содействует достижению в России безопасного экономического роста. Предложено использовать 40 показателей для оценки разных аспектов экономической безопасности. Однако указанные показатели представлены недостаточно системно, отсутствует четко выраженная взаимосвязь между ними, а также пороговые значения, на которые необходимо ориентироваться при разработке экономической политики.

Для оценки параметров безопасного экономического роста из представленных в Стратегии 40 показателей были выбраны 16 и разбиты на три группы (фактические данные приводятся за 2017 г., если не оговорено особо):

1. Основные показатели безопасного роста (4). Во-первых, индекс физического объема ВВП (темп роста 1,5% по сравнению с 3,7% по мировой экономике). Во-вторых, ВВП на душу населения по ППС. Здесь также наблюдается отставание от уровня развитых стран. По данным МВФ, ВВП России по ППС в текущих ценах составил 27892 долл., в постоянных ценах 2011 г. — 25325 долл. (Германия — соответственно 50803 и 46177 долл.). В-третьих, доля ВВП России в мировом ВВП. Здесь наблюдается снижение за последние 25 лет: с 5,2% в 1992 г. до 3,15%. Наконец, в-четвертых, показателем безопасного роста, который необходимо отнести к числу базовых, является индекс промышленного производства (102,1).

2. Показатели источников и факторов безопасного роста (7). К ним могут быть отнесены: доля инвестиций в основной капитал в ВВП (21,2%, мировой уровень — 25,8%), доля инвестиций в машины и оборудование в общем объеме инвестиций в основной капитал (31,5%), доля машин и оборудования в импорте (47,2%, для сравнения: 31% в 2000 г.), степень износа основных фондов (48,1%, рост с 1990-х гг.), доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения (56,7%, снижение), индекс производительности труда (101,5, для сравнения: в странах зоны евро — 105,2), энергоемкость ВВП (по данным Международного энер-

гетического агентства в 2015 г. в России она составила 23 т.у.т. на 1000 долл., в США — 0,13, в Китае — 0,16).

3. Показатели качественных результатов безопасного роста (5). К ним можно отнести: долю инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме товаров, работ, услуг (8,5%), долю машин и оборудования в экспорте (8,6%, некоторое увеличение по сравнению с 5% в 2011 г.), долю инновационных товаров и услуг в промышленном экспорте (7,1%), долю населения с доходами ниже прожиточного минимума (13,2%, рост с 2012 г.), децильный коэффициент дифференциации доходов (15,3).

Данная панель индикаторов безопасного роста может быть расширена и конкретизирована, в частности, необходимо внедрить показатели развития внутреннего рынка. Необходимо активно применять системный подход при разработке теории безопасного экономического роста и адекватно решать проблему измерения отдельных показателей (например, уточнить критерии отнесения продукции к «инновационной»). Обоснование критериев, по которым может быть оценен безопасный экономический рост, во многом зависит от выбранной концепции развития страны. При сохранении (даже в неявной форме) идеологии «Вашингтонского консенсуса», продолжении ориентации на интеграцию России в мировую экономику любой ценой в ущерб развитию собственного, внутреннего рынка и становлению суверенного евразийского центра экономического роста, показатели безопасного роста во многом будут носить декларативный характер. Только кардинальная смена экономической политики, окончательный разрыв с «Вашингтонским консенсусом» и переход к построению суверенной модели экономического роста будут способствовать достижению поставленных в «Стратегии экономической безопасности» задач, в том числе по обеспечению безопасного экономического роста.

Л. Г. Титова

Россия, г. Москва,

РАНХиГС при Президенте РФ,

институт права и национальной безопасности,
профессор кафедры экономической безопасности,

д-р экон. наук, доцент

titovalarisa1941@gmail.com

Имидж и репутация как факторы экономической безопасности вуза

В современной российской экономике, испытывающей воздействие негативных геополитических факторов, проблема поддержания экономической безопасности высшего учебного заведения приобретает первостепенное значение. Комплексное и своевременное решение этой

проблемы в образовательной деятельности вуза позволяет значительно минимизировать исходящие извне экономические угрозы и обеспечить вузу устойчивое положение на рынке образовательных услуг.

Особую актуальность проблема формирования экономической безопасности высшего учебного заведения имеет для поддержания конкурентоспособности вуза на российском рынке образовательных услуг. Функционирование и развитие последнего происходит сегодня в сложных условиях неоднозначно воспринимаемых российским обществом институциональных трансформаций и преобразований, формирующих вызовы не только деятельности вуза как образовательной организации, но и существованию вуза как учреждению высшего профессионального образования. К наиболее значимым таким вызовам можно отнести: сокращение бюджетного финансирования вузов; возрастание уровня конкуренции между вузами; непродуманные управленческие решения по укрупнению и слиянию вузов; несовершенство российского законодательства в сфере образования; чрезмерная бюрократизация финансово-хозяйственной деятельности вуза; коррумпированность части сотрудников и педагогического персонала вуза; сокращение численности абитуриентов, обусловленное демографической ситуацией и ростом платных образовательных услуг; отсутствие комплексной и целенаправленной деятельности вуза по созданию позитивного имиджа и хорошей репутации.

Проблемное поле исследования экономической безопасности высшего учебного заведения включает, с нашей точки зрения, изучение таких проблем, как:

- установление структурных составляющих ресурсного обеспечения системы экономической безопасности вуза;
- выявление взаимодействия этих составляющих и их взаимовлияния друг на друга; выделение наиболее важных из них, оказывающих значительное воздействие на функционирование всей системы экономической безопасности в целом;
- оценку рисков функционирования составляющих экономической безопасности под влиянием внешних и внутренних угроз;
- разработку модели управления этими рисками в условиях кризисного состояния российского рынка образовательных услуг.

В российских исследованиях экономической безопасности вуза в систему ресурсного обеспечения экономической безопасности вуза принято включать такие структурные составляющие, как: финансовые ресурсы вуза, трудовые ресурсы вуза; информационные ресурсы вуза, имущественный комплекс вуза, его материально-техническую базу. При этом такие важные структурные составляющие, как имидж и репутация вуза, как правило, обстоятельно не анализируются.

С нашей точки зрения, имидж и репутация являются стратегически важным фактором обеспечения экономической безопасности высшего учебного

заведения. В системе ресурсного обеспечения экономической безопасности вуза им принадлежит ключевое место, поскольку они оказывают значительное влияние на престижность и привлекательность вуза для потребителей образовательных услуг и способны ориентировать образовательную деятельность вуза на долговременную перспективу с учетом ожиданий различных групп российского общества. Актуализированные в своем позитивном качестве имидж и репутация высшего учебного заведения способны оптимально позиционировать его в глазах потребителей и всего общества как востребованную образовательную организацию и длительное время поддерживать его конкурентоспособность на рынке образовательных услуг.

В связи с этим представляется значимым выделение важнейших функций имиджа вуза: символической, идентифицирующей вуз и его услуги; информационной, предоставляющей потребителям информацию об уровне надежности вуза; эмоциональной, создающей у потребителей определенные образы вуза; стимулирующей, побуждающей потенциальных потребителей образовательных услуг к коммуникациям с вузом. Реализуя эти основные функции, имидж вуза придает вузу добавочную рыночную стоимость, имеющую качество нематериального актива и повышающую конкурентные преимущества вуза. При этом конкуренцию выдерживает тот вуз, который инвестирует средства в развитие качества предлагаемых потребителям образовательных услуг и создает такие элементы имиджа вуза, которые оказывают значительное воздействие на привлечение потенциальных потребителей. К этим элементам имиджа вуза можно отнести: качественный и ценовой уровни предоставляемых потребителям образовательных услуг, их ассортимент, осведомленность потребителя, доверие потребителя. Именно эти основные элементы используются при итоговой оценке имиджа вуза.

С имиджем вуза неразрывно связана его репутация, которая формирует у потребителей вербализированную оценку действий вуза и оценочные суждения о предлагаемых им образовательных услугах. В зарубежных исследованиях для характеристики репутации используется понятие «гудвилл», которое отражает стоимостную оценку репутации. В аспекте нашего рассмотрения репутация вуза является целостным системным понятием. Наряду с финансовой составляющей (стоимостной оценкой), репутация вуза включает и другие важные составляющие: правовую, характеризующую соблюдение вузом законодательных и нормативных актов; социальную, отражающую совокупность социальных проектов вуза; психологическую, включающую вербальные и невербальные элементы, воздействующие на психику потребителей. Центральным ядром целостной системы репутации вуза является доверие потребителей к вузу, которое служит основным стимулом к пользованию образовательными услугами вуза. Можно отметить в целом, что разработка вузом позитивного имиджа и хорошей деловой репутации создает важную предпосылку для формирования экономической безопасности вуза.

Е. В. Белова

*Россия, г. Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
экономический факультет,
доцент кафедры агроэкономики,
канд. экон. наук, доцент
evbelova@bk.ru*

Продовольственная безопасность стран постсоветского пространства (на примере Армении)

Большинство стран постсоветского пространства после распада СССР столкнулось с проблемами недостаточного обеспечения населения продовольствием и ухудшения качества питания. Реакцией на эту ситуацию стало принятие многими странами (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан) национальных стратегий продовольственной безопасности. Закон Республики Армения «Об обеспечении продовольственной безопасности» был принят в 2002 г., и в соответствии с данным Законом обеспечение продовольственной безопасности направлено на достижение продовольственной независимости, обеспечения физической и экономической доступности продовольствия для населения, соответствующего «здравоохранительным нормам».

Особое внимание к вопросам продовольственной независимости в Армении уделяется в связи с тем, что границы двух из четырех стран, с которыми граничит Армения, закрыты, и через эти страны невозможно импортировать продовольствие, кроме того, страна не имеет выходов к морю и у Армении отсутствуют общие границы с Россией — главным торговым партнером, в том числе в области экспорта и импорта продовольствия. Статистическая служба Армении публикует данные по уровню самообеспеченности продуктами питания (рассчитывается как внутреннее производство продукта, деленное на производство плюс импорт минус экспорт), и именно показатель самообеспеченности используется в качестве индикатора состояния продовольственной независимости. По сравнению с серединой 2000-х гг. в стране улучшилась ситуация с продовольственной независимостью по большинству видов продовольствия.

Показатели самообеспеченности улучшились по всем видам продовольствия за период с 2007 по 2016 гг., но несмотря на это, по ряду продуктов эти показатели находятся на недостаточном для продовольственной независимости уровне. В Армении низкие показатели самообеспеченности по таким важнейшим продуктам, как пшеница (53,2%), мясо птицы (28,5%), а также невысокий показатель самообеспеченности свининой (64,1%).

Армения является нетто — импортером продовольствия, и за рассматриваемый период у нее уменьшилось отрицательное сальдо внешнеторгового

баланса продовольствием. Так, если в самом неблагоприятном 2008 г. отрицательное сальдо внешнеторгового баланса продовольствием составляло 561 млн долл., то в 2016 г. — 112 млн долл. (примерно в пять раз меньше).

За период с 2007 по 2016 гг. улучшились показатели потребления основных продуктов питания на душу населения: уменьшилось потребление хлеба и картофеля, сахара, выросло потребление овощей, фруктов, растительного масла, мяса и молока, рыбы, яиц, несколько снизилось потребление сыра и сливочного масла. В целом произошло улучшение структуры питания, но при этом уровень потребления таких продуктов питания, как мясо, рыба, овощи, фрукты, недостаточен для того, чтобы охарактеризовать структуру питания как оптимальную и полностью соответствующую «здоровоохранительным нормам».

Угрозой продовольственной безопасности Армении является низкий уровень доходов населения и высокий уровень безработицы, который составил в 2016 г. 18%, что влияет на экономическую доступность продовольствия. За рассматриваемый период экономическая доступность продовольствия в Армении улучшилась, но уровень ее недостаточен. Так, в стране доля расходов на питание в общей структуре расходов домохозяйств в 2016 г. составляла 42%, что значительно ниже показателя 2007 г. (53,5%).

В целом необходимо отметить, что состояние продовольственной безопасности в Армении за последние 10 лет улучшилось, но необходимы меры по ее улучшению, как с точки зрения продовольственной независимости, так и достижения необходимого уровня физической и экономической доступности продовольствия.

А. Ю. Белугин

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

младший научный сотрудник

кафедры агроэкономики,

канд. экон. наук

belugin@ecfs.msu.ru

Продовольственная безопасность Российской Федерации в условиях внешнеторговых ограничений

В России проблемам продовольственной безопасности уделяется особое внимание. В этой области принято множество нормативно-правовых актов, среди которых одним из наиболее значимых является Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации 2010 г. (далее — Доктрина).

В соответствии с данным документом единственным критерием, по которому проводится оценка степени обеспечения продовольственной безопасности, является удельный вес отечественной сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия в общем объеме товарных ресурсов (с учетом переходящих запасов) внутреннего рынка.

Несмотря на критичное отношение к данному критерию существенной части научного сообщества, его использование не лишено определенного экономического смысла. Действительно, рост продовольственного самообеспечения при прочих равных условиях свидетельствует о росте конкурентоспособности отечественного продовольствия на внутреннем рынке, а значит либо об улучшении качества продуктов питания, либо о снижении цен на него. Все это свидетельствует об улучшении экономической доступности продовольствия для населения и об укреплении продовольственной безопасности в стране в целом.

Вместе с тем в последние годы социально-экономические условия развития страны претерпели существенные изменения, что дополнительно проблематизирует корректность использования официального критерия для оценки современного состояния продовольственной безопасности России.

В частности, в августе 2014 г. введен запрет на импорт в Россию ряда продовольственных товаров из стран Евросоюза, США, Австралии, Канады и Норвегии. В дальнейшем срок действия торговых ограничений неоднократно продлялся, а список стран, импорт из которых попадает под ограничения, — расширялся. Крайнее продление срока состоялось 12 июля 2018 г. — по 31 декабря 2019 г. При этом в настоящий момент торговые ограничения распространяются также на продовольствие из Исландии, Лихтенштейна, Албании, Черногории и Украины.

Очевидным следствием вышеобозначенных торговых ограничений стало существенное сокращение импорта продуктов питания в Российскую Федерацию. В частности, если в 2013 г. импорт молочной продукции (ТН ВЭД 0401–0406) в стоимостном выражении составлял более четырех млрд долл., то по итогам 2017 г. — только 2,4 млрд.

На этом фоне удельный вес сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия отечественного производства в России по ряду показателей увеличился. Например, по молоку и молокопродуктам (в пересчете на молоко) по итогам 2017 г. он составил 82,4%, при пороговом значении, зафиксированном в Доктрине, в 90%. В 2013 г. соответствующий показатель составлял лишь 76,5%.

Таким образом, ориентируясь на официальный критерий продовольственной безопасности, можно сделать вывод, что состояние продовольственной безопасности в России улучшилось. Хотя в действительности рост продовольственной независимости сам по себе характеризует улучшение лишь по отдельным составляющим стабильности как аспекта продовольственной безопасности.

Вместе с тем на фоне торговых ограничений, помимо некоторого роста внутрироссийского производства продовольствия (производство молока увеличилось чуть более чем на 2%) и притока иностранных инвестиций в АПК России, наблюдается также рост цен на продовольствие и снижение потребления многих видов продуктов питания россиянами. Это негативно характеризует изменение состояния продовольственной безопасности в России. В частности, если в 2013 г. потребление молокопродуктов в пересчете на молоко составляло 270 кг на человека в год, то в 2017 г. — только 265,5.

Тенденция к расхождению положительной динамики по официальному критерию продовольственной безопасности и негативной — по существенным ее показателям, усугубляется. Это порождает насущную необходимость корректировки Доктрины продовольственной безопасности и пересмотра подхода к ее критерию.

Таким образом, на наш взгляд, удельный вес отечественного продовольствия в общем объеме товарных ресурсов внутреннего рынка не может быть единственным критерием для оценки продовольственной безопасности. При наличии существенных внешнеторговых ограничений для оценки продовольственной самообеспеченности необходимо использовать, в числе прочих, показатели, не зависящие от объемов импорта и экспорта продуктов питания, но отражающие соотношение внутреннего производства этих продуктов к нормативной потребности в них. Последнюю необходимо рассчитывать исходя из половозрастной структуры населения, фактически проживающего на территории страны, а также научно обоснованных норм потребления соответствующих продуктов питания, с учетом климатических и иных особенностей и характера занятости.

Т. А. Белугина

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

доцент кафедры агроэкономики,

канд. экон. наук

beluginata@mail.ru

Продовольственная безопасность и биотехнологии

Концепция продовольственной безопасности включает в себя несколько ключевых аспектов, среди которых можно выделить такие, как наличие и стабильность продовольствия, доступность продовольствия, эффективность использования продовольствия.

Наличие продовольствия в немалой степени зависит от уровня развития сельскохозяйственного производства, его продуктивности. Основной сельскохозяйственной зерновой культурой в России является пшеница (по данным Росстата, в структуре производства зерновых культур доля пшеницы составила в 2017 г. 64%), от валового сбора которой зависит продовольственное обеспечение хлебными продуктами населения, снабжение пищевой промышленности и кормопроизводства зерновым сырьем.

Несмотря на то, что урожайность пшеницы в 2017 г. достигла 31,2 ц/га (самый высокий уровень с 1990 г.) (рис. 1), динамика данного показателя за анализируемый период отличается нестабильностью. Так, урожайность пшеницы значительно колеблется по годам, например с 17,7 ц/га в 2012 г. до 31,2 ц/га в 2017 г. Более того, это один из самых низких показателей среди мировых зерновых держав. По расчетам на основе данных FAOSTAT, урожайность пшеницы составила в 2016 г. в Китае — 54,1 ц/га, США — 35,4 ц/га. Наиболее высокая урожайность пшеницы в 2016 г. отмечена в Германии — 76,4 ц/га, Австрии — 62,5 ц/га, Бельгии — 68 ц/га, Франции — 53 ц/га.

Источник: по данным сайта Федеральной службы государственной статистики

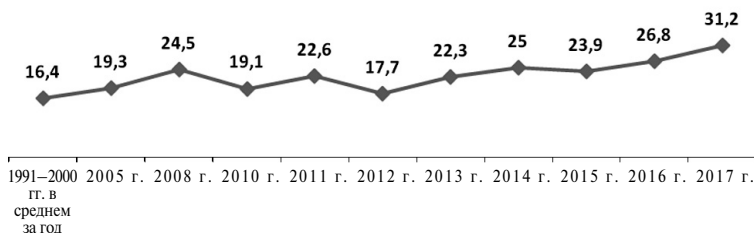

Рис. 1. Урожайность пшеницы в России (в хозяйствах всех категорий), ц/га

Аналогичная ситуация наблюдается и по другим зерновым культурам, а также по сахарной свекле, подсолнечнику, картофелю. Урожайность такой ключевой для России культуры, как картофель, также отличается нестабильностью и находится на низком уровне — 150–160 ц/га, в то время как в Бельгии она достигает 382 ц/га, Франции — 390 ц/га, Германии — 445 ц/га, США — 491 ц/га.

Одной из причин нестабильности производства и невысокой урожайности основных сельскохозяйственных культур в России является, на наш взгляд, их недостаточная устойчивость к климатическим изменениям, к болезням, вредителям, сорнякам. Поэтому актуальной становится необходимость использования возможностей биотехнологий. Их необходимо рассматривать как фактор стабилизации, повышения продуктивности и эффективности сельскохозяйственного производства. Среди приори-

тетных направлений развития сельскохозяйственных биотехнологических инноваций в области растениеводства можно выделить следующие: создание новых высокопродуктивных сортов сельскохозяйственных растений нового поколения с заданными признаками устойчивости к болезням, вредителям и неблагоприятным погодным условиям (например, с использованием молекулярных маркеров); производство эффективных биологических средств защиты растений; создание новых типов удобрений на основе биотехнологий; биотехнология почв.

В настоящее время на рынке семян озимой пшеницы представлены в основном семена отечественной селекции. Наибольшим спросом пользуются сорта пшеницы, которые отличаются зимостойкостью, короткостебельностью, неполегаетостью. Не менее важны и такие качества семян, как скороспелость, устойчивость к осыпанию зерна и прорастанию на корню, а также иммунитет к профилирующим болезням. С помощью методов биотехнологий возможно получить не только универсальные сорта, но и ориентированные на конечное использование, например для хлебопечения или для производства печенья и изделий из недрожевого теста, а также сиропов, спирта и т.д. В Московском НИИ сельского хозяйства «Немчиновка» создан новый сортотип озимой пшеницы — короткостебельный, зимостойкий, устойчивый к полеганию и наиболее вредоносным патогенам, с высоким качеством зерна и потенциалом продуктивности свыше 100 ц зерна с гектара. Но эти достижения пока не используются в широком масштабе производителями пшеницы.

В мире насчитывается более 200 инфекционных болезней пшеницы, вызываемых грибами, бактериями, вирусами, микоплазменными телами и нематодами, которые наносят значительный ущерб урожаю данной культуры. Особо опасное заболевание пшеницы — вирус полосатой мозаики, которое поражает ткани на клеточном уровне, приводя к потере урожая до 60–70%. Поскольку в настоящее время не существует прямых методов борьбы с вирусами зерновых культур, методы биотехнологий помогут разработать эффективные средства.

Традиционные, как правило, химические средства борьбы с болезнями, вредителями, сорняками могут оказаться неблагоприятными и недостаточно эффективными для самих растений, почвы, окружающей среды и людей. Более того, происходит процесс приспособления растений к химическим средствам и методам. Поэтому важное значение приобретают биологические средства защиты растений — биопестициды. Это микробиологические препараты на основе микроорганизмов (бактерий, грибов, вирусов) и продуктов их жизнедеятельности. Более широкое применение биопестицидов позволит снизить химическую пестицидную нагрузку, улучшить плодородие почв и переориентироваться сельскохозяйственным производителям на производство органической

продукции, что в конечном итоге будет способствовать улучшению качества продовольствия. К сожалению, применение в России биопестицидов недостаточно развито, так как нет достаточной государственной поддержки для их производства. Химические пестициды в большинстве случаев более конкурентоспособны и привычнее для аграрных предприятий.

В настоящее время на российском рынке биологических средств защиты растений работают такие организации, как «Сиббиофарм», «Биотехагро», «Россельхозцентр», «Башинком», «Агробiotехнология» и другие. «Сиббиофарм» производит биологические средства защиты растений методом глубинного культивирования микробных культур с последующим концентрированием культуральной жидкости и стандартизацией препаратов. «Башинком» предлагает инновационную биотехнологию антистрессового высокоурожайного земледелия, которая может повысить урожайность сельскохозяйственных культур на 15–30%.

Среди научно-исследовательских институтов, занимающихся в своих биотехнологических лабораториях вопросами защиты растений, можно выделить следующие: ФГНУ «ВНИИ биологической защиты растений», ФГБНУ «ВНИИ фитопатологии», ФГБНУ «ВНИИ защиты растений», ФГБНУ «ВНИИ сельскохозяйственной микробиологии». Так, ВНИИ биологической защиты растений создал генетический банк устойчивости пшеницы и ячменя к возбудителям опасных болезней, предлагает инновационную технологию с использованием биотехнологических подходов безинсектицидной защиты озимой пшеницы от доминантных вредителей, от вредных организмов, предселекционный материал зерновых колосовых культур с длительной и групповой устойчивостью к опасным и особо опасным болезням. К сожалению, полученные в научно-исследовательских организациях результаты остаются, как правило, невостребованными и не превращаются в рыночные продукты.

Альтернативой химизации сельского хозяйства является использование бактериальных удобрений, содержащих монокультуру или комплекс микроорганизмов, которые способствуют улучшению корневого питания растений, накоплению в почве элементов питания растений, стимулируют их рост и развитие, способствуют восстановлению плодородия почвы. Так, компания «Биона» предлагает комплексное специально подобранное микроудобрение «Sunpy Mix» (Универсальный) третьего поколения с инновационной системой SuperChelate, что позволяет проникать микроэлементам в клетки растений в предельно короткие сроки и усваиваться в полном объеме, что положительно влияет на урожайность сельскохозяйственных культур.

Однако в настоящее время уже разработанные современные отечественные аграрные биотехнологии не находят широкого применения

в сельскохозяйственном производстве. В целях повышения эффективности использования биотехнологий в агропродовольственном секторе России необходимо создать целостную систему их государственной поддержки от научных исследований до их внедрения в производство, стимулировать инвестиции среднего и крупного бизнеса в этом направлении, а самое главное — это построение единой информационно-аналитической инфраструктуры биотехнологий в данной отрасли по профильным темам. В конечном итоге это будет способствовать снижению рисков и укреплению продовольственной безопасности страны.

А. А. Белянов
Россия, г. Москва,
ЦЭМИ РАН,
ведущий инженер
belyanov@protonmail.ch

Методы сетевого анализа в контексте национальной экономической безопасности

Методы анализа социальных сетей уже нашли широкое применение в самых разных областях, в том числе и в сфере безопасности. Наиболее известным примером использования инструментария в области безопасности является правоохранительная и контртеррористическая деятельность. Так, анализ структуры связей террористов может подсказывать эффективную стратегию по созданию помех работе террористической сети. Другим примером служат модели, учитывающие связи между людьми. Они хорошо подходят для описания распространения заражения в случае применения биологического оружия. Опубликованы работы и по связям в криминальном мире: построение связей людей, состоящих в преступных сообществах, помогает определить иерархию организации.

Применение методов анализа социальных сетей в отношении экономической безопасности может быть также эффективным. Хотелось бы рассмотреть аспект, относящийся к научно-техническому потенциалу. Как известно, в соответствии с Указом Президента РФ № 208 от 13 мая 2017 г., поддержание научно-технического потенциала развития экономики на мировом уровне и повышение ее конкурентоспособности является одной из целей государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности. В ЦЭМИ РАН проводятся исследования, использующие сетевой анализ для проблем, сопряженных с обеспечением научно-технического потенциала. В частности, одна из работ посвящена анализу связей внутри научных организаций. Благодаря применению сетевых методов, в рамках данной задачи становится возможным вы-

явление структурной уязвимости научных организаций, когда связи между частями организации слишком слабы, и потенциальная атака на них способна расколоть организацию и нанести существенный ущерб ее функционированию. Помимо этого, появляются способы внедрения дополнительной метрики для оценки ценности научных сотрудников, основываясь на их роли в упрочнении структуры организации или их посреднических способностях. Также в некоторых случаях возможно обнаружение признаков оппортунистического поведения.

Сетевые технологии применяются и в других проектах ЦЭМИ, направленных на обеспечение экономической безопасности. Так, в одном из проектов предлагается использовать исследования по оценке перспективности патентов сетевыми методами для выявления ключевых технологий и обеспечения их доступности для национальных инновационных компаний. А в части моделирования внедрение генерируемых социальных сетей становится важным фактором обеспечения реалистичности моделируемых процессов, особенно это касается проблематики распространения знаний и ценностей.

Сетевой анализ является одним из важных средств поддержки работ по обеспечению национальной экономической безопасности. Несмотря на простоту и гибкость, его потенциал определенно заслуживает внимания.

С. В. Кайманаков

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

доцент кафедры политической экономики,

канд. экон. наук, доцент

skaimanakov@mail.ru

Внешнеэкономическая безопасность России: содержание и оценка

Встраивание новой России в мировую экономику позволяет использовать ряд преимуществ международного разделения труда, но в то же время может приводить и к негативным последствиям для развития отечественной экономики. Состояние защищенности национальных интересов во внешнеэкономической сфере, устойчивости хозяйственной системы к воздействию неблагоприятных внешних факторов, процессов и тенденций находит свое адекватное отражение в категории «внешнеэкономическая безопасность». Роль и значение этого важнейшего вида национальной экономической безопасности в целом в современном глобализированном мире значительно возрастает.

Внешнеэкономическая деятельность связана с перемещением ресурсов (топлива, сырья, финансовых и человеческих ресурсов) и готовой продукции через границы государства. Обеспечить защищенность экспорта в широком смысле и достойно представлять на мировом рынке отечественные товары и услуги призвана экспортная безопасность. Соответственно, обеспечить защищенность импорта в широком смысле товаров и услуг и оптимизировать их влияние на внутренний рынок призвана импортная безопасность.

Надо иметь в виду, что национальная экономика конкретной страны в системе мирового хозяйства может функционировать в разных режимах. Развитые страны и их союзники, как правило, функционируют в режиме наибольшего благоприятствования. Страны, переходившие (и переходящие) к рынку, могут испытывать определенные затруднения институционального порядка, связанные с приспособлением к общим условиям международной торговли. Наконец, есть государства, сталкивающиеся с недружественным воздействием других стран, включая экономические и финансовые санкции. К таким государствам относится и Россия, против которой были введены санкции коллективного Запада и некоторых других государств после известных событий 2014 г.

В этом смысле интересно посмотреть, смогла ли приспособиться российская экономика, ее взаимоотношения с внешним миром к воздействию данных (постоянно продлеваемых) санкций. Для этого проведем сравнительный анализ внешнеэкономической безопасности за 2015 г. (первый год реакции экономики России на санкции с учетом лага времени, падение ВВП составило 3,7%) и за 2017 г. (по нему есть достаточно полная статистика, рост ВВП составил 1,5%).

За данный период экспорт возрос с 341,4 до 353,0 млрд долл., импорт — с 193,0 до 238,0 млрд долл. Доля в экспорте минеральных продуктов в 2015 и 2017 гг. составила 63,8 и 60,4%, удельный вес продовольственных товаров — 4,7 и 5,8%, доля машин, оборудования и транспортных средств — 7,4 и 7,9%, удельный вес продукции химической промышленности — 7,4 и 6,7%. Чистый вывоз частного капитала снизился с 56,9 до 31,3 млрд долл. Количество выбывших из России составило 353233 и 377155 человек соответственно.

Данные по структуре импорта: удельный вес в импорте минеральных продуктов в 2015 и 2017 гг. незначителен — 2,7 и 2,0%, доля продовольственных товаров составила 14,5 и 12,7%, удельный вес машин, оборудования и транспортных средств — 44,8 и 48,6%, доля продукции химической промышленности — 16,7 и 17,7%. В 2015 г. в Россию прибыло 598617 человек, через два года — 589033 человека.

Из приведенной статистики следует, что за двухлетний период произошло увеличение экспорта, импорта и всего внешнеторгового оборота,

что служит свидетельством восстановительных процессов во внешнеэкономической сфере после первых шоков, вызванных антироссийскими санкциями, а также снижением цен на экспортируемое сырье. В структуре экспорта сократилась доля минеральных продуктов, и повысился удельный вес продукции машиностроения и продовольственных товаров, снизилась доля продукции химической промышленности.

Структура импорта характеризуется увеличением доли продукции машиностроения и химической промышленности, что можно оценить как позитивный процесс, имея в виду необходимость модернизации российской промышленности на современном этапе ее развития. Снижение доли продовольственных товаров свидетельствует, на наш взгляд, об укреплении продовольственной независимости России. В целом можно оценить произошедшие структурные изменения как позитивные. Что касается количества выбывших из России и прибывших в нее, то в процентном отношении изменения не принципиальны (+6 и –2% соответственно). Но с учетом низкой плотности населения в нашей стране требуется более активная политика привлечения и закрепления в РФ квалифицированной рабочей силы, создание необходимых условий для работы и проживания.

В «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» предложено 40 показателей состояния экономической безопасности в целом. Выберем из них те, которые касаются внешнеэкономической безопасности, и приведем (рассчитаем) фактические значения этих показателей за 2015 и 2017 гг. Индекс физического объема экспорта (в процентах к предыдущему году) составил 68,7 и 125,2% соответственно, а индекс физического объема импорта — 68,7 и 125,2%. Доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме несырьевого экспорта — 23 и 21%, а доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме импорта 45 и 49%. Сальдо торгового баланса по отношению к объему внешнеторгового оборота составило 27,8 и 19,4%. Чистый ввоз капитала по отношению к объему экспорта снизился с 16,6 до 8,7%, объем государственного внешнего долга практически не изменился: 50002 и 49827 млн долл., но по отношению к возросшему ВВП сократился. Отношение международных резервов РФ к объему импорта товаров и услуг несколько снизилось — с 2,01 до 1,90%. Наконец, доля импорта в объеме товарных ресурсов продовольственных товаров сократилась с 28 до 23%, что является результатом контрсанкций России и проведения политики импортозамещения в аграрном секторе.

В целом при некоторой противоречивости приведенных показателей налицо тенденция к стабилизации российской экономики и укреплению внешнеэкономической безопасности страны.

Л. Г. Лагутина
Россия, г. Москва,
РАНХиГС при Президенте РФ,
институт права и национальной безопасности,
доцент кафедры экономической безопасности,
канд. экон. наук
larisalagutina@mail.ru

Налоговая безопасность инновационных предприятий

Важной компонентой экономической безопасности является система налоговой безопасности, под которой понимается состояние налоговой системы, обеспечивающее гарантированную защиту налоговых интересов бизнеса, личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Экономическая безопасность напрямую связана с безопасностью налоговой системы, необеспечение которой приводит к экономическим и социальным угрозам:

- угрозе недостаточной обеспеченности бюджета налоговыми доходами;
- угрозе ухудшения налоговой среды для условий экономического роста;
- угрозе занижения налоговой базы по налогам и сборам;
- угрозе наличия и роста теневой экономики.

Противостояние угрозам налоговой безопасности связано с повышением налогового потенциала предприятий и разработки инструментов по его сохранению. При этом необходимо учитывать противоречивость интересов государства и налогоплательщиков, выражающуюся в стремлении государства получить как можно больше налоговых доходов и желании оптимизировать свои налоговые платежи до возможного законного их минимума со стороны хозяйствующих субъектов. Особую актуальность указанная проблема приобретает в отношении инновационного сектора экономики.

Современное состояние экономики России характеризуется низкой инновационной активностью в связи с причинами:

- высокой рисковости в сфере инновационной деятельности;
- неопределенности рыночных перспектив реализуемых инновационных проектов.

Кроме того, высокие риски предпринимательской деятельности в сфере инновационной деятельности создают **угрозу финансовой несостоятельности предприятия**, что чревато неспособностью исполнять свои обязательства по уплате налогов и сборов в бюджет, а значит способно привести к недостаточной обеспеченности бюджета налоговыми доходами.

Финансовые ресурсы для проведения научных исследований и разработок могут поступать как из внешних источников, так и из внутренних. К ресурсам, поступающим из внешних источников, относятся, в частности, средства, поступающие из федерального бюджета. Однако более эффективным является создание благоприятных условий для привлечения денежных средств в инновационный сектор, применяя меры налогового стимулирования, устанавливая налоговые льготы, преференции и иные меры налогового характера, улучшающие имущественное или экономическое положение отдельных категорий налогоплательщиков.

Льготы и преференции позволяют компенсировать возникающие у предприятий потери в связи с осуществлением ими инновационной деятельности. Внедряя инструменты налогового стимулирования, государство отказывается от части средств налогоплательщиков, направляемых в бюджет в виде налогов, а у предприятий остаются в распоряжении дополнительные средства для создания и внедрения инноваций и сокращения цен на инновационную продукцию, обеспечивая ее привлекательность для покупателей.

Другая угроза налоговой безопасности предприятия — **угроза чрезмерной налоговой нагрузки**, способная привести к потере устойчивости предприятия в своем развитии и снижению результативности.

Под налоговой нагрузкой понимается обобщенная количественная и качественная характеристика влияния обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации на финансовое положение предприятий-налогоплательщиков.

Налоговая нагрузка должна быть приемлема для налогоплательщика. Ее снижение способствует интенсификации инвестиционных процессов.

Уменьшить налоговую нагрузку можно путем:

- снижения налоговых ставок;
- расширения перечня расходов, которые могут быть включены в налоговую базу по налогу на прибыль организаций;
- изменения срока уплаты налога;
- введения особых порядков налогообложения и т.д.

Налоговое законодательство РФ предусматривает три варианта налогообложения для инновационных предприятий:

- общая система налогообложения;
- упрощенная система налогообложения;
- особый порядок налогообложения для участников проекта «Сколково».

Налогоплательщики, находящиеся на **общей системе налогообложения**, вправе снизить налоговую нагрузку по налогу на добавленную стоимость путем выведения из-под налогообложения отдельных объектов. Так, на территории Российской Федерации, в соответствии с п. 3 ст. 149 НК

РФ, может быть освобождено от обложения НДС выполнение ряда научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР).

В отношении налога на прибыль указанные предприятия могут применять особый порядок учета расходов, предусмотренный ст. 262 НК РФ. В частности, расходы на НИОКР могут быть признаны в полном объеме независимо от результата соответствующих работ, но только после завершения этих исследований или разработок (отдельных этапов работ) и подписания сторонами акта сдачи-приемки. В случае ведения работ по перечню, установленному Правительством РФ, расходы можно учитывать в размере фактических затрат с применением коэффициента 1,5 по завершении работ. Кроме того, допустима ускоренная амортизация путем применения к основной норме амортизации специальный коэффициент, но не выше 3 (пп. 2. п. 2 ст. 259.3 НК РФ).

Предприятия, применяющие упрощенную систему налогообложения, также вправе применять порядок учета расходов, установленный ст. 262 НК РФ. При этом также разрешается применять повышающий коэффициент 1,5. Кроме того, для налогоплательщиков, у которых основной вид деятельности — научные исследования и разработки, ставка страховых взносов составляет 20,0%.

Инновационное предприятие может получить **статус участника проекта «Сколково»**. В этом случае применение общей системы налогообложения дает немало льгот в отношении НДС, налога на прибыль и налога на имущество организаций.

Таким образом, на современном этапе для предприятий предусмотрены широкие возможности в использовании различного инструментария для управления своей налоговой политикой и налоговой нагрузкой, а значит повышения ее налоговой безопасности.

М. Ю. Павлов

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

доцент кафедры политической экономики,

канд. экон. наук, доцент

ltn@mail.ru

«Родовые поместья» как фактор обеспечения национальной экономической безопасности России

Понятие экономической безопасности тесно связано с понятием экономического пространства. В последние десятилетия конфигурация экономического пространства кардинально изменилась. Экономическое

пространство в современном мире лишь в некоторой, более того — небольшой степени совпадает с государственными границами. В частности, финансовое пространство России во многом интегрировано с пространствами иностранных валют — доллара США, евро и др., с пространствами систем международных расчетов и платежей — SWIFT, Visa, MasterCard и др., с иностранными фондовыми биржами и мн. др.

Пространство предпринимательства в России в высокой степени регулируется транснациональными корпорациями и связанными с ними другими транснациональными институтами. Сегодня в мире деятельность транснациональных корпораций организована по принципу «цепочек создания стоимости», определяемых управляющими компаниями. При этом преобладающая доля прибыли присваивается управляющими компаниями, а остальные компании довольствуются лишь остатками. Очевидно, что при этом инвестиционные ресурсы в распоряжении остальных компаний будут оставаться намного меньшими, чем у управляющей компании.

Информационное пространство при кажущейся демократичности интернета и равенстве предоставляемых им возможностей на самом деле в высокой степени определяется узловыми структурами, которые для России являются большей частью внешними.

Экологическое пространство, транспортное пространство, научно-технологическое пространство, пространство СМИ, пространство профессионального спорта, даже пространство силового принуждения далеко не на 100% контролируются Россией даже на российской территории, поскольку многое подпадает под международное регулирование, которое в большинстве случаев можно менять и без согласия России. Для России очень опасно бездумно открываться, поскольку это означает во многих случаях пустить на свою территорию внешнее управление. Открытие без контроля означает прежде всего утечку ресурсов вовне, причем самое плохое — это утечка интеллектуальных ресурсов, поскольку в современной экономике человеческий потенциал становится важнейшим ресурсом.

Следует отметить, что Россия открывалась в предыдущие десятилетия, а сейчас на повестке дня уже частичное закрытие. Однако процессы закрытия тоже в подавляющем большинстве случаев не могут контролироваться Россией. В условиях, когда российские средства вложены в финансовые инструменты других государств (например, в казначейские обязательства США), в офшоры, в недвижимость и т.д. и т.п. попытки закрытия, тем более — конфликтного закрытия (типа «санкционных войн») почти однозначно приведут лишь к закрытию активов России, выведенных за пределы непосредственно России, от самой России. Причем военный потенциал России практически бесполезен в отстаивании российских активов, находящихся на территориях, неподконтрольных России. Более того, форсированная демонстрация военного потенциала России может привести лишь к обратному эффекту — дать оправдание действиям, направленным против России как потенциальной неконтролируемой угрозе.

Из сказанного выше очевидно, что сегодня остро встала необходимость переконфигурировать экономическое пространство России таким образом, чтобы снять указанные противоречия. В последнее время в России заметно педалируется тема патриотизма. Однако что понимать при этом под Родиной? Для большинства жителей современной России страна рождения — это СССР с принципиально иной системой ценностей. Какие ценности они должны защищать? Землю, принадлежащую олигархам или контролируемую государственными чиновниками, держащими средства в иностранных банках, вывезшими свои семьи за границу и имеющими бизнесы за рубежом?

Единственный способ обеспечения подлинной экономической безопасности России в условиях столь сложно сконфигурированных пространств — обеспечить гражданам России малую Родину. И именно эту задачу призван решить масштабный проект обустройства гражданами своих «Родовых поместий», основные идеи которого изложены в книгах российского писателя В. Н. Мегре. «Родовое поместье» — это биогеоценоз, целенаправленно создаваемый и постоянно совершенствуемый семьей или одним человеком с целью улучшения среды обитания, всемерного многогранного развития способностей человека. Сегодня в России уже существует свыше 400 поселений, состоящих из более чем 10000 «Родовых поместий». Уже достигнутые результаты представляют огромный интерес как для дальнейшего изучения идеи «Родовых поместий», так и для дальнейшего развития проекта: многомиллиардные частные инвестиции, «обратные» потоки — миграция горожан в сельскую местность, причем не маргиналов, а успешных людей — с хорошим образованием, доходами, занимающими хорошие должности, имеющими хорошие предпринимательские способности.

«Родовые поместья» — самый эффективный и результативный фактор обеспечения национальной экономической безопасности России, поскольку есть очень четкий и понятный объект, безопасность которого требуется обеспечивать. И есть четкая и понятная мотивация — защита личного пространства, тем более — пространства рода.

«Родовые поместья» также значительно расширяют возможности для маневра, поскольку предоставляют возможности реального выбора — обустраивающий свое «Родовое поместье» может выбирать, как входить в то или иное искусственно созданное пространство — открыться этому пространству, либо же, напротив, закрыться от него в той или иной степени. «Родовые поместья» также способны обеспечивать очень эффективное сглаживание циклов, поскольку позволяют очень гибко сочетать рыночные (вернее будет сказать, «обменные»), плановые и натуральные принципы ведения хозяйства.

Как показала практика, «Родовые поместья» также способны очень хорошо решать задачи обеспечения демографической безопасности.

С. В. Соловьева

Россия, г. Москва,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

экономический факультет,

ведущий научный сотрудник

кафедры экономики природопользования,

канд. экон. наук

solovyevasv@gmail.com

Экологическая безопасность и здоровье населения России

Экологическая безопасность является составной частью национальной безопасности страны. Важным этапом стало принятие Стратегии экологической безопасности на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176. Стратегия является документом стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности нашей страны, определяет угрозы экологической безопасности, направления государственной экологической политики, механизмы ее реализации. На основании оценки текущего экологического состояния и исходя из вызовов и угроз глобальных, внутренних и внешних, в Стратегии определены цели, основные задачи, приоритетные направления и механизмы реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности.

Состояние окружающей среды оказывает значительное воздействие на здоровье населения. При подготовке программ развития страны, регионов, отдельных секторов экономики не учитывается заболеваемость и смертность населения от загрязнения окружающей среды. Отсутствие стоимостных оценок экологических ущербов и выгод от сохранения чистой окружающей среды не позволяет включить экологический фактор в процесс принятия хозяйственных решений.

Экологические факторы, такие как загрязненные водные объекты, почвы, воздух, вызывают отрицательные последствия для здоровья населения. По данным Государственного доклада Минприроды России «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году», в среднем число дополнительных случаев смерти от всех причин, связанных с загрязнением атмосферного воздуха населенных территорий, вероятно составило в 2015 г. 5,50 случая на 100 тыс. населения (2014 г. — 7,55). В ряде регионов, таких как Орловская, Московская и Омская области, Краснодарский край и др., происходило значительное улучшение состояния атмосферного воздуха и одновременно наблюдалось уменьшение заболеваемости и смертности по заболеваниям, зависимым от факторов риска загрязнения атмосферного воздуха. В 12

регионах страны наблюдается устойчивая взаимосвязь между смертностью населения от новообразований и загрязнением атмосферы бенз(а)пиреном, формальдегидом. В 61 регионе страны наблюдается устойчивая взаимосвязь между смертностью населения от болезней органов дыхания и загрязнением атмосферы диоксидом азота, оксидом азота, формальдегидом, взвешенными веществами, фенолом, фтором и его соединениями. Проведенные оценки показали увеличение смертности в результате загрязнения атмосферы от 0,02 до 76,94 дополнительных случаев на 100 тыс. проживающих в этих регионах человек. В 33 регионах страны наблюдается увеличение заболеваемости астмой и астматического статуса детей выше среднего по стране уровня.

По данным Государственного доклада Роспотребнадзора «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2016 году», в среднем число дополнительных случаев смерти от всех причин, связанных с загрязнением атмосферного воздуха сельских территорий, вероятно составило 3,29 случая на 100 тыс. населения.

Оценки риска здоровью населения могут быть использованы в качестве инструмента управления качеством окружающей среды в интересах охраны здоровья населения. По данным наблюдений Росгидромета за концентрацией вредных веществ в атмосферном воздухе городов рассчитаны риски здоровью жителей этих городов. В соответствии с оценками риска возможно ранжировать города в настоящее время и в перспективе по вариантам прогнозируемого развития. Выделяются факторы риска, что позволяет предпринимать профилактические действия. Выявляются группы населения, чувствительные к неблагоприятным факторам окружающей среды, что предполагает адресные программы поддержки. Ранжирование городов по уровню риска здоровью позволяет корректировать прогнозируемые варианты развития хозяйственной деятельности, энергетики, промышленности, транспорта в перспективе.

Ущерб для здоровья в денежном выражении, полученный в ходе оценки различными экспертными группами, имеет значительные размеры, достаточные для обоснования «озеленения» экономического развития, технологической модернизации секторов экономики. Оценки ущерба для регионов, где размещены предприятия тяжелой промышленности, могут быть больше ожидаемого прироста ВРП.

Важнейшим направлением нам представляется достижение эффекта декарпинга — рассогласования динамики роста ВВП и динамики потребления природных ресурсов, загрязнения окружающей среды. Эффект декарпинга наблюдается на макроэкономическом уровне в нашей стране, начиная с 2000-х гг. Снижение водоемкости и снижение удельного загрязнения атмосферы от стационарных источников выбросов являются благоприятными признаками эффекта декарпинга.

Значительного улучшения здоровья населения и экологического состояния позволяет достигнуть целенаправленная разумная политика в сфере экологии. По нашему мнению, наиболее эффективной политикой для здоровья населения является регулирование автотранспорта в городах, включая мониторинг и обновление списка наиболее загрязненных городов, реализация в этих городах программ по улучшению экологического состояния во взаимосвязи с мерами в здравоохранении, организация автотранспорта для уменьшения загрязненных выбросов автотранспорта, взаимодействие природоохранных ведомств и сопряженных министерств и ведомств. Поскольку наиболее значимым для здоровья населения городов признается загрязнение воздуха мелкодисперсными частицами, представляется первоочередным уменьшение выбросов автотранспорта, который является главным источником мелкой пыли. С этой целью важно улучшение качества шин, принятие экологического стандарта ЕВРО-4 и поэтапное введение стандарта ЕВРО-5, вывод большегрузного транспорта за пределы города, улучшение дорожного покрытия. Положительным примером снижения загрязненности воздуха твердыми частицами является Москва, где реконструирована дорожно-транспортная сеть и проведена модернизация общественного транспорта.

В. В. Чекмарев

Россия, г. Кострома,

заместитель главного врача по экономике,

канд. экон. наук

Vladimir.checmarev@yandex.ru

Мифы о продовольственной безопасности

С ростом численности человечества начинают формироваться тенденции уменьшения производства продовольствия в расчете на одного человека. Одновременно увеличивается производство информации (в расчете на одного человека) и увеличивается стоимость овладения знаниями (цена единицы образовательной услуги в расчете на одного человека). Соответственно доступность образования падает.

Не материальное, а знаниевое расслоение общества нарастает. При этом доступность информации с помощью, в том числе, интернета возрастает, а доступность знания как упорядоченной и достоверной информации падает. Обладатели уже не финансового капитала, а гуру знаний, возвращают (в завершающемся 2000-летнем цикле развития общества) человечество к состоянию Древнего Рима, с управлением миром из единого центра. Процесс примитивизации усиливается, увеличивается в масштабах. Но это не клуб 300 или что-либо похожее. Это еще не сформировавшийся

Глобальный мозг (с любым его названием, которое со временем появится). Этот мозг не будет (скорее всего!) являться источником власти через физическое насилие, а будет осуществлять информационное воздействие. Возникает будущее информационного рабства (или крепостничество).

А если выразиться более строгим языком науки-знания, то контуры будущего расплывчаты и туманны. И, следовательно, требуется систематизация сложных и противоречивых процессов, происходящих в современном мире, и выяснение механизмов их протекания (осуществления).

Я разделяю идеи А. Бугалина и А. Колганова, изложенные в их многочисленных работах, и особенно в монографии «Глобальный капитал».

Я приветствую позицию А. И. Субетто, изложенную также во множестве работ, среди которых, на мой взгляд, квинтэссенцией его взглядов, стержневой работой является «Капиталократия».

Я отдаю должное Марксу, синтезировавшему знания XIX века и выделившему в качестве основы прогресса развитие материальных условий жизни общества, а в качестве движущей силы всех общественно-политических систем, основанных на эксплуатации, — борьбу классов. При этом я полагаю, что сегодня, в XXI веке, в отличие от ситуации века XIX, такие факторы, как географическая среда, традиции, народонаселение, весьма значимы и определяют ошибочность представлений о закономерностях (по Марксу) стадий поступательного формационного развития общества (см.: С. Платонов «После коммунизма»).

Вероятнее всего, что и оценку ряда ученых ситуации развития как нелинейной стадии будущие исследователи будут корректировать. Посылком к этому тезису является то обстоятельство, что в такой сверхсложной системе, как «общество — природа», существует тесная связь явлений, которые на коротком историческом периоде наблюдения рассматривались как независимые, без обратных связей, а сегодня мы констатируем появление целого ряда новых процессов, которые со временем могут сыграть решающее значение для существования человечества. «Масштабы хозяйственной деятельности стали столь велики, что естественные процессы метаболизма и разбавляющая способность атмосферы и гидросферы во многих регионах мира уже не в состоянии нейтрализовать антропогенные нагрузки и их вредные влияния».

Такое положение дел превращает проблему в угрозу существования системы «природа — общество». С позиции теории ЭБ такие угрозы можно классифицировать по критерию времени восстановления нормального (безопасного) состояния после прекращения воздействия. Возьмем, к примеру, уничтожение осетровых рыб в Волге и Каспии. Действуют заводы по уменьшению сокращения рыбы в естественных местах обитания за счет выращивания в искусственных условиях мальков. Но вопрос — о возможности замещения выловленной (читай — уничтожение

естественного ресурса питания) во временном периоде, ибо осетровые растут минимум 12 лет.

И даже в трехмерном экономическом пространстве эта проблема не имеет решения. Но экономической теории уже необходимы идеи четырехмерного пространства, где четвертой координатой является экономическое время. Те же рассуждения можно осуществить и по поводу возобновления легких планеты — лесов. Специалисты ведут речь об экологической безопасности. Думаю, проблема глубже и шире. И не ограничивается рамками и проблематикой экологической безопасности. Ведь речь идет не только о времени восстановления, но и о динамике процессов. А сегодня специалисты в области ЭБ ни в статьях и книгах, ни в учебниках вопрос динамики процессов не анализируют. А ведь именно динамика процессов меняет качество и атмосферы, и биосферы, и стратосферы, и гидросферы, и мотиваций человеческих действий.

В 2001 г. вышла в свет книга, в которой авторы замахнулись на изложение «последовательной систематизации глобальных проблем с установлением их иерархии по степени угрозы для людей с характерным сроком реализации».

Прошло 17 лет. Насколько позиции автором жизнь подтвердила? Забегая вперед (ниже объяснюсь) отмечу, что авторы оказались в плену иллюзорных представлений. Видимо, сказалось влияние идеи Римского клуба об устойчивом развитии. Можно полагать, что эти идеи, фактически сведенные к декорации, сослужили плохую службу. Кроме одной из характеристик, которая реализуется вне всяких сомнений, а именно: знание есть власть!

Вышеприведенные (хотя и тезисно) рассуждения делают значимыми идеи трансляции отхода от экономического роста к устойчивому развитию, упразднению показателей, характеризующих рост как самоцель, а в перспективе — как показатель угрозы развития человеческого сообщества и существование истины «природа — общество». Нарастает дисбаланс химического состава среды обитания за счет, в первую очередь, производственных и бытовых отходов. Возникает опасность генетической катастрофы.

С позиции **теории ЭБ** стоит «развести» понятия «опасность» и «угроза» для выработки механизмов защиты и предупреждения. Аналог: в медицине (точнее, охране здоровья) — можно лечить (исправлять), а можно не допускать состояния, требующего исправления (лечения).

Рассогласования в биосфере и экономике сегодня затушевываются мировыми политическими катаклизмами. А что там с Сирией или Южной Кореей, как быть с Трампом, Меркель или Путиным? СМИ — только об этом. А что с нашим общим будущим? Но о последствиях физического усложнения инфраструктуры жизнедеятельности человека — молчок!

Приведем цифры оценки ситуации ООН, которые дают пищу для размышлений: за последние 150 лет при росте населения в четыре раза нагрузка на биосферу возросла в 100 раз!

Но нас больше волнуют проблемы текущие — рост социального неравенства, пытки и террор, ядерное безумие, утрата веры и моральная деградация, в целом — ощущение нестабильности. И с учетом фактора времени — это ростки дерева грядущих проблем. Колоссальный рост энерговооруженности — это проблемы энергетического баланса в системе «природа — общество». Не здесь ли истоки пророчества о коллапсе? Аналог: развитие живого организма. Непропорциональный рост человека в детские годы сопровождается отставанием развития внутренних органов. Последствия хорошо известны медикам.

Исходя из вышеизложенного, может быть, **сущность категории ЭБ** следует определять не как защищенность хозяйствующих субъектов от угроз их экономическим взаимодействиям, а как защищенность системы «природа — общество» от экономики и ее ракового для природы роста?!

Приведу общеизвестные цифры. В среднем, один вид животных исчезает ежедневно, один вид растений — еженедельно. В результате вымирание угрожает более чем 1000 видов млекопитающих и птиц. Под угрозой уничтожения находится более 25 тыс. видов высших растений. Ежегодно из недр планеты извлекается 100 млрд т. различных ресурсов (пород), сжигается 1 млрд т. условного топлива, сбрасывается в гидросферу 600 млрд т. промышленных и бытовых стоков и т.д. и т.п.

Вот и актуализируется проблема продовольственной безопасности. Но уже не в традиционной ее постановке, а в создании новой Доктрины продовольственной безопасности. Минсельхоз России в текущем году признал, что Доктрина продовольственной безопасности, принятая в 2010 г., устарела и требует новой редакции. Дело в том, что само понятие «продовольственная безопасность» трактуется неоднозначно.

С одной стороны, уместны все военно-стратегические соображения: «если завтра война, если завтра в поход», страна должна обеспечить себя всем необходимым. Для этого требуется опережающими темпами и любыми средствами наращивать продовольственную независимость. С другой стороны, не менее уместна гражданско-гуманитарная логика: продовольственная безопасность существует там, где все граждане сыты и имеют доступ к качественной еде. При таком подходе правильно поступиться «своим» продуктом в пользу «чужого», если последний лучше.

Согласно последним данным, с независимостью в России дело обстоит неплохо: в 2017 г. достигнуты и даже превышены все предписанные Доктриной показатели доли отечественной продукции в общем объеме внутреннего рынка (за исключением двух групп — молока и рыбы). В 2016—

2017 гг. приросло производство всех товаров по сравнению с 2011–2015 гг.: от 6,2% для яиц до 35,5% для зерна.

Однако с доступностью еды для населения картинка получается противоположной. Девальвация рубля, контрсанкции привели к тому, что в отдельных регионах подавляющее большинство россиян тратят на еду более половины своего бюджета, а уровень потребления базовых продуктов у беднейших слоев не превышает 60% от рекомендуемых норм, причем часто возникает вопрос о качестве продукта.

В докладе Московской школы управления «Сколково» отмечается, что определить меру эффективности работы наших агрогигантов сложно. Ведь государственная автоматизированная информационная система в сфере обеспечения продовольственной безопасности, на которую Минсельхоз потратил в совокупности более 300 млн руб., либо вообще не работает, либо ее труды недоступны населению: никто не видел отчетов по более чем шести сотням заявленных показателей, которые должны были собираться и анализироваться на регулярной основе. Да и как можно сделать вывод по такому огромному числу показателей? Может быть, компьютер от напряжения сломался...

Но если использовать строгую научную терминологию, то отмечу, что мифы о продовольственной безопасности, суть которых составляют цифры о производстве, следует предать забвению и перейти к оценке состояния продовольственной безопасности через цифры потребления.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

Раздел 1

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. А. Пороховский

Глобализация, неравномерность развития, цифровизация и национальная экономическая безопасность в XXI веке	5
--	---

М. Я. Корнилов

Упорядочение понятийного аппарата — залог успешного развития теории экономической безопасности	7
---	---

В. М. Кульков

Национальная безопасность в координатах экономической теории	10
---	----

К. А. Хубиев, А. Х. Текеева

Глобальные вызовы и угрозы национальной экономической безопасности России	12
--	----

В. В. Чекмарев

Необходима и возможна ли теория экономической безопасности?.....	16
---	----

В. В. Каширин

Особое мнение для вызовов посткризисного экономического развития России: рынок, государство, население — сбалансированное взаимодействие	24
--	----

Р. А. Амагаев

Денежно-кредитная политика банка России как компонент
политики национальной экономической безопасности
в условиях интенсивного развития цифровой экономики 27

А. А. Анисимов

Совершенствование финансовой политики государства
как условие укрепления экономической безопасности России 30

А. М. Белянова

Прогнозирование и стратегическое планирование в системе
обеспечения экономической безопасности 34

А. А. Гулиева

Социально ориентированная государственная политика
как важный фактор обеспечения национальной
экономической безопасности..... 35

С. В. Кайманаков

Структура национальной экономической безопасности 38

О. А. Львова

Диагностика угроз финансово-экономической безопасности
бизнеса..... 41

Н. Ю. Пивкина

Качество жизни населения в системе обеспечения экономической
безопасности 44

А. М. Цикин

Анализ современных тенденций в импортозамещении
и экспортоориентации российской продукции..... 46

Раздел 2

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Г. Г. Чибриков

Угрозы экономической безопасности России в процессе
цифровизации экономики..... 50

И. В. Бальнин

Ключевые вызовы цифровой экономики 52

Е. Ю. Бойцова

Проблемы антимонопольного регулирования
цифровых корпораций..... 54

И. В. Вершинин

Национальная научно-технологическая безопасность:
ключевые проблемы государственного управления
и пути их решения 57

А. В. Воронкова

Цифровая экономика как фактор промышленной
и трудовой эволюции 60

Т. В. Гудкова

Конкурентоспособность в цифровой экономике: проблемы
новые возможности 63

А. М. Корнилов

Угрозы национальной безопасности России в сфере
исследований и разработок 65

М. Е. Косов

Программы стимулирования цифровизации современной
экономики 69

А. И. Московский

Какие угрозы безопасности России несет союз наукометрии
и бюрократии 73

Раздел 3**ВИДЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ***А. З. Бобылева*

Несовершенство института банкротства
как угроза экономике России 76

О. В. Бойченко

Формирование системы экономической безопасности
предприятия 79

С. В. Кадомцева

Налоговый суверенитет и национальная безопасность 81

А. А. Кайгородцев

Инвестиционный климат как фактор
экономической безопасности России 83

А. В. Кузнецов

Международная финансовая безопасность России 86

И. Н. Молчанов

Информационная безопасность в условиях цифровой экономики (на примере финансов домашних хозяйств) 88

Н. Н. Никулин

Технологическая безопасность России в условияхэкономической глобализации..... 92

И. М. Теняков

Качество экономического роста в России в аспекте национальнойбезопасности 96

Л. Г. Титова

Имидж и репутация как факторы экономической безопасности вуза..... 98

Е. В. Белова

Продовольственная безопасность стран постсоветского пространства(на примере Армении) 101

А. Ю. Белугин

Продовольственная безопасность Российской Федерации в условиях внешнеторговых ограничений 102

Т. А. Белугина

Продовольственная безопасность и биотехнологии 104

А. А. Белянов

Методы сетевого анализа в контексте национальной экономической безопасности..... 108

С. В. Кайманаков

Внешнеэкономическая безопасность России: содержаниии оценка 109

Л. Г. Лагутина

Налоговая безопасность инновационных предприятий 112

М. Ю. Павлов

«Родовые поместья» как фактор обеспечения национальной экономической безопасности России..... 114

С. В. Соловьева

Экологическая безопасность и здоровье населения России..... 117

В. В. Чекмарев

Мифы о продовольственной безопасности 119

ISBN 978-5-906932-17-4

9 785906 932174

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ
ЭКОНОМИКИ**

Сборник тезисов

Под редакцией

А. А. Пороховского, С. В. Кайманакова